

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ФОРУМ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ОТНОШЕНИЯМ

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

НА ЭМБЛЕМЕ ФОРУМА ИЗОБРАЖЕН АТТРАКТОР ЛОРЕНЦА – ФИГУРА, ВОПЛОЩАЮЩАЯ
ВАРИАНТНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ ПОТОКОВ ЧАСТИЦ В НЕРАВНОВЕСНЫХ СИСТЕМАХ

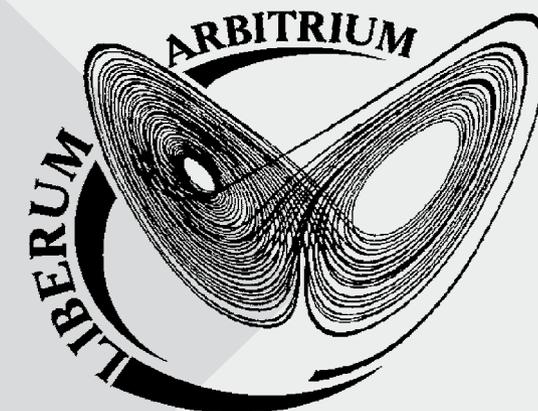
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ ЯНВАРЬ-МАРТ / 2024

INTERNATIONAL TRENDS
Journal of International Relations Theory and World Politics

ISSN 1728-2756 (PRINT)
ISSN 1811-2773 (ONLINE)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Том 22. Номер 1 (76). ЯНВАРЬ-МАРТ / 2024
Volume 22. No. 1 (76). JANUARY-MARCH / 2024

СИЛА УБЕЖДЕНИЯ МЕГАТRENДЫ

Татьяна Романова	▶ Суверенитет и санкции в дискурсе ЕС
Рустам Касьянов	▶ Право против ограничительных мер
Екатерина Торкунова	▶
Марк Энтин	▶
Екатерина Энтина	▶ Инструментализация продовольствия и энергетики в политике Запада
Софья Бабкина	▶

Научно-образовательный **ФОРУМ** по международным отношениям

неправительственная некоммерческая организация
для содействия научно-образовательным
и просветительским программам, нацеленным
на формирование в России современного
профессионального сообщества международных
и политологов

Под нынешним названием Форум работает с 2000 г.

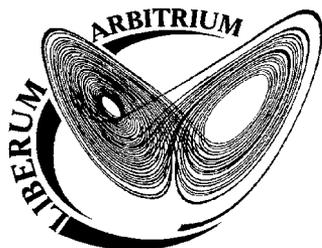
Президент Форума
Алексей Богатуров

Исполнительный директор
Андрей Байков

Сайт Форума:
<http://www.obraforum.ru>

INTERNATIONAL TRENDS

Journal of International Relations Theory and World Politics

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ПРОЦЕССЫ

ЖУРНАЛ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Том 22. Номер 1 (76)
ЯНВАРЬ-МАРТ **2024**

Mezhdunarodnye protsessy (International Trends)

The Journal of International Relations Theory and World Politics

Editor-in-Chief

Andrey Baykov
MGIMO University

Executive Editor

Igor Istomin
MGIMO University

Editorial Board

Chairman

Alexei Bogaturov, *Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation*

Sergey Afontsev, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Tatiana Alekseyeva, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Vladimir Baranovsky, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Andrey Baykov, *Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation*

Irina Bolgova, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Alexander Bulatov, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Timothy J. Colton, *Harvard University, USA*

Christine Inglis, *University of Sydney, Australia*

Igor Istomin, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Alexey Fenenko, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Maksim Kharkevich, *Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation*

Nikolai Kosolapov, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

S. Neil MacFarlane, *Oxford University, UK, Geneva Centre for Security Policy, Switzerland*

Tatiana Shakleina, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Valery Tishkov, *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Pavel Tsygankov, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Alexei Voskressensky, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

William C. Wohlforth, *Dartmouth College, USA*

ISSN 1728-2756 (PRINT)

ISSN 1811-2773 (ONLINE)

*The opinions expressed in **International Trends** are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editors, the editorial board, Academic Educational Forum on International Relations, or the organizations to which the authors are affiliated.*

«International Trends» (*Mezhdunarodnye protsessy*) is the first Russian academic journal of international relations theory and the methodology of world-political studies. It is independently published and managed by the Academic Educational Journal on International Relations, a Moscow-based Russian NGO established in 2000. Having no direct affiliation with any state or private institution, the journal aims to facilitate communication among scholars and educators in Eurasia and to foster their concerted effort in developing theoretical approaches to international relations and world politics. Our journal's priorities include new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics, migrations, and international political economy. Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. The journal circulates in 1,100 copies and also exists in an open-access format at: <http://www.intertrends.ru>. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts, and university faculty, it is distributed among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Administration of the President of the Russian Federation.

© **Academic Educational Forum on International Relations**

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Editorial Board.

Редакционная коллегия

Председатель

Алексей Богатуров

Татьяна Алексеева, Сергей Афонцев, Андрей Байков, Владимир Барановский,
Ирина Болгова, Александр Булатов, Алексей Воскресенский,
Кристин Инглис (Австралия), Игорь Истомин, Тимоти Колтон (США),
Николай Косолапов, Нил Макфарлейн (Великобритания), Валерий Тишков,
Уильям Уолфорт (США), Алексей Фененко, Максим Харкевич,
Павел Цыганков, Татьяна Шаклеина

Главный редактор

Андрей Байков

Шеф-редактор – первый заместитель главного редактора

Игорь Истомин

Ответственный секретарь – заместитель главного редактора

Ирина Болгова

Редакционно-корректорская группа

Даниил Менчиков, Ирина Николаева, Иван Хлудов

Журнал издаётся Научно-образовательным форумом
по международным отношениям

*Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах,
могут не совпадать с позицией Редакционной коллегии и НОФМО*

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещанию и средствам массовой коммуникации
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–13727 от 14 октября 2002 г.

Журнал основан в 2002 году.

Журнал индексируется в библиометрических системах научной информации **Scopus**
и Russian Science Citation Index (**RSCI**) на платформе **Web of Science**.

ISSN 1728–2756 (печатная версия)

ISSN 1811–2773 (интернет-версия)

ООО Издательство «Аспект Пресс», 111141, Москва, Зелёный проспект, д. 3/10, стр. 15
Отпечатано: АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел. 8 (495) 221–89–80

© Журнал «Международные процессы», 2022

© А.Д. Богатуров, А.А. Байков, О.О. Гуляева (эмблема), 2022

**Никакая часть настоящего журнала не может быть воспроизведена в печатном,
электронном или ином виде без письменного разрешения редакции**

POWER OF PURSUASION

Volume 22. No 1 (76). January–March 2024

CONTENTS

RESEARCH ARTICLES

REALITY AND THEORY

Viktor Sergeev Kirill Koktysh	Scientific and Technological Progress and Ontological Provincialism	6
Tatiana Romanova	The Evolution of the Discourse on Sovereignty and Sanctions and Its Significance for the EU's External Relations	22

FROM THEORY TO PRACTICE

Rustam Kasyanov Ekaterina Torkunova	Law as a Tool to Counter Political Coercion	42
--	---	----

CATCHING A TREND

Elena Maslova Gleb Ivanov	The Behavior of Middle Powers in Multilateral Institutions. The Record of Italy in the UN	63
Philipp Trunov	Burden-Sharing between Western States in Containing Russia and China	80
Ekaterina Koldunova	Southeast Asia between the US, China, And Russia: in Search for an Eluding Balance	106
Alexey Tokarev Mikhail Kucherov Kristina Ermak	Labeling Partner as a Threat: Russia in German Doctrinal Documents (1990–2023)	124

DEBATING AN ISSUE

Mark Entin Ekaterina Entina Sofia Babkina	The Food and Energy Crises of the 2020s as a Vehicle of Western Anti-Russian Policy	148
---	--	-----

<i>Our authors</i>	171
------------------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕОРИЯ

Виктор Сергеев Кирилл Коктыш	Научно-технический прогресс и онтологический провинциализм	6
Татьяна Романова	Эволюция дискурса о суверенитете и санкциях и её значение для внешних связей ЕС	22

ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Рустам Касьянов Екатерина Торкунова	Право как инструмент противодействия политическому давлению	42
--	---	----

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

Елена Маслова Глеб Иванов	Поведение средних держав в многосторонних институтах: опыт политики Италии в ООН	63
Филипп Трунов	Распределение вклада между «западными демократиями» в сдерживание России и КНР	80
Екатерина Колдунова	Юго-Восточная Азия между США, Китаем и Россией: в поисках ускользающего равновесия	106
Алексей Токарев Михаил Кучеров Кристина Ермак	Называя партнёра угрозой: Россия в доктринальных документах Германии (1990–2023)	124

ХОЛОДНО – О ГОРЯЧЕМ

Марк Энтин Екатерина Энтина Софья Бабкина	Продовольственный и энергетический кризисы 2020-х годов как инструмент антироссийской политики Запада	148
---	---	-----

Наши авторы

Our authors

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОВИНЦИАЛИЗМ

ВИКТОР СЕРГЕЕВ

КИРИЛЛ КОКТЫШ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В работе анализируются причины онтологического доминирования Запада, который на заре развития капитализма обнаружил прибыльность инвестиций в естественные науки. Последние обеспечили его технологическое превосходство и сделали возможной его колониальную экспансию. В дальнейшем экспорт инноваций стал одним из инструментов этой политики и провинциализации остального мира, чему способствовала в первую очередь долго существовавшая западная монополия на маркетизацию инновационных идей. Тем самым готовый продукт производился с протестантским культурным кодом в качестве единственно возможной нормы. В результате этого процесса была создана «ловушка модернизации». Она представляла собой вестернизацию: модернизируемый субъект встраивался в западную систему в качестве провинции. Вместе с тем наличие «машинерии маркетинга» не отвечает на вопрос, каким образом генерируются инновации и происходят научные революции. Авторы, опираясь на теорию научных революций Т. Куна, выделяют ещё один ключевой компонент, а именно – наличие «клубной науки». Она построена по сетевому принципу сообщества наиболее видных учёных, способного генерировать инновации, выходящие за рамки привычных парадигм. Авторы предлагают собственную модель организации научного производства, представляющую собой сосуществование клубной и нормальной науки. Первая, сетевая, состоит из равных по правам членов, известных достигнутыми результатами. Она способна выходить за рамки доминирующих парадигм и формулировать новые. Вторая же, иерархическая, продвигает парадигмы, верифицирует и легитимирует их, делая их частью базового образования. Их сосуществование и создаёт полноценную структуру инновационной науки. Авторы отдельно рассматривают советскую попытку создать свою собственную клубную науку, обеспечившую страну ядерным суверенитетом, а также выделяют причины её последующего упадка. В заключение предлагается ряд конкретных шагов в части обретения полноценного суверенитета в области научного производства с учётом китайского опыта.

Ключевые слова:

научная революция; нормальная наука; клубная наука; научная иерархия; легитимация научных результатов; онтологический провинциализм; инновации

Статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках гранта ИМИ № 2025-04-04.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.10.2023

Дата принятия к публикации: 21.02.2024

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: kirill.koktysh@gmail.com

Последние триста лет были эпохой утверждения глобального доминирования протестантского Запада. Став центром научно-технического прогресса, он построил вокруг себя глобальную экономику. Механизм этого прорыва в общих чертах хорошо описан и понятен. *Во-первых*, стоит упомянуть приток в Европу монетарного капитала вследствие ограбления латиноамериканских колоний. Он породил в Европе конца XV века инфляцию, обесценившую вместе с деньгами и традиционные католические ценности [Фуко 2010: 27–49], поскольку богатство оказывалось у тех, кто не следовал заповедям [Коктыш 2022: 98–102]. *Во-вторых*, в результате оформления новых ценностей, принявших форму протестантизма, были узаконены права новых собственников. Таким образом, обогащение стало смыслом существования. Возникла новая картина мира [Коктыш 2022: 94–113], где обладание богатством выступало свидетельством личной спасённости, а приобретение — целью жизни человека, а не средством удовлетворения потребностей [Вебер 1990: 75]. Интересы торговой или социальной политики оказались ключевыми факторами формирования мировоззрения [Вебер 1990: 91].

Новая система ценностей сформировала иные инвестиционные приоритеты. Императив обогащения требовал внешней экспансии, а успешность последней зависела от технологического превосходства. В этом контексте довольно быстро была обнаружена высокая прибыльность вложений в естественные науки. Прогресс в познании природы порождал инновации, которые укрепляли технологическую мощь. Последняя делала более эффективной как дальнейшую экспансию, так и контроль над возникнувшей колониальной системой. Для реализации этих планов требовались не только механизмы производства инноваций, но и их маркетизации [Хайдеггер 1961: 12, Конт 2003: 119, 124–137, Хоркхаймер 2011: 22, Маклюэн 2003: 9–26, Григорьев 2014: 27–60], которые в дальнейшем позволили Западу закрепиться в качестве центра глобального прогресса.

Превращение инноваций в предмет экспорта являлся весьма эффективным инструментом колониального управления, поскольку вместе с новыми рынками формировалась их технологическая зависимость, утверждались в качестве базовых собственные стандарты. Тем самым Запад обретал ресурс «мягкой силы», не только снижавшей издержки прямого контроля, но и позволявшей эффективный мирный слом новых внешних социокультурных систем с помощью описанного Маклюэном эффекта «металлического топора». В упомянутом им эпизоде протестантские проповедники, обнаружив неуспешность своих проповедей, обратили внимание на роль каменного топора в культуре аборигенов. Он служил «основным статусным символом, подчёркивающим значимость мужчины». Протестанты немедленно раздали огромное количество остро заточенных стальных топоров женщинам и детям. Результатом стали «катастрофическое падение мужского достоинства», то есть слом статусной системы, и кризис системы социальной, после чего аборигены оказались открыты их проповедям [Маклюэн 2003: 29].

Маркетизация оказалась даже более существенной, нежели сам процесс порождения инноваций. По мере утверждения вначале Британии, а потом США в качестве финансового центра обладание самым мощным в мире механизмом превращения инноваций в товар превратилось в главное стратегическое преимущество этих стран, позволяющее контролировать и направлять глобальный рынок. В этих условиях не имело особого значения место появления и авторство инновационной идеи. Её путь к рынку лежал через этот центр. Юридическое укрепление патентного права наделяло финансовый центр способностью притягивать любые созданные в мире инновации. Критерием успешности инновации становилось её приобретение метрополией.

Существенно, что изобретение и его маркетизация — разные вещи. Первое формирует понимание ранее неведомых законов природы и материи. Второе же на основе создаваемого продукта транслирует

вместе с ним культурные коды, формирует образ жизни и видимые критерии успешности, а самое главное – нацелено на удержание и развитие рынка, то есть расширенное воспроизводство. Этот процесс требует культивирования лояльного потребителя, который будет стремиться конвертировать обладание во влияние. При помощи символов статуса – «металлического топора» – тот в своей социальной системе предсказуемо будет стремиться превратить символический статус в реальный, чтобы стать частью новой элиты. Таким образом во внешней политической системе формируется альтернативный социальный лифт, где главным ресурсом становятся не личные качества или происхождение, а обладание доступом к инновациям.

В протестантской культуре потребитель индивидуален и противопоставлен обществу и государству, которые мыслятся как препоны его личной свободе. Укрепление во внешней системе зависимых от внешнего поставщика протестантских элит, полагающих обладание главным когнитивным оператором в части достижения успеха и статуса, запускало внутреннее противостояние последних государству и традиционным ценностям. В случае триумфа этих элит результатом было снижение уровня субъектности политической системы вследствие размывания критериев вертикальной мобильности и её движение к объектному состоянию зависимого рынка. Осознание, что маркетинговая прагматика требует сопровождения товарной экспансии культурной, порождающей и укореняющей протестантские культурные коды, встречается уже в труде Джеймса Милля [Mill 1817]. Видимо, именно соображения удержания и контроля рынков лежали в основе многолетних упорных усилий англичан по распространению протестантизма в своих колониях. После восстания сипаев в Индии в 1857–1859 годах они обрели во многом усилиями Джона Стюарта Милля секулярную форму продвижения прогресса и «невидимой руки рынка».

Концепции «догоняющей модернизации» не могли в полной мере вести к раз-

витию обществ – исчерпывающий анализ экономических механизмов интеграции более развитой экономики с менее развитой, по определению приводящий к обретению менее развитой свойств «недосистемы» и её включению в более развитую в качестве технологического придатка, можно найти у О. Григорьева [Григорьев 2014]. Технологический суверенитет оставался прерогативой Запада. Как следствие, речь шла скорее о вестернизации, то есть об усвоении специфических протестантских ценностей и институтов. Они фактически превращали догоняющую политическую систему в провинцию в качестве включённого в глобальную капиталистическую экономику подчинённого рынка. Примечателен даже не экспорт устаревших по большей части технологий, а закрепление за маркетинговым центром этого суверенитета. В итоге вокруг него сосредоточивалась критическая сумма актуальных инноваций, которые в любой момент можно было превратить в новый, более современный товар. В то же время на Западе остались и крупные центры их производства, о специфике и природе которых речь пойдёт ниже.

Эта логика объясняет особенности российского развития. В отечественном дискурсе уже рассматривался ряд драматичных сюжетов российской истории [Сергеев, Коктыш 2023: 173–182]. Начиная с Петра I, Россия оказалась в цикле регулярно воспроизводившихся конфликтов между «модернизаторами» и «охранителями». Первые ставили своей целью заимствование западных технологий, но те неизменно усваивались вместе с протестантскими по своей сути ценностями и институтами. Их внедрение порождало конфликт с традиционными православными культурными кодами, где базовым субъектом бытия является общество, выраженное через концепт соборности. Отсюда вытекает и негативная реакция «охранителей», которые создавали проблемы с воспроизводством этих технологий. Вместе с тем ни те ни другие в принципе не ставили под сомнение первичность западного мира, ощущая себя

в качестве его провинции и полагая себя «дитём Запада». В итоге не предпринимались попытки осмыслить эти технологии и провести их когнитивную деконструкцию, которая бы позволила очистить их от упаковки внешних культурных кодов и внедрить уже в рамках собственных.

Подобная когнитивная операция не является чем-то исключительным: Хантингтон упоминает некоторое количество исключений, в числе которых Китай, Япония, Сингапур, Тайвань, Саудовская Аравия и Иран [Huntington 1996: 76–77], сюда можно также добавить и Таиланд [Сергеев 2013: 169–174]. Авторам представляется, что причиной когнитивной устойчивости Китая, на протяжении всей своей истории уверенно конвертирующего любую заимствованную технологию в китайскую, превращая её из инструмента внешнего влияния в средство собственного укрепления, – а в числе таких успешных «конвертаций» Хантингтон упоминает и адаптацию Китаем индийского буддизма и западного христианства, ставших в итоге частью китайской культуры [Huntington 1996: 76], – является фактор иероглифического письма.

В части выявления особенностей заимствования культурных кодов и их конфликта с цивилизационным основанием весьма интересно недавнее исследование базовых ценностных и когнитивных схем, доминирующих в российском обществе [Харичев, Шутов и др. 2022: 9–19]. Исследователи выявляют пять интеграторов, на основе которых может формироваться язык описания политики и политического: индивид, семья, общество, государство и страна. Представляется, что на основе этой методологии можно сформулировать те когнитивные рамки, в которых и происходит адаптация заимствования.

Для протестантской онтологии ключевыми интеграторами становятся индивид и корпорация, которая, по сути, замещает

общество, становясь коллективным форматом обретения доказательств спасённости. Для православной мысли, органично наложившейся на традиционный способ хозяйствования, в первую очередь важно земледелие в лесостепной полосе – семья, гарантировавшая выживание, общество, поддерживавшее этические стандарты, и государство, обеспечивавшее безопасность. Для Китая с культурой орошаемого земледелия ключевыми интеграторами были государство, осуществлявшее водораспределение, общество и семья. В рамках этой парадигмы российская история противостояния между «модернизаторами» и «охранителями» может быть описана как конфликты базовых социокультурных кодов, когда заимствованные из протестантской среды технологии несли с собой и телеологию, и язык, и ценности, по определению противоречащие базовым кодам общества. Накопление этих противоречий порождало импульсивную реакцию «охранителей», получавших поддержку общества.

При этом наиболее общий интегратор, «страна», как правило, в большинстве политсистем остается «спящим», то есть той идентичностью, которая актуализируется в критические моменты истории, например в моменты войн. Для России это были Отечественные войны – как 1812 года, так и Великая Отечественная.

В остальной же части мира Запад сумел позиционировать свой путь как единственно возможный, по которому с неизбежностью должны последовать все остальные, убедившись в своём провинциализме. Большинство неизбежно случившихся исключений¹ до сих пор в силу тех либо иных причин купировалось. В этом контексте противостояние России с Западом, начавшийся в 2010 годах современный этап китайской модернизации и консолидация незападного мира в рамках БРИКС являются первым в своём роде полноценным вызовом системе западного технологиче-

¹ К ним можно отнести Японию в период после Революции Мэйдзи (1868–1889 годы) и до Второй мировой войны, а также накануне соглашения в Нью-Йорке в отеле «Глаза» в сентябре 1985 года, закрывшего «японское чудо», Германию 1930-х годов и советскую модернизацию сталинского периода.

ского доминирования, при том что этот путь ещё предстоит пройти.

Одна из проблем на этом направлении – это преодоление онтологического провинциализма научных² и политических элит. Он порождает нормативность убеждения, что технологии и инновации, равно как и формирующийся на их основе социальный порядок, – единственно возможная опция. В результате происходит признание за Западом «право первородства» и классификация его социального устройства как образцового первичного порядка, подлежащего воспроизводству. Отметим, что эта аксиома не подтверждается логикой исторического развития. Например, вплоть до опиумных войн XIX века глобальным центром производства инноваций был Китай, чьё социальное устройство было и остаётся весьма далеким от западного. Существенно, что именно эта страна укладывала свои инновации совсем в иную онтологию, отнюдь не предполагавшую экспансионизма и построения глобального рынка.

Тем не менее за обоснованием онтологического провинциализма незападного мира стоят весомые западные институты, генерирующие инновации фактически в режиме международного разделения труда. Большинство западных центров их производства де-факто являются филиалами Запада. Этому способствует фактор «утечки мозгов», поскольку имплементация любого открытия в технологию на Западе на порядок легче, а перспективы маркетизации – существенно выше. Немаловажную роль также играет активное утверждение своих стандартов науки в качестве универсальных, что в реалиях цифровой эпохи позволяет отслеживание трендов научной мысли машинным образом, на уровне алгоритмов. Речь идёт об уже описанной машинерии маркетизации инноваций, которую по большому счёту корректно отнести к разряду финансовых технологий. Тем не менее, кроме неё, есть и институты организации научного производства, которые заслуживают более пристального внимания.

Модель «клубной науки»

Мы уже отмечали принципиальную разницу процессов производства инноваций и их легитимации, то есть практического внедрения, включающего в качестве конечного этапа и маркетизацию. Для понимания этого различия уместно обратиться к теории научных революций, предложенной в 1950-х годах американским исследователем Томасом Куном в книге «Структура научных революций» [Кун 1977; 1997].

Аргументация философа строилась в противовес классической теории науки, которая рассматривала последнюю как совокупность индивидуальных достижений учёных, по существу отрицающая роль социальных структур в её развитии. Взамен этого Т. Кун предложил изучать эволюцию научного знания как преимущественно социальный процесс, в котором социальные структуры, возникающие в процессе научной деятельности, играют доминирующую роль. В соответствии с этой точкой зрения он сформулировал такие понятия, как «научная революция» и «нормальная наука». Первая создаётся в рамках жёстких иерархических моделей, образуемых внутри научных сообществ. Последние опираются на определённую парадигму – разделяемые всеми его членами онтологические и эпистемологические допущения.

Парадигмы сменяют друг друга в процессе научных революций, после победы которой научная деятельность протекает в рамках нормальной науки. Она сводится к попыткам устранить противоречия с новыми поступающими фактами через разрешение научных головоломок. Структура нормальной науки, таким образом, жёстко иерархизирована, и высшие члены научной иерархии с пристрастием следят за соблюдением парадигмальных ограничений. Место учёного в такой конструкции должно определяться его успехами в разрешении головоломок, не подрывающими вместе с тем основ парадигмы.

Радикальные изменения, согласно теории Куна, происходят достаточно редко.

² Как в естественных, так и в социальных науках.

Все учёные должны разделяться на два класса: деятелей нормальной науки, выполняющих, по существу, охранительную роль, и немногочисленных революционеров, способствующих изменению онтологических постулатов науки. Модель Куна в значительной мере опирается на изучение социологии отношений внутри научного сообщества. Её слабость состоит прежде всего в отсутствии рационального описания смены научных парадигм. В качестве причин философ выделил накопление противоречий между существующей парадигмой и новыми экспериментальными данными. Кун не предложил также никакого описания социальных структур «ненормальной науки». Смена онтологических постулатов рассматривалась как революционный процесс, случающийся *ad hoc*.

Указанные замечания были наиболее слабым местом в теории научных революций философа. Его критиками были предложены три модели, опровергавшие теоретические построения Т. Куна по различным логическим основаниям. Пол Фейерабенд выдвинул анархическую теорию обновления научного знания, исходящую из представления «всё годится» [Фейерабенд 1975; 1978]. Имре Лакатос стал рассматривать изменение научного знания как процесс соревнования научно-исследовательских программ [Лакатос 1967; 1995; 2001]. Стивен Тулмин выработал эволюционный подход, представив в качестве эволюционирующих элементов «плеяды научных концептов» [Тулмин 1984]. Необходимо заметить, что критики теории научных революций, несмотря на сделанные ими ценные замечания, уточняющие структуру инновационного процесса, в целом остались на позициях классической теории науки, ставящей в основу научного прогресса не её социальные структуры, а ментальные модели отдельных исследователей.

Мы предлагаем, сохранив социологический подход Т. Куна и его концепцию нор-

мальной науки, изучить в рамках социологической модели клубной науки и процесс смены парадигм. В отличие от иерархий нормальной науки, её антипод представляет собой горизонтально организованную социальную сеть исследователей с высоким входным порогом внутри социальной сети. Имеется в виду типично клубная структура в английском понимании этого слова³. Она не исключает выборного компонента, означающего отсутствие иерархической власти над умами рядовых членов, наблюдающейся в рамках нормальной науки. Речь идёт, таким образом, о различиях в структуре лидерства.

Ярким примером такого рода клуба был в 1920-х – 1930-х годах Копенгагенский институт Нильса Бора, который с начала 1920-х стал центром притяжения целой плеяды талантливых физиков⁴. Всего за шесть лет с 1920 г. более 40 исследователей со всех стран мира посетило Бора для бесед [Данин 1985: 49]. Результатом клубных обсуждений стали прорывы в области физики элементарных частиц и квантовой механики, матричная механика Гейзенберга и знаменитое уравнение Шрёдингера. Идеи создателей квантовой механики выкристаллизовывались в продолжительных изнурительных беседах с Бором.

По иным довольно жёстким иерархическим принципам функционировала школа Ландау в СССР: там существовала жёсткая зависимость от сдачи Ландау-минимума, предполагавшего буквальное знание основных положений курса Ландау, изложенного в томах трудов Л.Д. Ландау и Е.М. Лившица по теоретической физике. Теорминимум Ландау состоял из девяти различных экзаменов, и за весь период с 1934 по 1961 г. его смогли преодолеть только 44 человека⁵. Место в школе Ландау определялось результатами экзамена, но и его можно было довольно легко потерять.

Тем не менее и в Советском Союзе были примеры клубной организации учёных-

³ Клуба джентльменов, принципиально равных между собой.

⁴ Например, Вернер Гейзенберг, Поль Дирак, Эрвин Шрёдингер, Луи де Бройль, Вольфганг Паули, Энрико Ферми и многие другие.

⁵ «Слишком много шума» // Коммерсантъ, 20.01.2023. <https://www.kommersant.ru/doc/5774260>

исследователей. В теоретической физике стоит отметить группу, возглавляемую академиком Л. И. Мандельштамом, в математике – коллектив кафедры топологии под руководством академика П.С. Александрова. В значительной мере клубом был Математический институт Академии наук СССР, состоявший из высокоstatusных и международно признанных математиков.

Клубная структура в науке предоставляет широкие возможности для творческого обсуждения, при этом она не обладает карающей силой по отношению к диссидентам, в отличие от иерархической структуры нормальной науки. Именно в рамках дискуссий внутриклубной структуры вырабатывается новая точка зрения. В основе этой процедуры лежат дебаты между равными членами, позволяющие либо обновить парадигму без революционных изменений, либо заменить её на более релевантную.

Таким образом, социальная структура науки состоит из двух постоянно действующих независимых частей – нормальной и клубной науки, которые могут пересекаться между собой. Каждый конкретный учёный может быть одновременно членом обеих частей. Они вполне могут анализироваться в рамках социологических моделей. Центральным параметром для обсуждения в этом случае является уровень входа. Речь идёт о научных заслугах каждого члена, которые позволяют ему стать полноправным участником диалога по формированию новой научной парадигмы, а также об отборе участников и организации конкретного обсуждения⁶. В плане методологии мы тем самым возвращаемся к социологии, возможности которой были продемонстрированы Максом Вебером [Weber 1978].

Соответственно, существует необходимость эмпирического осмысления структур клубной науки и основанного на ней нового типа научных институтов, реализованных, в частности, на примере Института

высших исследований (*Institute for Advanced Study, IAS*) в Принстоне, в рамках которого действовали такие выдающиеся учёные, как А. Эйнштейн и Дж. фон Нейман. После его возникновения были созданы аналогичные подразделения при ведущих университетах США и Западной Европы⁷. Они организованы исключительно по клубному принципу: приглашаются учёные высокого уровня на ограниченный срок (обычно порядка одного года) при небольшом постоянном штате сотрудников, занимающихся в основном административными вопросами. По существу, такие институты являются площадкой для обсуждения новых научных идей представителями различных стран, отобранными на сетевой основе постоянным штатом.

Модель «клубной науки» способствует развитию междисциплинарных исследований в силу отсутствия искусственных стен, формируемых иерархиями внутри отдельных дисциплин. Этот вывод подкрепляется анализом деятельности учёных, ставших руководителями институтов высших исследований. Основатель и первый директор Института Санта-Фе Мюррей Гел-Манн, получивший Нобелевскую премию по физике за разработку кварковой модели элементарных частиц, к концу жизни посвящал большую часть своих усилий сравнительной лингвистике. Альберт Эйнштейн является примером одного из наиболее разносторонних физиков-теоретиков, совершивший крупные открытия в таких далёких друг от друга областях, как теория тяготения и квантовая физика. Джон фон Нейман, работавший в том же институте, – вообще один из наиболее универсальных учёных XX века, осуществив прорыв в математике (теория неограниченных операторов), теоретической физике (математические основания квантовой теории), вычислительной технике (архитектура фон Неймана, используемая в большинстве

⁶ По типу Сольвеевских конгрессов, на которых обсуждались основания квантовой механики в 1920-е годы.

⁷ SCASS при Уппсальском университете и Институт высших исследований в Швеции, Институт высших исследований в Вассенаре в Нидерландах, Институт высших исследований в Белефельде в ФРГ, Институт Санта-Фе в США и другие.

современных компьютеров), теоретической экономике (теория игр). Он принял также активное участие в работе над Манхэттенским проектом (разработка атомного оружия). Возможности столь широких междисциплинарных подходов были обеспечены клубной структурой науки, институционально поддержанной новым типом научных организаций – институтами высших исследований⁸.

Данная модель позволяет по-новому оценить фундаментальный процесс смены научных парадигм, предложив для него столь же ясную структурную основу. Мы заполняем лакуну в теории научных революций Т. Куна, в которой не анализировались социальные параметры процессов смены научных парадигм. Предложенная авторами конструкция, проводящая грань между нормальной и клубной наукой, даёт возможность зафиксировать фундаментальные различия между двумя типами легитимации: иерархической и через переговоры внутри клуба.

Таким образом, основой технологического суверенитета является не только маркетинговая машинерия «на выходе», но и обладание ею клубом «на входе». Если рынок производит и продвигает конечный продукт, содержащий в себе, как правило, элементы той же протестантской культуры, то клуб генерирует исходные коды – объективные знания, которые могут быть встроены в любые онтологии и ценностные системы. Функция же регулярной науки – промежуточная, то есть легитимация и воспроизводство существующего порядка вещей.

Эти тенденции хорошо понимали деятели эпохи Просвещения, обосновывавшие власть на основании земной легитимности и не нашедшие в рамках институциональной конструкции ответа на вопрос, каким образом материалистическая цивилизация будет обретать цели своего существования,

отдав эту функцию внесистемной мистической фигуре Законодателя [Руссо 2013: 151]. Собственно, к реакции на это смелое конструирование можно отнести известный текст П.-Ж. де Беранже «Если б завтра земли нашей путь осветить наше солнце забыло – завтра ж целый бы мир осветила мысль безумца какого-нибудь!»⁹.

О фундаментальной науке как последнем ресурсе общества в период больших кризисов писали Мартин Хайдеггер и Карл Ясперс [Хайдеггер 1986; Ясперс 1986]. Из этого понимания исходил президент США Ф. Д. Рузвельт (1933–1945), отреагировавший на письмо Альберта Эйнштейна относительно необходимости разработки ядерного оружия [Первушин 2015: 92–97]. Осознание этого положения ясно засвидетельствовано в политике И. В. Сталина и Н.С. Хрущёва, продемонстрированной в процессе создания ядерного оружия и построения ракетного щита. Усилия по развитию фундаментальной науки в СССР в 1930-х – 1940-х годах, а также создание советской академической элиты путём командировок на Запад наиболее выдающихся учёных¹⁰ окупались в послевоенный период после начала «холодной войны».

Онтологический провинциализм как политическая проблема: отечественные прорывы и провалы

Эти прорывы, которые на некоторый период, до середины 1960-х годов, вывели советскую науку на первое место в мире, оказались впоследствии упущены вследствие конфликта между научным и партийным руководством после 1968 года. Научно-техническая элита, опасаясь с приходом Л. И. Брежнева к власти смены курса и возобновления «шарашек», стала требовать политических реформ по западному образцу. Советская власть, увидев в протесте только политику, отреагировала репресс-

⁸ Один из авторов статьи имел возможность на собственном опыте убедиться в преимуществах таких методов организации науки, работая в каждом из вышеперечисленных институтов, кроме Принстонского, в качестве приглашённого исследователя.

⁹ Сайт РуСтих, Пьер-Жан Беранже. Безумцы. Стих. <https://rustih.ru/per-zhan-beranzhe-bezumcy/?ysclid=lu5q8f3oga100265602>

¹⁰ П.Л. Капица, А.Н. Колмогоров, П.С. Александров и другие.

сивными мерами, вытолкнув целый ряд видных учёных в диссидентство [Сергеев, Коктыш 2023: 173–182]. В результате лидерские позиции в научных исследованиях были упущены, политика на поддержку фундаментальной науки в СССР в значительной мере свёрнута, а интеллектуальный класс оказался под подозрением в нелояльности. Последний тезис впоследствии оправдался, когда к власти в перестроечное время пришли «молодые учёные-экономисты» во главе с Е. М. Гайдаром и А. Б. Чубайсом.

Причины этого положения более глубокие, нежели неспособность власти ответить на запросы научного сообщества. Их интересы довольно просто было удовлетворить, но не в их политизированной форме выражения. Опасения партийной элиты в отношении нелояльности интеллигенции возникли существенно раньше, чем та публично проявилась. Правящие круги в определённый момент, после реформы системы государственного управления Хрущёва в 1953–1954 годах и не замедливших последовать за ними венгерских событий 1956 года, начала терять уверенность в собственном проекте, постепенно возвращаясь к ощущению своей вторичности по отношению к Западу – провинциализму. В основе идеологической доктрины СССР всё же лежал западный марксизм, с революцией 1917 г. вытеснивший аутентичный старообрядческий капитализм. До начала 1930-х годов, когда с построением собственной промышленной базы встал вопрос обретения полноценного суверенитета, в том числе в области науки, элита воспринимала Запад в качестве источника передовых технологий. Как часть западной развивалась и отечественная наука, до 1934 года, когда граница де-факто стала закрытой, сохраняя связи с зарубежной.

Вместе с тем в сталинский период марксизм был адаптирован к собственным нуждам и превратился в практический инструмент эффективного управления. Предпринятая в 1930-е годы попытка технологической суверенизации оказалась успешной.

Разрыв научных связей с зарубежьем был компенсирован возвратом из-за границы учёных с мировым именем, таких как П. С. Александров, П. Л. Капица, А. Н. Колмогоров и другие, которые сделали осознанный выбор в пользу СССР. В ряде случаев вокруг них формировались полноценные научные клубы. Последние, правда, в предвоенный и в особенности в военный период обрели формат многочисленных «шарашек». Они в духе времени и мобилизационной прагматики стали жёстким инструментом социализации интеллектуального класса, институционально сделав невозможной его потенциальную нелояльность, что не помешало им превратиться в мощный драйвер развития, выведший советскую науку на первое место в мире. Обретённое лидерство, а оно касалось большинства научных отраслей, исключает ощущение провинциализма, и на последующем этапе «откручивания гаек» задача сводилась к необходимости его идеологического закрепления.

Тем не менее эта завершающая часть оказалась невозможной. Реформы Н. С. Хрущёва превратили советскую идеологию из инструмента прикладного управления в фикцию. Институционально этот процесс был запущен в марте 1954 года, когда занимавший пост председателя Совета министров Г. М. Маленков под давлением Хрущёва подписал указ о преобразовании НКГБ в КГБ, подчинив последний Совету министров. В результате произошёл слом ключевого элемента политической системы, которая была выстроена жёстко, но логично. Партия, исходя из идеологических приоритетов, ставила задачи, правительство их исполняло, а НКГБ, подотчётный Политбюро, контролировал исполнение. В новой же комбинации был воплощён институциональный парадокс, подорвавший функциональность системы. Контролирующая структура оказалась подчинена проверяемой.

Следствием стал не только рост коррупции и снижение управляемости, но и превращение КПСС из правящего субъекта в символическую структуру, более не имею-

щую обратной связи и из всех рычагов сохраняющую только кадровую политику, эффективную лишь в крайних случаях. Дискурс и реальные действия стали существовать отдельно друг от друга: партия по-прежнему ставила задачи, но была вынуждена игнорировать их неисполнение. Идеология неизбежно начала превращаться в малообязывающий ритуал. Хотя этот процесс занял значительное время, существенно, что первой её осознала, равно как и собственную уязвимость, партийная элита, обязанная транслировать идейные установки. Обнаружив, что автомобиль, по сути, перестал управляться и движется по инерции, последняя перешла в позицию «глухой обороны». Это обстоятельство означало признание невозможности новых прорывов и побуждало к концентрации всех усилий на минимизацию потерь, которые становились неизбежными. В области науки партийное руководство отказывалось от научного суверенитета страны, который полагался более невозможным. Наблюдался возврат к признанию собственного провинциализма.

Клубная наука, способствующая прогрессу, вновь стала прерогативой Запада: в СССР для неё не оставалось места. Она постепенно исчезла по мере старения и естественного выбывания видных учёных, обеспечивших предшествующий прорыв. Доминирующей стала только структура нормальной науки, учреждённой в 1948 году. Являясь строго иерархичной, она характеризовалась наличием государственных привилегий с базовой функцией продвижения и узаконивания уже существующего набора знаний и парадигм. Перестав генерироваться внутри, инновации стали поступать уже в виде готового продукта извне. Советская научная отрасль превращалась в филиал западной науки, причём не по внутренним, а политическим причинам. Новое поколение учёных росло в условиях её доминирования, иерархическая характеристика кото-

рой усиливалась благодаря увеличению власти партийной иерархии в науке. Последняя к 1968 г. по существу подменила собой меритократию, существовавшую в СССР в период правления И. В Сталина и по инерции — Н.С. Хрущёва. Провинциализация стала базовым трендом, поскольку система стимулов научного роста была ориентирована не на достижение научных результатов, а на продвижение по административной лестнице.

Нерелевантность потерявшей веру в себя политической надстройки, подозревавшей учёное сообщество в знании того, что уже знала она сама, и пытавшейся стабилизировать ситуацию через кадровую политику¹¹, вела к эффекту «когнитивного перепроизводства». Перспективные разработки не получали практического развития, тем самым порождая у учёного сообщества стремление к «настоящим» центрам развития. Подозрительность, таким образом, превращалась в самосбывающееся пророчество. Реакция научного мира стала регулярно принимать формы явного и скрытого диссидентства, на что партия отвечала ужесточением контроля за их деятельностью.

Научное творчество вытеснялось идеологическим конформизмом. В период «застоя» (1964—1985) структура Академии наук СССР полностью бюрократизировалась, и возможности научного продвижения международно признанных учёных оказались затруднительны [Салои 1986]. Некоторые из них¹² не были избраны в Академию. На Механико-математическом факультете МГУ с 1972 г. в связи с развитием там диссидентских воззрений начались этнические и политические чистки. Достоточно откровенно осуществлялось ограничение приёма студентов на основе происхождения. Охранительная политика, став масштабной, порождала уже у всего интеллектуального класса ощущение ущемлённости. Как итог, установление скрытого

¹¹ Фактически через закрытие каналов вертикальной мобильности учёным, признанным на Западе.

¹² Например, В.И. Арнольд — математика, Ю.Д. Апресян — структурная лингвистика, В.В. Иванов — сравнительная лингвистика.

диссидентства и нелояльности становилось нормой, превращавшей интеллигенцию в де-факто прозападную силу.

Открывшиеся возможности иммиграции в Израиль, в свою очередь, сыграли роль парового клапана в перегревавшемся котле и привели к интенсивному процессу утечки значительного числа талантливой молодёжи. Более того, отъезд в эту страну лишь маскировал реальный процесс эмиграции в Западную Европу и США. Большинство эмигрантов доезжали только до Рима или Вены, дальнейший свой путь, подобно Иосифу Бродскому, продолжая за океан: по данным, заявленным представителем Совмина СССР в интервью «АиФ» в 1990 году¹³, в период с 1970-х и до начала 1990-х США до половины своих потребностей в математиках удовлетворяли за счет мигрантов из СССР. Советская наука, таким образом, оказалась к 1985 г. существенно обескровленной. Усугубляли положение и многочисленные отказы молодым учёным в допуске к секретным сведениям, что затрудняло научную работу в закрытых научно-исследовательских институтах и научных моногородах. Социальная ситуация в советской науке к указанному моменту осложнилась.

Изменение кадровой политики после прихода к власти М. С. Горбачёва, несмотря на вновь появившиеся возможности для вертикального лифта [Sergeyev, Viryukov 1993], проблему не решило. Имевшие значительные заслуги учёные, в течение двадцати лет лишённые научного и административного роста, состарились. В то же время молодое поколение, которое должно было их заменить, в большинстве своём эмигрировало. Впоследствии накопившееся недовольство было легитимировано в политической области в период перестройки. Оно получило публичную, а затем и политическую форму выражения. Последнее произошло, когда Академия наук выдвинула своих представителей на Съезд народных депутатов СССР в 1989 году.

Относительно молодые сотрудники рассматривали общественную деятельность как способ оказать влияние на политику дирекции институтов. Публичное давление вынудило руководство АН СССР пойти на серьёзные уступки. На Съезд был избран целый ряд диссидентов, включая академика А. Д. Сахарова. В депутатском корпусе произошло разделение на группы. Сторонниками Б. Н. Ельцина стали «радикальные демократы», состоявшие в основном из сотрудников без учёной степени или людей, примерно к сорока годам защитивших кандидатские диссертации. Речь идёт о лицах, не получивших административного продвижения в карьере и потому крайне не удовлетворённых общей ситуацией. Между тем к числу сторонников М.С. Горбачёва относились умеренные демократы, в основном — молодые доктора наук и заведующие лабораториями.

После путча 1991 г. последние не смогли больше оказывать влияние на политическое развитие страны, в отличие от последователей Ельцина в Академии, представленных к тому времени в Съезде народных депутатов России. В результате радикализации политических взглядов [Viryukov, Sergeyev 1997; Бирюков, Сергеев 2004] советская наука была объявлена консервативной, неэффективной и коррумпированной. Масштаб финансирования научной деятельности был сокращён примерно в десять раз, фундаментальная наука рассматривалась новым руководством как избыточная и потому также была практически лишена финансовой поддержки.

Дальнейшие реформы уже институционально поставили отечественную науку в зависимое положение от Запада. Радикальное уменьшение финансирования и открытие страны западным фондам де-факто легализовали массовый отток высококвалифицированных учёных, их знаний и работ. Восстановление клубной науки в этом формате оказалось невозможным. Изначально поток грантового финансиро-

¹³ «В 1989 г. из СССР выехали свыше 70 тысяч научных работников. “Утечка умов”: за и против» // АиФ, 28.04.1990. <https://archive.aif.ru/archive/1651402>

вания из-за рубежа в основном получали исследователи, уже сделавшие себе имя на Западе, что представляло собой разновидность «утечки мозгов». Как правило, критерием их выдачи было наличие публикаций в престижных зарубежных журналах, наличие патентов или получение каких-либо грантов до этого, а затем, после подготовки для руководства США в 1992 г. коллективом американских экспертов доклада «Переориентация исследовательского потенциала бывшего Советского Союза», на который ссылается М.Г. Лазар [Лазар 2015: 269], возникли программы, под лозунгом интернационализации науки стимулировавшие миграцию молодых учёных по перспективным для США направлениям в области физики, химии, биологии, геологии и математики. Всего за двадцать лет после распада СССР, по данным Лазара, на Запад из России эмигрировало более 400 тыс. учёных и инженеров [Там же]. Любопытно, что Лазар отмечает: в предложенной Западом грантовой системе содержалась принципиально новая идеология взаимоотношений учёного и заказчика, взаимоотношений между самими учёными одной организации или внутри научной школы, страны, а именно – идеология индивидуализма, основанная на жёсткой конкуренции внутри науки на разных уровнях её структуры, что, в принципе, противоречит профессиональным нормам классической науки [Там же: 264].

Собственно, для власти это не представлялось проблемой как минимум до мюнхенской речи Путина 2007 года: российские элиты до того момента вполне искренно исходили из концепции западноцентричного мира как нормы, в рамках которого России будет отведена своя весомая роль. В этом контексте и российская наука вполне логично мыслила себя как часть западной, по сути не выходя за пределы декларируемых Западом парадигм. Осознание же вызова на уровне уже научного сообщества в целом началось с 2014 года, приняв формы системного вызова после начала специальной военной операции на Украине.

Надо отметить, что российская власть действительно смогла извлечь многие уроки из негативного советского опыта: так, проблемы адекватного финансирования отечественной науки сегодня успешно решаются, что позволяет не только сохранять собственный научный потенциал, но даже и запустило процесс возвращения на родину многих талантливых учёных, ранее мигрировавших на Запад. При этом остаётся нерешённой вторая часть проблемы, ничуть не менее серьёзная, – проблема обретения собственной парадигмальной точки опоры, которая была бы не архаизацией, а, напротив, шагом вперёд, переходом в картину мира, в рамках которой западный кейс уже становится не центральным, а одной из возможных и отнюдь не предопределённых опций. Для чего требуется вполне полноценный онтологический суверенитет.

* * *

У суверенного научного производства есть две базовые точки опоры. *Во-первых*, иерархическая нормальная наука обеспечивает легитимацию полученных учёными результатов через признание их вышестоящими уровнями. Научным результатом, в соответствии с теорией Т. Куна, является решение головоломок. Оно апробируется научной иерархией и подтверждает доминирующую парадигму, но затрудняет признание инноваций. Добиться положительного решения инноватору бывает затруднительно и обходится ценой больших усилий, вне зависимости от ценности открытия. Вторая точка опоры – это клубная наука, генерирующая прорывы в научной области. Вместе с тем Т. Кун не предложил механизма, объясняющего парадигмальные инновации – наиболее фундаментальные изменения в структуре научных представлений. Философ оперировал понятием «научная революция», описывающим выход за пределы рационализма, задаваемого существующими парадигмами. В настоящей работе анализируется конкретный социальный механизм для объяснения парадигмальных изменений.

Социальные структуры науки тем самым разбиваются на два класса: нормальной и клубной, причём наличие первой является предусловием возникновения второй. Нормальная представляет собой классическую иерархию, функционирующую в рамках доминирующих парадигм и дисциплин, которые не подвергаясь сомнению, являются базовой объяснительной рамкой, задающей критерии вхождения в учёное сообщество. Клубная же наука горизонтальна и представляет собой междисциплинарную сеть высокого уровня, объединяющую признанных учёных, сделавших имя и добившихся успехов в своих иерархиях и в силу этого хорошо представляющих объяснительные пределы доминирующего парадигм. Предметом деятельности любого клуба является формирование актуальной онтологии, и научный клуб тут отнюдь не исключение: по сути, речь идёт о том же междисциплинарном синтезе, но реализуемом не индивидуальными, а коллективными сетевыми усилиями. По сути, клубная наука является сетевой, правда, с той терминологической разницей, что «сеть» в её современном понимании может быть и виртуальной, не предполагающей личной «живой» коммуникации, в то время как формат «клуба» предполагает возможность непосредственного неформального общения. Обсуждения и переговоры в рамках социальных сетей между исследователями, придерживающимися различных взглядов на будущие методы и подходы к научной деятельности, с точки зрения модели клубной науки являются основой для осуществления радикальных изменений в этой сфере. Подобный подход работает при условии, что к дискуссиям допускаются только компетентные специалисты. Фокус внимания исследователя научного процесса смещается от содержательной стороны проблемы в сторону оценки критериев для допуска в инновационное сообщество, призванное выносить решения о судьбе парадигмы. Именно этот компонент демократии делает клубную науку органичным синтезом иерархий научных школ.

Актуальный вопрос, следовательно, формулируется следующим образом. Каким образом можно повторить предыдущий успех в научной отрасли, когда долговременные инвестиции в собственную клубную науку в 1930–1940-е годы обеспечили безопасность СССР во время «холодной войны»? В этой связи возникает системная проблема: наука, в частности фундаментальная, не даёт быстрых результатов. Вложения в неё – это работа на будущее общества, это долговременные инвестиции. Тем не менее этот процесс можно ускорить.

Для решения проблемы недофинансирования необходимо, чтобы расходы на науку были сопоставимы с американскими в процентах от ВВП. Этот шаг создаёт систему не только материальных, но и моральных стимулов, сохраняя при этом связь с мировой наукой, но в «петровском» формате. Необходимо вовлекать в свой клуб наиболее ярких представителей мировой науки, которым трудно работать в рамках западных ценностно-идеологических установок, связанных, в частности, с культурой отмены и остракизмом. Важно также сосредоточиться на приоритетных областях для будущего фундаментального роста, где одной из главных представляется новая наука, вытекающая из добавления к сегодняшней реальности информационного измерения, концептуализированная Джеймсом Лавлоком в качестве «эпохи Новацена» [Lovelock 2019] и объединяющая естественные и социальные дисциплины.

Инновации должны касаться не только содержания, но и структуры науки. Для того чтобы научная отрасль в России не копировала, а опережала западную, достижения клубной науки своевременно должны быть восприняты нормальной наукой. Данное условие подчёркивает значимость методов, следующего этажа над собственно научными разработками, и предполагает не описательную, а практическую роль науковедения, в котором исследуются и формируются структуры научной мысли.

Эти предложения во многом уже воплощены в современном китайском опыте,

реализуемом в рамках политики Си Цзинь-пина. Пекин активно привлекает ведущих специалистов по всему миру и интегрирует их в китайскую культуру. Обретение онто-

логического суверенитета и избавление от ощущения провинциализма являются императивом, позволяющим обеспечить будущее российского общества и государства.

Список литературы

- Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России. М.: Издательский сервис, 2004. 543 с.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- Григорьев О.В. Эпоха роста. Лекции по неоконимике. Расцвет и упадок мировой экономической системы. М.: Карьера Пресс, 2014. 448 с.
- Данин Д. Труды и дни Нильса Бора. М.: Знание, 1985. 80 с.
- Коктыш К.Е. Становление когнитивного кода современности // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 94–113. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.09>
- Конт О. Дух позитивной философии. Слово о положительном мышлении. Ростов н/Д: Феникс. 2003.
- Кун Т. Логика открытия или психология исследования? // Философия науки и техники. 1997. Т. 3. С. 20–48.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
- Лазар М.Г. Грантовые системы финансирования науки: возникновение и особенности функционирования в разных странах (статья 1-я) // Учёные записки РГГМУ. Выпуск №38. 2015. С. 260–270.
- Лакатос И. Доказательства и опровержения. М.: Наука, 1967. 152 с.
- Лакатос И. История науки и её рациональные реконструкции // Структура научных революций / Т. Кун. М.: АСТ, 2001. С. 455–524.
- Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995. 236 с.
- Маклюэн Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2003. 464 с.
- Первушин А.И. Атомный проект. История сверхоружия. СПб.: Амфора, 2015. 241 с.
- Руссо Ж.-Ж. Общественный договор, или основания политического. СПб.: Росток, 2013. 640 с.
- Салаи Ш. Замечания о научной бюрократии // Социальные показатели в системе научно-технической политики / Под ред. А. С. Васильева. М.: Прогресс, 1986. С. 384–393.
- Сергеев В.М. Народовластие на службе элит. М.: МГИМО-Университет, 2013. 265 с.
- Сергеев В.М., Коктыш К.Е. Конфликты элит в трёхсотлетней истории российской модернизации // Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 173–182. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.13>.
- Тулмин С.Т. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984. 328 с.
- Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. М.: АСТ, 2010. 378 с.
- Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ, 2007. 413 с.
- Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ СПб., 2010. 698 с.
- Хайдеггер М. Наука и осмысление // Новая технократическая волна на Западе / Под ред. П.С. Гуревича. М.: Прогресс, 1986. С. 67–84.
- Хайдеггер М. Ницше и пустота. М.: Алгоритм, 1961.
- Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. № 3. С. 9–19. DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19
- Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. М.: Канон+, 2011.
- Ясперс К. Современная техника // Новая технократическая волна на Западе / Под ред. П. С. Гуревича. М.: Прогресс, 1986. С. 119–146.
- Biryukov N., Sergeev V. Russian Politics in Transition. London: Routledge, 1997. 340 p. <https://doi.org/10.4324/9780429424977>
- Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. New York: Penguin Books, 1996. 367 p.
- Lovelock J. Novacene, The Coming Age of Hyperintelligence. London: Penguin Books Ltd., 2019.
- Mill J. The History of British India. In 3 volumes. Vol. 1. London: Baldwin, Cradock, and Joy, 1817. 697 p.
- Sergeev V., Biryukov N. Russia's Road to Democracy: Parliament, Communism and Traditional Culture. Aldershot: E. Elgar, 1993. 240 p.
- Weber M. Economy and Society. Volumes 1–2. Berkeley, CA: University of California Press, 1978. 1469 p.

SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PROGRESS AND ONTOLOGICAL PROVINCIALISM*

VIKTOR SERGEEV

KIRILL KOKTYSH

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The paper analyzes the reasons for the ontological dominance of the West, which at the dawn of capitalism benefited from investments in natural sciences. The latter provided its technological superiority and made possible its colonial expansion. The export of innovations became one of the tools of its ontological dominance and the "provincialization" of the rest of the world. It was promoted primarily by the long-existing Western monopoly on the marketing of innovations. After all, it presented a finished product, promoting the Protestant cultural code as the only possible norm. This created a "modernization trap." Westernization embedded the modernized subject into the Western system as a province. Yet "marketing machinery" does not answer the question of how innovations are generated and how scientific revolutions can occur. The authors, relying on the theory of scientific revolutions formulated by Thomas Kuhn, identify another key component, namely, club science. It is a community of the most prominent scientists built on the network principle. They are capable of generating innovations going beyond the usual paradigms. The authors put forward their own model of organizing scientific production, which represents the coexistence of "club" and "normal" science. The first one – the network consisting of members with equal rights known for their results – is able to transcend the dominant paradigms and formulate new ones. The second one – hierarchical – maintains paradigms, verifies and legitimizes them, making them part of basic education. Their coexistence, in fact, creates a full-fledged structure of innovative science. The authors also analyze the Soviet attempt to create its own "club science," which provided the country with nuclear sovereignty, and consider the reasons for its subsequent decline. In conclusion, the authors offer a number of specific steps in terms of gaining absolute sovereignty in the field of scientific production, largely relying on Chinese experience.

Keywords:

scientific revolution; normal science; club science; scientific hierarchy; legitimization of scientific results; ontological provincialism; innovation

References

- Biryukov N.I., Sergeev V.M. (2004). *Stanovlenie institutov predstavitel'noy vlasti v sovremennoy Rossii* [The formation of institutions of representative power in modern Russia]. Moscow: Izdatel'skiy servis. 543 p.
- Biryukov N., Sergeyev V. (1997). *Russian Politics in Transition*. London: Routledge. 340 p. <https://doi.org/10.4324/9780429424977>
- Comte O. (2003). *Duh pozitivnoy filosofii. Slovo o polozhitel'nom myshlenii*. [Discours sur l'esprit positif], Rostov-on-Don: Phoenix,
- Danin D. (1985). *Trudy i dni Ni'lsa Bora* [The works and days of Niels Bohr]. Moscow: Znanie. 80 p.
- Feyerabend P.K. (2007). *Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoy teorii poznaniya* [Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge]. Moscow: AST. 413 p.

* The research is funded by MGIMO University, Institute for International Studies Project № 2025-04-04.

- Feyerabend P. K. (2010). *Nauka v svobodnom obshchestve* [Science in a Free Society]. Moscow: AST. 378 p.
- Foucault M. (2010). *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason]. Moscow: AST. 698 p.
- Grigoriev O.V. (2014). Epoha rosta. Lekcii po nekonomike. Rascvet i upadok mirovoj ekonomicheskoy sistemy. [The epoch of growth. Lectures on neoeconomics. The rise and decline of the global economic system]. Moscow: Career Press. 448 p.
- Heidegger M. (1961). Nietzsche i pustota. [Nietzsche and the void]. Moscow: Algorithm.
- Heidegger M. (1986). Nauka i osmyslenie [Science and Understanding]. In: P. S. Gurevich (ed.). *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [The new technocratic wave in the West]. Moscow: Progress. P. 67–84.
- Horkheimer M. (2011). Zatmenie razuma. K kritike instrumental'nogo razuma. [The Eclipse of the Mind. On the criticism of instrumental reason]. Moscow, Canon +.
- Huntington S. (1996). *The clash of civilizations and the remaking of the world order*. New York: Penguin Books. 367 p.
- Jaspers K. (1986). Sovremennaya Tekhnika [The Modern Technology]. In: P.S. Gurevich (ed.). *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [The New Technocratic Wave in the West]. Moscow: Progress. P. 119–146
- Kharichev A.D., Shutov A.Yu., Polosin A.V., Sokolova E.N. (2022). Vospriyatie bazovykh tsennostey, faktorov i struktur sotsial'no-istoricheskogo razvitiya Rossii (po materialam issledovaniy i aprobatsii) [Perception of basic values, factors and structures socio-historical development of Russia (based on research and testing materials)]. *Journal of Political Studies*. No. 3. P. 9–19. DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19
- Koktysh K.E. (2022). Stanovlenie kognitivnogo koda sovremennosti [The formation of the cognitive code of modernity]. *Polis. Political studies*. No. 6. P. 94–113. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.09>
- Kuhn T.S. (1977). *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: Progress. 300 p.
- Kuhn T.S. (1997). Logika otkrytiya ili psikhologiya issledovaniya? [The logic of science or the psychology of research?]. *Filosofiya nauki i tekhniki*. Vol. 3. P. 20–48.
- Lakatos I. (1967). *Dokazatel'stva i oproverzheniya* [Proofs and Refutations]. Moscow: Nauka. 152 p.
- Lakatos I. (1995). *Falsifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh program* [Falsification and Methodology of Research Programs]. Moscow: Medium. 236 p.
- Lakatos I. (2001). Istoriya nauki i ee ratsional'ne rekonstruksii [The History of Science and its Rational Reconstructions]. In: T.S. Kuhn. *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: AST. P. 455–524.
- Lazar M.G. (2015). Grantovye sistemy finansirovaniya nauki: voznikhovie i osobennosti funkcionirovaniya v raznykh stranah (stat'ya 1-ya) [Grant systems for financing science: the emergence and peculiarities of functioning in different countries (Article 1)] // Scientific Notes of the Russian State State University, Issue No. 38, 2015. P. 260–270.
- Lovelock J. Novacene (2019). *The Coming Age of Hyperintelligence*. London: Penguin Books Ltd.
- McLuhan H.M. (2003). *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: the Extensions of Man]. Moscow: Kuchkovo pole. 464 p.
- Mill J. (1817). *The History of British India*. In 3 volumes. Vol. 1. London: Baldwin, Cradock, and Joy. 697 p.
- Pervushin A.I. (2015). Atomnyj proekt. Istoriya sverhoruzhiya. [The atomic project. The history of superweapons]. St. Petersburg: «Amfora». 241 p.
- Rousseau J.-J. (2013). *Obshchestvennyy dogovor, ili osnovaniya politicheskogo* [On the Social Contract; or, Principles of Political Right]. Saint-Petersburg: Rostok. 640 p.
- Salai S. (1986). Zamechaniya o nauchnoy byurokratii [Remarks on scientific bureaucracy]. In: A.S. Vasiliev (ed.). *Sotsial'nye pokazateli v sisteme nauchno-tekhnicheskoy politiki* [Social indicators in the system of scientific and technical policy]. Moscow: Progress. P. 384–393.
- Sergeev V.M., Koktysh K.E. (2023). Konflikty elit v trekhstoletney istorii rossiyskoy modernizatsii [Elite conflicts in the three-hundred-year history of Russian modernization]. *Polis. Political studies*. No. 1. P. 173–182. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.13>
- Sergeev V.M. (2013). *Narodovlastie na sluzhbe elit* [Democracy in the Service of the Elites]. Moscow: MGIMO University. 265 p.
- Sergeyev V., Biryukov N. (1993). *Russian Road to Democracy. Parliament, Communism and Traditional Culture*. Aldershot: E. Elgar. 240 p.
- Toulmin S.E. (1984). *Chelovecheskoe ponimanie* [Human Understanding: The Collective Use and Evolution of Concepts]. Moscow: Progress. 328 p.
- Weber M. (1978). *Economy and Society*. Volumes 1–2. Berkeley, CA: University of California Press. 1469 p.
- Weber M. (1990). *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Moscow: Progress. 808 p.

ЭВОЛЮЦИЯ ДИСКУРСА О СУВЕРЕНИТЕТЕ И САНКЦИЯХ И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ ЕС

ТАТЬЯНА РОМАНОВА

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Резюме

В дискурсе Евросоюза всё чаще используются вместе две новые категории: европейский / стратегический суверенитет (или автономия) и санкции. Анализ официальных текстов ЕС, выступлений его представителей, а также аналитических материалов показывает, что в Брюсселе было две итерации дискурса о суверенитете и санкциях. Первая появилась в 2017 году, вторая пришла на смену в 2022-м. Цель статьи состоит в выявлении ключевых изменений между первой и второй итерациями, а также их значения для внешней деятельности Брюсселя. Теоретической основой статьи стали работы по суверенитету Р. Х. Джексона и С. Краснера и критическая геополитика. Методологически исследование основано на качественном контент-анализе и критическом дискурс-анализе. В терминах Р. Х. Джексона первую итерацию дискурса Евросоюза можно охарактеризовать как суверенитет от (от экстратерриториальности США), а вторую – как суверенитет для (для оказания влияния на Россию). С каждой итерацией менялись интерпретации четырёх атрибутов (в терминах С. Краснера) суверенитета, то есть его аспектов. Для внутреннего было характерно последовательное углубление сотрудничества в ЕС, включая более активную реализацию ранее принятых решений. Вестфальский аспект суверенитета эволюционировал от ограничения влияния односторонних ограничительных мер США к минимизации связей с Россией. Последнее, по замыслу Брюсселя, должно создать рычаг давления на Москву и укрепить Европейский союз. Наконец, атрибут взаимозависимости эволюционировал в сторону отказа от глобальности. Смена первой итерации второй – это и переход ЕС от восприятия экономических контактов как стабилизирующего фактора, способствующего политико-правовому и ценностному сближению, к доминированию опасений использования взаимозависимости как инструмента воздействия. Более того, санкции и их поддержка партнёрами Евросоюза становятся для него, наравне с присоединением партнёров к либеральным ценностям, элементом структурирования мирового пространства. Эта трансформация обуславливает логику принятия внешнеполитических решений в ЕС.

Ключевые слова:

стратегический суверенитет; европейский суверенитет; позитивный и негативный суверенитет; атрибуты суверенитета; санкции; Европейский союз; критическая геополитика

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.01.2024

Дата принятия к публикации: 02.04.2024

Для связи с автором / *Corresponding author:*

Email: romanova@mail.sir.edu

С середины 2010-х годов дискурс Европейского союза (Евросоюза, ЕС) включает в себя два новых концепта. Первому – «европейский / стратегический суверенитет» – импульс придал президент Франции Эммануэль Макрон в 2017 году¹ [Романова 2021]. Иногда в качестве инварианта в ЕС используется категория «(открытая) стратегическая автономия». Она прошла более длительную, по сравнению с термином «европейский суверенитет», эволюцию [Helwig, Sinkkonen 2022; Сергеев, Воронников 2023], несколько отличаясь по своему содержанию [Коцур 2023]. Второй концепт – «санкции»² – постепенно вытеснил использовавшийся ранее термин «ограничительные меры» [Portela 2021].

В дискурсе Брюсселя, сочетающем оба этих концепта, было две итерации. В первом случае речь идёт об экстратерриториальных санкциях США³, которые нарушали суверенитет ЕС и ограничивали как активность его компаний, так и внешнеполитическую деятельность. Вторая итерация развивается с 2022 года: Союз сосредоточивается уже на собственных санкциях. Они призваны усилить стратегический суверенитет и геополитизацию ЕС (понимаемую в реалистском ключе как способность говорить «на языке силы»⁴), а также оказать влияние на Россию. Цель статьи – выявить основные изменения между первой и второй итерациями дискурса Европейского союза о санкциях и суверенитете (автономии), а также их значение и последствия.

Статья опирается на выделение Робертом Х. Джексоном суверенитета *от* (или *негативного суверенитета*) и суверенитета

для (или *позитивного суверенитета*) [Jackson 1990]⁵, на атрибуты (понимаемые здесь как аспекты) суверенитета Стивена Краснера [Krasner 1999] и на критическую геополитику [Agnew 2018; Kuus 2010; Ó Tuathail, Agnew 1992]. Они позволили проанализировать дискурсивную динамику ЕС. С точки зрения методологии статья базируется на качественном контент-анализе (для первичной обработки данных) и критическом дискурс-анализе [Fairclough 2018; Fairclough, Wodak 1997; Wodak, Meyer 2016]. Эмпирическую базу исследования составляют документы ЕС и высказывания его национальных и наднациональных представителей в период с 2017 по 2023 год. Отбирались тексты, в которых использованы концепты «суверенитет», «стратегическая автономия», «санкции», «ограничительные меры». Анализ этих документов подкреплён работами мозговых центров Европейского союза.

Две итерации дискурса ЕС иллюстрируют разницу между «суверенитетом *от*» и «суверенитетом *для*» [Jackson 1990]. В них по-разному актуализируются атрибуты суверенитета [Krasner 1999]. Смена первой итерации второй демонстрирует эволюцию, которую претерпела картина мира Брюсселя. Экономические контакты, воспринимавшиеся как стабилизирующий фактор, стали рассматриваться как рычаг давления. В результате по соображениям безопасности происходит отказ ЕС от идеи неограниченного сотрудничества со всеми странами мира. Деглобализуется и приобретает защитный характер нормативная, торговая и регулятивная сила интеграционного объединения. Наконец, односто-

¹ *Macron E.* Discours du Président de la République, à la Pnyx, Athens // Élysée. 07.09.2017. URL: <https://www.elysee.fr/front/pdf/elysee-module-786-fr.pdf> (дата обращения: 15.06.2021); *Macron E.* Initiative for Europe: A sovereign, united, democratic Europe // Élysée. 26.09.2017. URL: <https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2017/09/26/president-macron-gives-speech-on-new-initiative-for-europe> (accessed: 15.06.2021).

² Ограничения, налагаемые на третьи страны и их физических и юридических лиц по (внешне) политическим причинам.

³ Прежде всего в отношении Ирана и строительства газопровода «Северный поток-2».

⁴ *Barrell J.* Embracing Europe's Power // European Union. 10.02.2020. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/embracing-europe-s-power_en (дата обращения: 02.05.2024).

⁵ «Негативный» и «позитивный» не являются оценочными суждениями, а определяют характер деятельности соответствующего субъекта.

ронние ограничительные меры и обеспечение их работы, наряду с поддержкой либеральных ценностей, становятся для Брюсселя элементом структурирования пространства, выделения партнёров, с которыми надо развивать взаимозависимость, и тех, с кем контакты следует минимизировать и даже разорвать. Эта трансформация обуславливает логику принятия решений в современном ЕС.

Теоретическая новизна работы заключается, *во-первых*, в анализе связи эволюции дискурсов ЕС о суверенитете и о санкциях. *Во-вторых*, исследуется, как изменялись представления Брюсселя о мире и характере взаимосвязей в нём. Практическая значимость статьи определяется выявлением влияния данной эволюции на процесс принятия решений в Евросоюзе, что выходит за пределы анализируемого дискурса и касается всех партнёров Брюсселя, а также широкой сферы экономических отношений.

Следующий раздел прояснит теоретико-методологическую основу статьи. Затем будут последовательно рассмотрены две итерации дискурса Брюсселя о санкциях и суверенитете как примеры концепции Джексона. В каждом случае атрибуты суверенитета С. Краснера [Krasner 1999] помогут структурировать анализ. Далее проводится сравнение двух итераций, а также обобщены пространственные следствия этой трансформации. В заключительном параграфе суммированы результаты исследования и показана долгосрочность эволюции пространственных представлений ЕС, которая выходит за пределы ограничительных мер.

Суверенитет и критическая геополитика

Суверенитет — одна из базовых категорий международных отношений. Во внутренней политике она связана с иерархией и верховенством власти, а во внешней — с независимостью и равноправием международных субъектов. В 1990 г. Джексон

предложил выделять негативный и позитивный типы суверенитета. Первый⁶ он определил как «свободу от внешнего вмешательства», как «формально-правовое условие» [Jackson 1990: 27]. Второй же суверенитет⁷ — «это существенно больше, чем просто формальное условие», это «условие для предоставления политических товаров гражданам» [Там же: 29]. Более того, «позитивный суверенитет... зависит прежде всего от действий и ресурсов правительств и их населения» [Там же: 30]. Разницу между негативным и позитивным суверенитетом можно также описать как «свободу от» в первом случае и «свободу для» во втором. Можно провести и параллель с негативными и позитивными свободами, выделенными Исайей Берлином [Berlin 1969], то есть отсутствием ограничений и способностью к действию соответственно. Эти эпитеты не являются нормативными характеристиками соответствующих действий: использование позитивного суверенитета может идти как во благо гражданам и государству, так и расходиться с их интересами. Аналогичным образом это касается и негативного варианта. Далее в тексте, чтобы уйти от возможных упреков в нормативной оценке действий ЕС, для характеристики дискурса Союза и его политических последствий будут использоваться термины «суверенитет *от*» и «суверенитет *для*».

Вторая классификация, призванная помочь нам в анализе эволюции дискурса Европейского союза, — это четыре атрибута (аспекта) суверенитета, выделенные Стивеном Краснером [Krasner 1999]. Первый — международно-правовой — относится к формальному юридическому признанию. Второй — внутренний — описывает «формальную организацию политической власти» внутри субъекта и «способность политических властей обеспечивать эффективный контроль внутри соответствующей политической системы» [Krasner 1999: 4]. В случае Евросоюза подразумева-

⁶ Суверенитет *от*.

⁷ Суверенитет *для*.

ется разделение компетенций между государствами-членами и наднациональным уровнем, создание единого пространства в той или иной сфере, а также эффективность принятия решений институтами ЕС. Третий – вестфальский – аспект означает «политическую организацию, которая основана на исключении внешних субъектов из структур власти на соответствующей территории» [Там же: 3–4]. Это исключение может достигаться как де-факто, так и де-юре. Наконец, атрибут взаимозависимости относится к «способности властей регулировать поток информации, идей, товаров, людей, загрязнений, капиталов через свои границы» [Там же: 4].

Европейский союз на протяжении многих лет обеспечивал, прежде всего, суверенитет взаимозависимости (не называя его так) путём распространения своих внутренних норм на партнёров. В соглашения с ними ЕС нередко включает положения о правовой гармонизации. Техническая помощь и содействие развитию часто обуславливаются не только сближением конкретного регулирования, но и уважением государствами-партнёрами либеральных ценностей, которые Брюссель позиционирует как универсальные⁸. К ним среди прочего относится уважение демократии, прав человека и верховенства закона, а также рыночной экономики. Компании, в свою очередь, вынуждены соблюдать правила и нормы Европейского союза, если они хотят присутствовать на его рынке, даже если они учреждены в третьих странах. Все эти факторы заложили основы для формирования концепций «нормативная сила Европы» [Manners 2002], «торговая сила» [Damro 2012], «регулятивная сила / эффект Брюсселя» [Bradford 2020].

Таким образом, базисом для проецирования влияния Брюсселя с середины 1980-х годов, когда стал формироваться внутренний рынок, служило именно регулирование. В то же время чрезмерное уси-

ление атрибута взаимозависимости в суверенитете одного актора может нанести ущерб вестфальскому аспекту суверенитета других акторов. Например, нередко действия ЕС ограничивают деятельность его партнёров, поскольку те вынуждены принимать его нормы не только в отношении товаров и услуг, но и способов их производства. Экстратерриториальны по своей сути правила интеграционного объединения относительно конкуренции, охраны окружающей среды или защиты личных данных. Они далеко не всегда учитывают интересы третьих стран или их компаний, но Брюссель традиционно оправдывал свои действия позитивным эффектом от продвигаемых норм.

Концепция Р. Х. Джексона, а также три из четырёх атрибутов С. Краснера выступают в качестве теоретической основы исследования дискурса ЕС о его суверенитете и санкциях. Международно-правовой аспект был опущен при анализе, поскольку он не претерпевает в данном случае существенных изменений. «Атрибуты» здесь и далее – это не разные типы суверенитета, а его аспекты, которые по-разному актуализируются, приобретают большее или меньшее значение в зависимости от контекста и визави (в данном случае) Евросоюза на международной арене.

Суверенитет – это также одно из базовых понятий критической геополитики. В рамках этой дисциплины изучается, как в своём дискурсе «политические игроки структурируют пространство международной политики и представляют “мир”» [Kuus 2010]. Данный дискурс конституирует преимущественно самого субъекта [Там же], так как нет «суверенитета вне времени». Тем самым идёт постоянное «продуцирование нормативных концепций, уникальным образом и в особом месте связывающих власть, территорию, население (общество, нацию) и признание» [Biersteker, Weber 1996: 3]. По меткому замечанию

⁸ Consolidated Version of the Treaty on the European Union, art. 21 // European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bf140bf-a3f8-4ab2-b506-fd718266da6.0023.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 02.05.2024).

Дж. Эгню, интенсивные дискуссии о суверенитете, как правило, подают сигнал о наличии проблемы или изменений в этой сфере [Agnew 2018: 103], о необходимости или идущем процессе переосмысления как самого субъекта, так и пространства вокруг него. Санкции в равной степени становятся важнейшим геоэкономическим и геополитическим инструментом [Portela 2021] и, как следствие, динамичным элементом структурирования пространства. Именно в этом контексте примечательна эволюция дискурса ЕС в части, которая сопрягает концепты «суверенитет» и «санкции».

Хотя субъекты и территории существуют материально, именно идеи очерчивают пределы и рамки использования материальных возможностей и работу институтов, то есть «природу и легитимность преобладающих властных отношений» [Cox 1981: 136]. Именно в сочетании дискурса и эволюционирующих социальных структур (в дискурсивной формации) акторы обретают свое значение [Campbell 1993: 9]. В данном случае дискурс в русле критического подхода рассматривается как «относительно стабильное использование языка, которое служит целям организации и структурированию социальной жизни» [Wodak, Meyer 2016: 2], как «социальная практика», предполагающая «диалектическое отношение между конкретным дискурсивным событием и... социальной практикой, которая её обрамляет» [Fairclough, Wodak 1997: 258]. В критической геополитике выделяются три типа дискурсов: формальный (научно-исследовательские работы), практический (дискурс политиков и бюрократов) и популярный (бытовые представления о мире) [Ó Tuathail, Agnew 1992: 193]. В настоящей статье за основу взята практическая геополитика, но её подкрепляют труды экспертов, которые можно отнести к формальной геополитике.

Традиционно дискурс-анализ подвергается критике за расхождения между слова-

ми и действиями субъекта [Searle 1979]. Тем не менее эта совокупность методов позволяет рассмотреть, как конкретный игрок видит проблему, как он аргументирует свою позицию, как представляет себя и других в контексте событий [Hajer 2006]. Дискурс-анализ также выявляет несоответствия во взглядах субъекта и их эволюцию [Fierke 2002; Tichy 2019], что имеет прямые последствия для политической практики. Наконец, «дискурс возникает как социальный конструкт, но у него есть “реальные” последствия в социальных структурах» [Wodak, Meyer 2016: 16] в виде решений, которые при его помощи легитимируются. Более того, критический дискурс-анализ позволяет выявить «практическую аргументацию, связывающую критику, объяснение и действия» [Fairclough 2018: 16].

Таким образом, концепция суверенитета Джексона, атрибуты (аспекты) суверенитета Краснера и критическая геополитика составляют теоретическую базу статьи. В следующих двух параграфах они задействованы для выявления специфики и эволюции дискурса Евросоюза о суверенитете и санкциях.

Европейский суверенитет и санкции до 2022 года

В 2015 г. Иран, постоянные члены Совета Безопасности ООН⁹ и Германия подписали Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД). В соответствии с этим соглашением Тегеран соглашался допускать на свои ядерные объекты инспекторов МАГАТЭ в обмен на постепенное снятие введённых против него санкций. Вместе с тем в 2018 г. США вышли из договорённостей, восстановив все ограничения в отношении Исламской Республики. Поскольку Вашингтон доминирует на глобальном финансовом рынке и активно применяет экстратерриториальные меры¹⁰, большинство европейских компаний приостановили деловые операции с Ираном.

⁹ Россия, Китай, Великобритания, Франция и США.

¹⁰ То есть в отношении физических и юридических лиц, находящихся вне его юрисдикции.

Похожей была и ситуация вокруг строительства газопровода «Северный поток-2». В 2017 г. Соединённые Штаты приняли закон CAATSA («О противодействии противникам Америки посредством санкций»), а в 2019 году – закон PEESA («О защите энергетической безопасности Европы»). Эта правовая база позволила ограничить возможности компаний, в том числе учреждённых в ЕС, в строительстве «Северного потока-2». Предприятия, продолжившие работу по укладке труб, были внесены в санкционные списки США. В результате проект реализовывался со значительными задержками.

Такая политика Вашингтона не была новой для ЕС. Уже в 1990-х годах односторонние ограничительные меры Соединённых Штатов против Кубы существенно ограничивали работу европейских компаний и вызывали озабоченность Брюсселя. В ответ Европейский союз принял блокирующий статут¹¹, запрещающий компаниям ЕС выполнять требования Вашингтона. В реальности он не работал: фирмы больше опасались санкционных мер со стороны США [см., например: *Bérard et al.* 2021]. По сути, статут ставил европейский бизнес под перекрёстный огонь: любое их действие рассматривалось как нарушение либо американского законодательства, либо права ЕС. В дальнейшем сменявшие друг друга лидеры США исключали компании из государств-членов Европейского союза из-под действия экстраэриториальных мер исполнительными указами, но Дональд Трамп (2017–2021) отменил этот

подход. Таким образом, ко второму десятилетию XXI века, с одной стороны, ужесточились ограничения Соединённых Штатов, в том числе в отношении фирм ЕС, а с другой – возросли амбиции самого Союза в экономике и внешней политике.

Именно в это время появляется концепт «европейский / стратегический суверенитет», который почти сразу связывается в дискурсе ЕС с концептом «санкции». Например, шведский политик Карл Бильдт определил выход Вашингтона из СВПД как «массированную атаку по суверенитету... Европейского союза»¹². Бывший министр иностранных дел Германии Хайко Маас (2018–2021) квалифицировал ограничительные меры США, затрагивающие строительство «Северного потока-2», как «неуважение к праву и суверенитету ЕС решать самостоятельно, где и как получать энергетические ресурсы»¹³. Верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель, обобщая эти кейсы, выразил глубокую озабоченность «нарастанием использования санкций или угроз санкций Соединёнными Штатами против европейских компаний и интересов»¹⁴. Он противопоставил экстраэриториальность санкционных мер «международному праву», «легитимному бизнесу» европейских предприятий и праву ЕС определять свою политику¹⁵. Группа отставных чиновников интеграционного объединения в сотрудничестве с экспертами также отметила, что «Союз, который настаивает на том, что он суверенен... обязан защищать своих гражд-

¹¹ Council Regulation (EC) No 2271/96 of 22 November 1996 Protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country, and actions based thereon or resulting therefrom // Eur-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A01996R2271-20180807> (accessed: 17.01.2024).

¹² Carl Bildt: Trump's JCPOA exit an „assault on Europe's sovereignty” // Tehran Times. 14.05.2018. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/423537/Carl-Bildt-Trump-s-JCPOA-exit-an-assault-on-Europe-s-sovereignty> (accessed: 15.06.2021).

¹³ *Maas H.* Statement by Foreign Minister Heiko Maas on the US announcement on plans to tighten guidance on CAATSA // Federal Foreign Office. 16.07.2020. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/maas-caatsa/2368756> (accessed: 15.06.2021).

¹⁴ Statement by the High Representative/Vice-President Josep Borrell on US sanctions // EEAS. Brussels. 17.07.2020. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/statement-high-representativevice-president-josep-borrell-us-sanctions_en (accessed: 17.01.2024).

¹⁵ *Ibid.*

дан и компании от принудительных и разрушительных эффектов экстратерриториальности, против которых граждане и компании беспомощны и беззащитны» [Bérard et al. 2021]. Эксперты также приводили другие примеры, где США действуют схожим образом [Hackenbroich et al. 2020].

Таким образом, в первой итерации дискурс Европейского союза о суверенитете и санкциях был направлен против экстратерриториальности мер Вашингтона, которые ограничивали возможности Брюсселя регулировать собственные компании и граждан, в том числе по вопросам обеспечения собственной энергетической безопасности. В терминах С. Краснера ЕС критиковал нарушение вестфальского аспекта своего суверенитета.

В этом контексте представители ЕС предложили, обосновали и частично реализовали ряд мер. Основной блок состоял в укреплении экономического и валютного союза. Боррель заявил о необходимости повысить «стрессоустойчивость ЕС к экстратерриториальному применению односторонних санкций третьих стран» путём «укрепления экономического суверенитета», в частности обеспечивая защиту финансовой инфраструктуры Союза¹⁶. Председатель Европейского центрального банка (ЕЦБ) Марио Драги (2011–2019) в речи, названной «Суверенитет в глобали-

зированном мире», особо отметил важность повышения роли евро на фоне «нарастающего использования санкций как внешнеполитического инструмента». Последнее привело к тому, что «законы США всё больше применяются за пределами их юрисдикции»¹⁷. ЕЦБ связал монетарную «стратегическую автономию» со способностью «защищать суверенитет, следовать интересам и принимать предпочитаемые (внешнеполитические) решения без влияния или манипуляции других государств»¹⁸. Испания и Нидерланды, в свою очередь, в документе о стратегической автономии отметили обязательство «защищать экономику от экономического принуждения и санкций с экстратерриториальным эффектом», в свете чего международная роль евро и её повышение были обозначены как абсолютный приоритет¹⁹.

В результате ЕС стал стимулировать расширение использования своей валюты в международных расчётах, достраивал банковский союз²⁰, углублял интеграцию рынка капиталов, чтобы «сократить излишнюю опору на финансовые институты и инфраструктуру третьих стран»²¹. Кроме того, Совет министров предложил Комиссии разработать механизм обеспечения необходимых финансовых услуг, если их предоставление будет нарушено вследствие экстратерриториальных действий третьих

¹⁶ Borrell J. Taking action to protect our economic sovereignty // EEAS. 26.01.2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/taking-action-protect-our-economic-sovereignty_en?s=124 (accessed: 17.01.2024).

¹⁷ Draghi M. Sovereignty in a globalised world. Speech on the award of Laurea honoris causa in law from Università degli Studi di Bologna. Bologna // ECB. 22.02.2019. URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2019/html/ecb.sp190222~fc5501c1b1.en.html> (accessed: 17.01.2024).

¹⁸ ECB International Relations Committee. Work stream on Open Strategic Autonomy. The EU's Open Strategic Autonomy from a central banking perspective. Challenges to the monetary policy landscape from a changing geopolitical environment. No. 311. ECB. March 2023.

¹⁹ Spain-Netherlands Non-Paper on strategic autonomy while preserving an open economy // Rijksoverheid. 23.03.2021. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/publicaties/2021/03/25/spain-netherlands-non-paper-on-strategic-autonomy-while-preserving-an-open-economy> (accessed: 17.01.2024).

²⁰ То есть вводил единое для всех государств-членов регулирование этой отрасли.

²¹ Council Conclusions on the EU's economic and financial strategic autonomy: one year after the Commission's Communication. 6301/22 // European Council. Brussels. 29.03.2022. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-6301-2022-INIT/en/pdf> (accessed: 17.01.2024); European Commission 2021 Strategic Foresight Report. Capacity and freedom to act // European Commission. 2021. URL: https://commission.europa.eu/system/files/2021-09/strategic_foresight_report_2021_en.pdf (accessed: 17.01.2024).

стран²². Наконец, был создан Инструмент поддержки торговых обменов (INSTEX) как альтернативный канал расчётов при торговле европейских компаний с Ираном. В реальности через INSTEX прошла только одна сделка в 2020 году [Vérard et al. 2021], а в 2023 г. страны-учредители приняли решение ликвидировать эту структуру.

Наконец, ещё один вид изменений – институциональный. В 2019 г. был создан специальный отдел по санкциям внутри Европейской службы внешних связей (ЕСВС). В то же время Комиссия определила, что в её структурах координацию будет осуществлять Генеральный директорат по финансовой стабильности [Portela 2021; Portela, Olsen 2023]. Эти структуры повысили последовательность действий ЕС в области применения ограничительных мер как собственных, так и тех, которые принимают третьи страны, влияя тем самым и на сам Европейский союз. Предлагались и другие преобразования, значительная часть которых состояла в использовании уже существующих инструментов регулирования торговли и капиталовложений для достижения политических целей [Hackenbroich et al. 2020].

Некоторые меры, например банковский союз и расширение использования евро в международных расчётах, получили дополнительное обоснование в рамках дискурса ЕС о суверенитете и санкциях. Другие меры – преимущественно INSTEX, но также и бóльшая институциональная

координация в области санкций – были разработаны специально для решения практических проблем экстратерриториальности и легитимированы дискурсом о суверенитете Союза и санкционной политикой США. Все эти шаги можно рассматривать как укрепление внутреннего атрибута суверенитета ЕС.

Одновременно представители Европейского союза транслировали картину мира, основанную на взаимозависимости, открытости и глобальности. Примечательна в этой связи речь председателя Европейской комиссии Жан-Клода Юнкера (2014–2019) «Час европейского суверенитета». В ней отмечается, что «европейский суверенитет не может существовать в ущерб другим», поскольку «Европа – это континент открытости и толерантности»²³. Особо акцентировалась способность ЕС экспортировать свои нормы и правила как основа глобальной связанности и европейского суверенитета.

Аналогичным образом в программе председательства в интеграционном объединении Германии в 2020 г. отмечались «ответственность за сильную Европу и мир», а также необходимость укрепить ЕС, чтобы «действовать и очерчивать события, принимая во внимание европейский суверенитет»²⁴. Председатель Европейского совета Шарль Мишель в свою очередь, подчёркивал, что стратегическая автономия Европы направлена на стабильность, распространение стандартов и продвиже-

²² Council Conclusions on the EU's economic and financial strategic autonomy: one year after the Commission's Communication. 6301/22. Op. cit. См. также: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Central Bank, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions – The European economic and financial system: fostering openness, strength and resilience. COM/2021/32 final // Eur Lex. Brussels. 19.01.2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021DC0032> (accessed: 17.01.2024).

²³ Juncker J.-C. State of the Union 2018. The Hour of European Sovereignty // European Commission. Strasbourg. 12.09.2018. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_18_5808 (accessed: 17.01.2024).

²⁴ Together for Europe's recovery. Programme for Germany's Presidency of the Council of the European Union 1 July to 31 December 2020 // EU2020. URL: <https://www.eu2020.de/blob/2360248/e0312c50f910931819ab67f630d15b2f/06-30-pdf-programm-en-data.pdf> (accessed: 17.01.2024).

²⁵ Michel C. Strategic autonomy for Europe - the aim of our generation. Speech to the Bruegel think tank // European Council. 28.09.2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/09/28/l-autonomie-strategique-europeenne-est-l-objectif-de-notre-generation-discours-du-president-charles-michel-au-groupe-de-reflexion-bruegel/> (accessed: 17.01.2024).

ние ценностей ЕС²⁵. Даже развитие санкционной деятельности Брюсселя рассматривалось в этом ключе. Ограничительные меры связывались с распространением либеральных ценностей²⁶ – они были подчинены их глобальности. Таким образом, взаимозависимость (как аспект суверенитета) интеграционное объединение трактовало как действия в глобальном масштабе и открытость.

Итак, первую итерацию дискурса Евросоюза о суверенитете и санкциях можно трактовать как *суверенитет от*. Она заключалась в противодействии экстерриториальности США. Речь идёт о вмешательстве извне, ограничивающем свободу органов Союза регулировать европейские компании, а также право последних действовать в рамках законодательства ЕС по своему усмотрению. В терминах Краснера акцент был сделан на укреплении вестфальского атрибута суверенитета Евросоюза в противовес Соединённым Штатам. Для этого предполагалось упрочить внутренний аспект суверенитета ЕС, а также сохранить и развить аспект взаимозависимости. Мир в таком случае предстаёт как глобальный и связанный: он ориентирован на правила, создаваемые, продвигаемые и защищаемые Брюсселем.

Европейский суверенитет и санкции с 2022 года

Появление второй итерации дискурса Европейского союза о санкциях и сувере-

нитете связано с началом Россией специальной военной операции 24 февраля 2022 года. ЕС воспринял её как вызов «европейской и глобальной безопасности и стабильности» и «тектонический сдвиг в европейской истории»²⁷. В санкциях Брюссель увидел наилучший для себя ответ. С февраля 2022 по апрель 2024 г. Союз принял 13 пакетов ограничительных мер. Они включают в себя как индивидуальные, так и секторальные ограничения²⁸. Наиболее заметные по своему эффекту – финансовые: блокирование активов Банка России и ценных бумаг российских инвесторов, отключение основных российских банков от системы SWIFT, ограничения на использование евро в России. В равной степени это касается и энергетического сектора: отказ от поставок российского угля, резкое сокращение закупок российской нефти и природного газа. В результате товарооборот Российской Федерации и Европейского союза упал с февраля 2022 по сентябрь 2023 г. на 81%²⁹.

Во второй итерации изучаемого дискурса внимание ЕС сфокусировалось прежде всего на внутреннем суверенитете, но в разрезе способности принимать соответствующие решения. Отмечается, что «уже 25 февраля [2022 г.] министры согласовали декларацию с Еврокомиссией и Европейским центральным банком, где подчёркивалось их единство, намерение рассмотреть возможные санкции, а также готов-

²⁶ См., например: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions Trade Policy Review – An Open, Sustainable and Assertive Trade Policy. COM(2021)66final // Eur Lex. Brussels. 18.02.2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021DC0066> (accessed: 17.01.2024); European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy Joint Communication to the European Parliament and the Council On strengthening the EU's contribution to rules-based multilateralism. JOIN(2021)3final // Eur Lex. Brussels. 17.02.2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021JC0003> (accessed: 17.01.2024)

²⁷ Informal meeting of the Heads of State or Government. Versailles Declaration // European Council. Versaille. 10–11.03.2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/54773/20220311-versailles-declaration-en.pdf> (accessed: 01.04.2024).

²⁸ См.: Sanctions against Russia // European Council. 08.01.2024. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/restrictive-measures-against-russia-over-ukraine/> (accessed: 17.01.2024).

²⁹ EU trade with Russia – latest developments // European Council. 10.01.2024. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?oldid=558089> (accessed: 17.01.2024).

ность укрепить стратегическую автономию Европы»³⁰. Открытая стратегическая автономия «сделала возможными финансовые санкции Евросоюза, которые были одобрены быстро и реализованы последовательно»³¹.

Исследователи ЕС также связали экономический суверенитет ЕС со «способностью государств-членов достигать консенсуса по таким ключевым аспектам, как экономические санкции в отношении России» [см., например: Zerka 2022]. Институциональная часть санкционной деятельности была усовершенствована. Возник Центральный информационный депозитарий санкций (*Sanctions Information Exchange Repository*) – система обмена данными о реализации принятых ограничительных мер между государствами-членами³². Последние углубили своё сотрудничество в этой сфере³³. Были усилены инструменты координации и мониторинга имплементации на уровне Союза [Portela, Olsen 2023], гармонизируются действия 27 членов интеграционного объединения. Например, Комиссия предложила директиву, квалифицирующую нарушение санкций ЕС как уголовное преступление с единым наказанием на всей его территории³⁴.

Многие ранее согласованные изменения в деятельности Брюсселя стали дополни-

тельно обосновываться санкционной необходимостью. В частности, было предложено провести реформу таможенной деятельности, чтобы она поддерживала ограничительные меры. «Систематические изменения» в данном случае определяются как «срочный вопрос стратегического суверенитета», а таможенные органы – как «страж многих санкций»³⁵. В Версальской декларации от 11 марта 2022 г. зафиксировано решение «принять дальнейшие решительные шаги в построении европейского суверенитета, сокращая нашу зависимость и создавая новую модель роста и инвестиций на период до 2030 года»³⁶. Реализация Зелёного курса, «утроение мощностей по выработке энергии из возобновляемых источников», «удвоение энергоэффективности», развитие связей между государствами-членами укрепляют энергетический суверенитет ЕС³⁷.

Таким образом, изменения в области внутреннего аспекта суверенитета Европейского союза направлены, с одной стороны, на повышение давления на Россию и, с другой стороны, на укрепление вестфальского атрибута суверенитета, в первую очередь в энергетике. Комментируя результаты встречи в Версале, Мишель особо подчеркнул стремление ЕС к «большей независимости, большому суверенитету,

³⁰ Economic and Financial Affairs Council. Main Results // European Council. 05.04.2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/ecofin/2022/04/05/> (accessed: 17.01.2024).

³¹ ECB International Relations Committee. Work stream on Open Strategic Autonomy. Op.cit.

³² Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Central Bank, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions - The European economic and financial system... Op.cit.

³³ Council Conclusions on the EU's economic and financial strategic autonomy: one year after... Op.cit.

³⁴ На момент написания статьи Совет ЕС и Парламент достигли политического соглашения по проекту директивы. См.: Commission welcomes political agreement on new rules criminalising the violation of EU sanctions // European Commission. 12.12.2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_6535 (accessed: 17.01.2024).

³⁵ Wise Persons Group on the Reform of the EU Customs Union Putting More Union in the European Customs. Ten proposals to make the EU Customs Union fit for a Geopolitical Europe // European Commission. Brussels. March 2022. URL: https://taxation-customs.ec.europa.eu/system/files/2022-03/TAX-20-002-Future%20customs-REPORT_BIS_v5%20%28WEB%29.pdf (accessed: 17.01.2024).

³⁶ Informal meeting of the Heads of State or Government. Versailles Declaration. Op.cit.

³⁷ Michel C. Remarks by President at the opening session of the European Political Community // European Council. 05.10.2023. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/10/05/remarks-by-president-charles-michel-at-the-plenary-session-of-the-european-political-community/> (accessed: 17.01.2024).

меньшей уязвимости и повышенной способности определять нашу собственную судьбу»³⁸. Одновременно государства-члены отметили, что они «приняли существенные санкции и сохраняют готовность принять дальнейшие санкции» в отношении России³⁹.

В результате во второй итерации дискурса Европейский союз резко меняет ранее характерную для него картину мира, основанную на открытости и глобальности, в пользу той, которая базируется на восприятии зависимости как уязвимости. Последняя может быть использована как рычаг давления. Примечательны в этом плане слова Ж. Борреля, что «беспрецедентные санкции» помогли Брюсселю «больше продвинуться в строительстве геополитической Европы», чем действия ЕС в предыдущие годы⁴⁰. Поскольку многие экономические связи теперь воспринимаются как зависимость, санкции становятся не только способом оказать давление на Россию, но и инструментом «сократить стратегические уязвимости» Союза и заговорить языком силы⁴¹. При запуске плавучего СПГ-терминала Мишель заявил, что санкционные ограничения «оказывают на Кремль финансовое, экономическое и политическое давление», тогда как новые маршруты поставок энергоносителей позволяют «не только говорить о суверенитете и стратегической автономии ЕС», но и «действовать»⁴². Таким

образом, в Европейском союзе тема санкций связывается с укреплением интеграционного объединения. Ограничительные меры начинают позиционироваться как действия, способствующие усилению Брюсселя.

Европейский союз настаивает, что он сохраняет открытость, поскольку «извлекает» из неё «силу, процветание и успех», а также «стремится проецировать своё влияние [на третьи страны] путём определения трендов правового регулирования»⁴³. Вместе с тем его контрагенты теперь делятся на несколько категорий. На одном полюсе – это в первую очередь Россия – те, с кем надо обеспечить, главным образом, вестфальский атрибут суверенитета. В данном случае логику позитивной взаимозависимости вытесняет логика её восприятия как уязвимости, требующей снижения объёма связей вплоть до их ликвидации. На другом полюсе страны-единомышленники, с которыми планируется преимущественно полагаться на взаимозависимость как аспект суверенитета.

Важным для Брюсселя критерием разделения партнёров на категории и определения меры взаимозависимости становится приверженность партнёров ЕС введённым им санкциям в отношении России. Как итог, в стратификации возникает множество оттенков – от полного присоединения партнёров к ограничительным мерам

³⁸ *Michel C.* Remarks at the press conference following the informal meeting of the heads of state or government in Versailles // European Council. Versailles. 11.03.2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/03/11/intervention-du-president-charles-michel-lors-de-la-conference-de-presse-a-l-issue-de-la-reunion-informelle-des-chefs-d-etat-ou-de-gouvernement-a-versailles/> (accessed: 17.01.2024).

³⁹ Statement of the heads of state or government, meeting in Versailles, on the Russian military aggression against Ukraine // European Council. 10.03.2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/03/11/statement-of-the-heads-of-state-or-government-on-the-russian-aggression-against-ukraine-10-03-2022/> (accessed: 17.01.2024).

⁴⁰ *Borrell J.* Defending Ukraine in its hour of maximum need // EEAS. 01.03.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/defending-ukraine-its-hour-maximum-need-0_en (accessed: 17.01.2024).

⁴¹ *Borrell J.* The Year that war returned to Europe. EU Foreign Policy in 2022 // EEAS. 2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/2022-year-war-returned-europe_en (accessed: 17.01.2024). P. 54.

⁴² *Michel C.* Remarks at the inauguration of the floating liquefied natural gas terminal in Alexandroupolis. Alexandroupolis // European Council. 03.05.2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/05/03/remarks-by-president-charles-michel-at-the-inauguration-of-the-construction-of-a-liquefied-natural-gas-terminal-in-alexandroupolis/> (accessed: 17.01.2024).

⁴³ ECB International Relations Committee. Work stream on Open Strategic Autonomy. Op.cit.

Союза и «тесного сотрудничества»⁴⁴ (это страны Запада и большинство кандидатов на вступление в ЕС) через отсутствие помощи России в обходе ограничительных мер и «консультации» с Евросоюзом по санкциям⁴⁵ до различных форм содействия Москве (на частном и даже государственном уровне). Более того, укрепление своей силы на внешней арене и результативность ограничительных мер Брюссель видит в «вовлечении как можно большего количества стран» в санкционное давление⁴⁶. Не случайно «Европейский совет призывает все страны присоединиться к санкциям Евросоюза»⁴⁷.

Между тем Брюссель воздерживается от экстратерриториальности санкционных мер и пытается воздействовать мягкими мерами, прежде всего убеждением, на тех, с кем ставку делает на взаимозависимость как аспект суверенитета. ЕС «не применяет принцип экстратерриториальности... хочет работать со всеми партнёрами в мире только через диалог», — утверждает Мишель⁴⁸. «Меры ЕС не имеют экстратерриториального эффекта», — отмечает Боррель. — «Но мы видим их обход, который уменьшает их эффективность. Поэтому мы стали обсуждать, как с этим работать»⁴⁹. Эти примеры

являются отголосками первой итерации дискурса о суверенитете и санкциях. Тем не менее европейские эксперты справедливо отмечают, что некоторые действия ЕС всё же имеют экстратерриториальный характер [Bismuth 2023], но считают их оправданными, поскольку Брюссель защищает «общие мировые интересы» [Bégarud et al. 2021].

На практике Союз создаёт вспомогательные институты для работы с партнёрами. Особое внимание уделяется координации действий с США⁵⁰. Важным элементом выработки общей позиции стали «Группа семи»⁵¹, ЕБРР, ОЭСР и Группа Всемирного банка⁵². ЕС создал также т.н. контактную точку для третьих стран и их экономических операторов, структуру, призванную разъяснять введённые ограничения третьим странам, оперативно реагировать на все их вопросы по санкциям [Portela, Olsen 2023]. Кроме того, в январе 2023 г. появилась должность специального посланника ЕС по санкциям, её занял Дэвид О'Салливан. Его основная обязанность — убеждать третьи страны присоединяться к санкциям ЕС или, по крайней мере, избегать помощи России в обходе ограничений Союза. Эти действия коррек-

⁴⁴ Joint EU-US statement following the EU-US Ministerial Meeting on Justice and Home Affairs // European Council. 21.06.2023. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/06/21/joint-eu-us-statement-following-the-eu-us-ministerial-on-justice-and-home-affairs-stockholm/> (accessed: 17.01.2024).

⁴⁵ Joint press communiqué by Heads of State of Central Asia and the President of the European Council // European Council. 02.06.2023. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/06/02/press-communicue-by-heads-of-state-of-central-asia-and-the-president-of-the-european-council/> (accessed: 17.01.2024).

⁴⁶ EU to Consider More Russia Sanctions Despite Difficult Debates // Bloomberg. 19.01.2023. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-01-19/eu-to-consider-more-russia-sanctions-despite-difficult-debates> (accessed: 17.01.2024).

⁴⁷ European Council conclusions on Ukraine // European Council. 30.05.2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/05/31/european-council-conclusions-on-ukraine-30-may-2022/> (accessed: 17.01.2024).

⁴⁸ EU vows not to impose sanctions against Central Asia // Gazeta.uz. 05.06.2023. URL: <https://www.gazeta.uz/en/2023/06/05/ca-eu/> (accessed: 17.01.2024).

⁴⁹ Borrell J. Some clarifications on the circumvention of EU sanctions against Russia // EEAS. 22.05.2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/ukraine/some-clarifications-circumvention-eu-sanctions-against-russia_en (accessed: 17.01.2024).

⁵⁰ Is the EU coordinating the sanctions with other partners? // European Council. 11.01.2024. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/restrictive-measures-against-russia-over-ukraine/sanctions-against-russia-explained/#> (accessed: 17.01.2024).

⁵¹ Joint EU-US statement following the EU-US Ministerial Meeting... Op.cit.

⁵² Is the EU coordinating the sanctions with other partners? Op.cit.

тно называются «информационной деятельностью [outreach. — Т. Р.], направленной на получение общей оценки, сравнение данных и при необходимости обсуждение возможных мер по коррекции ситуации»⁵³. Наконец, Европейский союз стал регулярно проводить семинары для разъяснения своих ограничительных мер. Особое внимание при этом отводится странам Закавказья, Центральной Азии и Турции.

Успех интеграционного объединения в стимулировании третьих стран к уважению его ограничительных мер различен. Наиболее эффективна эта политика в странах Европейского экономического партнёрства, а также среди большинства кандидатов на вступление в ЕС [Cardwell, Moret 2023] — стран, настроенных на наиболее тесное сотрудничество с Брюсселем. Они полностью согласны с ограничительными мерами Евросоюза. Эта тенденция в целом соответствует степени поддержки этими государствами других направлений внешнеполитической деятельности Союза. В то же время политика стран Закавказья, Центральной Азии, а также Турции и ОАЭ более амбивалентна: не нарушая официально санкций Брюсселя, они нередко содействуют России в выстраивании альтернативных логистических экспортных и импортных цепочек⁵⁴.

Таким образом, вторую итерацию дискурса о санкциях и суверенитете можно охарактеризовать как *суверенитет для*. Речь идёт об использовании ограничительных мер для достижения вестфальского суверенитета Евросоюза и оказания политического давления на Россию. В этой связи важным для брюссельских политиков становится обоснование, почему санкции

в отношении Москвы работают⁵⁵. Одновременно в восприятии ЕС мировое пространство теряет глобальность. Оно делится на тех, против кого вводятся санкции (здесь доминирует вестфальский аспект суверенитета), и тех, кто помогает или не препятствует действиям Союза (здесь в разной степени работает взаимозависимость как атрибут суверенитета).

От суверенитета от к суверенитету для: характер и итоги эволюции дискурса ЕС

Две итерации дискурса о стратегическом / европейском суверенитете (автономии) и санкциях демонстрируют эволюцию взглядов ЕС от суверенитета *от* (влияния США) к суверенитету *для* (оказания влияния на Россию и укрепления мощи Союза). Путь, который проделал Брюссель, показывает динамика трёх из четырёх атрибутов (аспектов) суверенитета, сформулированных С. Краснером, а также соответствующая ей трансформация пространственных представлений Брюсселя.

Внутренний аспект суверенитета — в случае ЕС это характер принятия решений и разделение компетенций между национальным и наднациональным уровнями — развивался однонаправленно. И в первой, и во второй итерации дискурс о суверенитете и санкциях содействовал укреплению наднациональных структур и дальнейшей интеграции. Вместе с тем акценты были расставлены по-разному. В первой итерации речь шла об усилении самостоятельности ЕС в валютной и финансовой сферах. Подразумевалось, что оно позволит Союзу противостоять экстра-территориальности односторонних ограничительных мер Евросоюзом. Во второй

⁵³ Šeřčovič M. "Cooperation Is Key to Address the Possible Circumvention of Sanctions Against Russia". An exclusive interview with Maroš Šeřčovič, the vice-president of the European Commission for Interinstitutional Relations // Власть. 01.06.2023. URL: <https://vlast.kz/english/55325-cooperation-is-key-to-address-the-possible-circumvention-of-sanctions-against-russia.html> (accessed: 17.01.2024).

⁵⁴ См., например: Hanke Vela J., Lau S. "EU targets Central Asia in drive to stop sanctioned goods reaching Russia" // Politico. 08.05.2023. URL: <https://www.politico.eu/article/eu-aims-central-asia-sanction-circumvention-russia-war/> (accessed: 04.05.2024).

⁵⁵ Borrell J. The sanctions against Russia are working. 16.07.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/sanctions-against-russia-are-working_en (accessed: 17.01.2024).

же итерации ЕС фокусируется не только на упомянутых областях, но и на большей централизации процесса принятия решений и мониторинга, а также на преобразовании энергетики как наиболее уязвимой в его отношениях с Вашингтоном сфере. В обоих случаях курс о суверенитете и санкциях используется для ускорения реализации ранее принятых секторальных решений, в том числе за счёт повышения их политической значимости.

В контексте нарастающего вызова международному либеральному порядку *суверенитет от* Вашингтона теряет значение во второй итерации. Тесная координация между ЕС и Вашингтоном направлена на гармонизацию их санкционной политики. В результате для ЕС исчезают основания опасаться экстратерриториальности со стороны Соединённых Штатов. «[П]остоянное близкое сотрудничество со странами-единомышленниками должно быть использовано, чтобы выровнять... соответствующие санкции с тем, чтобы достичь общих целей и предотвратить принятие третьими странами санкций, которые отличаются по масштабу или содержанию от принятых Вашингтоном»⁵⁶. В то же время остаётся открытым вопрос, сможет ли ЕС «проявить свою субъектность» [Helwig 2023: 64]. Иными словами, можно ли будет говорить о европейском суверенитете и автономии как о (вестфальской) самостоятельности [Арбатова 2023; Сергеев, Воротников 2023] с учётом сохранения зависимости от Вашингтона в сфере безопасности.

В первой итерации суть вестфальского атрибута суверенитета состояла в защите европейских компаний от экстратерриториальных мер Вашингтона, а также в способности интеграционного объединения проводить независимую внешнюю политику, используя экономику для продвижения собственного политического видения. В то же время не отрицалась важность сохранения экономического взаимодей-

ствия с Соединёнными Штатами. Во второй же итерации суть вестфальского аспекта суверенитета состоит в разрушении взаимозависимости с Россией и отрицании сотрудничества с ней. Примечательно, что, с одной стороны, взаимозависимость с Москвой используется как инструмент внешней политики с целью оказания давления на российскую сторону. С другой — полный демонтаж экономических связей подаётся как укрепление (вестфальского атрибута) суверенитета ЕС, что должно делать его сильнее.

Наконец, изменилось в Брюсселе и понимание взаимозависимости как аспекта суверенитета. В первой итерации дискурса для ЕС было важным сохранить глобальность экономического сотрудничества, а также позиции Союза как нормативной, торговой и регулятивной силы, действующей в масштабах всего мира. Во второй итерации глобальность взаимозависимости как атрибута суверенитета исчезает. Теперь одни, в первую очередь Россия, изолируются: отношения с ними выстраиваются на основе вестфальского аспекта суверенитета. Другие же партнёры ранжируются по степени их поддержки ограничительных мер ЕС; пропорционально этому будет с ними работать и взаимозависимость. По сути, во второй итерации санкционные механизмы становятся для Брюсселя новым инструментом структурирования пространства. Теперь картину мира Евросоюза определяет не только то, насколько его визави уважают либеральные ценности, но и особенно то, поддерживают ли они ограничительные меры ЕС в отношении России.

Это деление не является однозначным; скорее можно говорить о широком спектре оттенков. В частности, для России применяется термин «отделение» (*decoupling*) как цель, а для Китая — «снижение риска» (*derisking*). Эти понятия уже стали устойчивыми в дискурсе ЕС, хотя их точное определение пока отсутствует. Очевидно, отли-

⁵⁶ Council Conclusions on the EU's economic and financial strategic autonomy: one year after... Op.cit.

чает эти термины друг от друга различное сочетание двух аспектов суверенитета, вестфальского и взаимозависимости. В этом случае сокращение зависимости от поставок углеводородов из Российской Федерации Брюссель планирует сбалансировать повышением роли возобновляемых источников энергии, что потребует роста импорта как редкоземельных металлов, так и комплектующих из КНР. Иными словами, усилится, по крайней мере на время, зависимость ЕС от поставок из страны, не мыслящей схожим с Брюсселем образом. Как отмечают сами чиновники ЕС, они «ищут не независимость, а тщательно выбранную взаимозависимость» [Schmitz, Seidl 2023: 846]⁵⁷.

Таким образом, во второй итерации дискурса о европейском суверенитете и санкциях становится инструментом деглобализации. «[Э]кономическое сотрудничество со “странами-единомышленниками”... можно интенсифицировать, тогда как экономическая взаимозависимость с соперниками... требует пристального изучения» [Gehrke 2022: 67]. В контексте текущего кризиса либерального мирового порядка Брюссель решает сохранить «либеральный» компонент и поощрять «мировым». Стремление кооптировать всех в либеральный порядок, в том числе с применением санкций для защиты универсальных ценностей, сменяется стремлением защитить порядок и территорию ЕС от оппонентов [Portela 2021] с применением в разных пропорциях двух атрибутов суверенитета, взаимозависимости и вестфальского в каждом конкретном случае. А сам характер внешней деятельности Союза эволюционирует от экспансионистской, основанной на нормативной силе и геоэкономике, к защитной, базирующейся на жёсткой силе и геополитике.

* * *

Различия между *суверенитетом от* и *суверенитетом для* в контексте санкций позволяют проиллюстрировать эволюцию внешней политики Евросоюза. До февраля 2022 г. утверждался суверенитет *от*. Он предполагал вестфальскую независимость от США за счёт укрепления внутреннего аспекта суверенитета с целью сохранить взаимозависимость в глобальном масштабе. После февраля 2022 г. Евросоюз смещает акцент на суверенитет *для* повышения своей (реалистской) силы и оказания давления, прежде всего, на Россию. Это достигается за счёт укрепления внутреннего атрибута суверенитета, с некоторыми изменениями приоритетов. При этом вестфальский аспект суверенитета от Вашингтона теряет свое значение, поскольку сама картина мира Брюсселя меняется от ранее характерного поощрения глобальной взаимозависимости к деглобализации. В результате все визави разделяются на единомышленников, противников и остальных. С первыми (прежде всего США, другими странами Запада, кандидатами на вступление в ЕС) практикуется тесная координация ограничительных мер, доминирует взаимозависимость как аспект суверенитета. Доминантой отношений со второй группой становится вестфальский атрибут суверенитета. Все остальные страны располагаются между этими двумя полярными группами, взаимозависимость с ними пропорциональна их уважению санкций Евросоюза в отношении России на современном этапе.

Деглобализацию подкрепляют и «несанкционные» действия Европейского союза. Например, в 2019 г. был принят механизм скрининга иностранных инвестиций⁵⁸, повысивший избирательность ЕС в сфере капиталовложений. Большое влияние ока-

⁵⁷ См. также: URL: Commission trade chief: EU cannot only trade with 'like-minded countries' // Euractiv. 28.02.2023. URL: <https://www.euractiv.com/section/economy-jobs/news/commission-trade-chief-eu-cannot-only-trade-with-like-minded-countries/> (accessed: 17.01.2024).

⁵⁸ Regulation (EU) 2019/452 of the European Parliament and of the Council of 19 March 2019 establishing a framework for the screening of foreign direct investments into the Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/452/oj> (дата обращения: 17.01.2024).

зала пандемия, когда мир столкнулся с нарушением привычной логистики торговли. В ответ ЕС обновил свою торговую политику, разработав концепцию «открытой стратегической автономии»⁵⁹. В конце 2020 г. Боррель отмечал, что «мы находимся в ситуации, когда экономическая взаимозависимость становится политической очень конфликтной»⁶⁰. Для преодоления последствий COVID-19 в экономике Европейского союза было предложено увеличить финансирование локализации производства, что нашло отражение в «Портале суверенитета»⁶¹. В докладе по открытой стратегической автономии, подготовленном по заказу ЕС, подчёркивалось, что «иностранные державы могут постепенно

использовать экономические зависимости для геополитических целей» [Cagnin 2021: iv]. В 2021 г. в ответ на давление Китая Европейская комиссия предложила инструмент «антипринуждения» (*anti-coercion*) – противодействия «вмешательству в легитимные суверенные решения Евросоюза или государств-членов»⁶².

Все эти меры подкрепляют выявленную на примере дискурса о суверенитете и санкциях трансформацию видения ЕС. Следовательно, и сформулированная логика деглобализации, а также переход от геоэкономики к геополитике будут определять деятельность Брюсселя на мировой арене в среднесрочной перспективе применительно к широкому кругу партнёров.

Список литературы

- Арбатова Н.К. Разносторонний треугольник: отношения Евросоюза с США и КНР // Полис. Политические исследования. 2023. № 6. С. 83–99. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.07>
- Коцур Г.В. «Стратегический суверенитет» и «стратегическая автономия в дискурсе ЕС: морфологический анализ // Современная Европа. 2023. №3. С. 33–44. DOI: 10.31857/S0201708323030038
- Романова Т.А. Дискурс о суверенитете Европейского союза: содержание и последствия // Современная Европа. 2021. № 5. С. 32–44. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520213244>
- Сергеев Е.А., Воротников В.В. Стратегия Европейского Союза в условиях глобальной перестройки: автономия или эвтаназия? М.: МГИМО-Университет, 2023. 52 с.
- Agnew J. *Globalization and Sovereignty. Beyond the Territorial Trap*. Lanham, USA: Rowman & Littlefield, 2018. 278 p.
- Bérard M.-H., Fabry E., Fatah F., Knudsen E., Lamy P., Pons G., Scgweitzer L., Vimont P. *American Extraterritorial Sanctions. Did Someone Say European Strategic Autonomy?* // Europe in the World Policy Brief. Policy Paper. 22.03.2021. 10 p.
- Berlin I. *Two Concepts of Liberty* // *Four Essays on Liberty* / I. Berlin. London: Oxford University Press, 1969. P. 118–172.
- Biersteker T.J., Weber C. *The social construction of state sovereignty, in State sovereignty as social construct*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1996. 316 p.
- Bismuth R. *The New Frontiers of European Sanctions and the Grey Areas of International Law* // *Revue Européenne du Droit*. 2023. No. 5. URL: <https://geopolitique.eu/en/revues/revue-europeenne-du-droit/> (accessed: 17.01.2024).
- Bradford A. *The Brussels Effect*. Oxford: Oxford University Press, 2020. 368 p.
- Cagnin C., Muench S., Scapolo F., Stoermer E., Vesnic Alujevic L. *Shaping and securing the EU's Open Strategic Autonomy by 2040 and beyond*. EUR 30802 EN. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2021. 148 p. DOI:10.2760/727114

⁵⁹ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions Trade Policy Review. . . Op.cit.

⁶⁰ Borrell J. *Why European strategic autonomy matters*. 03.12.2020. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/why-european-strategic-autonomy-matters_en (дата обращения: 17.01.2024).

⁶¹ Sovereignty portal. One-stop-shop for projects' promoters and all STEP stakeholders. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/eu-budget/strategic-technologies-europe-platform/sovereignty-portal_en (дата обращения: 17.01.2024).

⁶² Regulation (EU) 2023/2675 of the European Parliament and of the Council of 22 November 2023 on the protection of the Union and its Member States from economic coercion by third countries. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L_202302675 (дата обращения: 17.01.2024).

- Cardwell P.J., Moret E.* The EU, Sanctions and Regional Leadership // *European Security*. 2022. Vol. 32. No. 1. P. 1–21. <https://doi.org/10.1080/09662839.2022.2085997>
- Damro C.* Market Power Europe // *Journal of European Public Policy*. 2012. Vol. 19. No. 5. P. 682–699. <https://doi.org/10.1080/13501763.2011.646779>
- Fairclough N.* CDA as dialectical reasoning // *The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies* / ed. by J. Flowerdew, J. E. Richardson. Abingdon: Routledge, 2018. P. 13–25.
- Fairclough N., Wodak R.* Critical discourse analysis // *Discourse as Social Interaction* / ed. by T. van Dijk. London: Sage, 1997. P. 258–284.
- Fierke K.M.* Links across the abyss: language and logic in international relations // *International Studies Quarterly*. 2002. Vol. 46. No. 3. P. 331–354. <https://doi.org/10.1111/1468-2478.00236>
- Gehrke T.* EU Open Strategic Autonomy and the Trappings of Geoeconomics // *European Foreign Affairs Review*. 2022. Vol. 27. Special Issue. P. 61–78. <https://doi.org/10.54648/eerr2022012>
- Hackenbroich J., Oertel J., Sandner P., Zerka P.* Defending Europe's Economic Sovereignty: New Ways to Resist Economic Coercion. ECFR Policy Brief. October 2020. 50 p.
- Hajer M.* Doing discourse analysis: coalitions, practices, meaning // *Words Matter in Policy Planning: Discourse Theory and Method in the Social Sciences* / ed. by M. van Den Brink, T. Metzke. Utrecht: Netherlands Graduate School of Urban and Regional Research, 2006. P. 65–74.
- Helwig N., Sinkkonen V.* Strategic Autonomy and the EU as a Global Actor: The Evolution, Debate and Theory of a Contested Term // *European Foreign Affairs Review*. 2022. Vol. 27. Special Issue. P. 1–20.
- Jackson R.H.* Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 225 p.
- Krasner S.D.* Sovereignty. Organized Hypocrisy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999. 264 p.
- Kuus M.* Critical Geopolitics // *Oxford Research Encyclopedia of International Studies* / ed. by N. Sandal. Oxford University Press, 2010. DOI: 10.1093/acrefore/9780190846626.013.137
- Manners I.* Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*. 2002. Vol. 40. No. 2. P. 235–258.
- Ó Tuathail G., Agnew J.* Geopolitics and Discourse: Practical Geopolitical Reasoning in American Foreign Policy // *Political Geography*. 1992. Vol. 11. No. 2. P. 190–204. [https://doi.org/10.1016/0962-6298\(92\)90048-X](https://doi.org/10.1016/0962-6298(92)90048-X)
- Portela C.* The EU and the Strategic Use of Sanctions as a Geo-economic Tool? // Reader of the 21st Foreign Policy Conference of the Heinrich Böll Foundation “Between Hard and Soft Power. The European Union in a More Competitive World”. Heinrich Böll Foundation, June 2021. URL: <https://www.boell.de/en/2021/02/03/eu-and-strategic-use-sanctions-geo-economic-tool> (accessed: 10.12.2021)⁶³.
- Portela C., Olsen K.B.* Implementation and monitoring of the EU sanctions' regimes, including recommendations to reinforce the EU's capacities to implement and monitor sanctions. Brussels: European Parliament, 2023. PE 702.603. 104 p.
- Schmitz L., Seidl T.* As Open as Possible, as Autonomous as Necessary: Understanding the Rise of Open Strategic Autonomy in EU Trade Policy // *Journal of Common Market Studies*. 2023. Vol. 61. No. 3. P. 834–852. <https://doi.org/10.1111/jcms.13428>
- Searle J.R.* Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 187 p.
- Tichy L.* EU-Russia Energy Relations. A Discursive Approach. Cham: Springer, 2019. 218 p.
- Wodak R., Meyer M.* Critical discourse studies: history, agenda, theory and methodology // *Methods of Critical Discourse Studies* / ed. by R. Wodak, M. Meyer. London: Sage, 2016. P. 1–22.
- Zerka P.* The Traveller's Guide to European Economic Sovereignty. ECFR Commentary. 7 July 2022. URL: <https://ecfr.eu/article/the-travellers-guide-to-european-economic-sovereignty/> (accessed: 17.01.2024).

⁶³ Опубликовано неправительственной организацией, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации.

THE EVOLUTION OF THE DISCOURSE ON SOVEREIGNTY AND SANCTIONS AND ITS SIGNIFICANCE FOR THE EU'S EXTERNAL RELATIONS

TATIANA ROMANOVA

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, 191060, Russia
HSE University, Moscow, 109028, Russia

Abstract

The EU has introduced two new concepts in its discourse: European / strategic sovereignty and sanctions. The analysis of the EU's official texts, its representatives' speeches and experts' essays reveals that to date there has been two iterations of the discourse on sovereignty and sanctions. The first one emerged in 2017 whereas the second one took hold in 2022. The goal of the article is to identify key changes between the first and second iterations, as well as the importance of these changes for the EU's external relations. Theoretically, the article draws on the writings of Robert H. Jackson and Stephen Krasner on sovereignty, supplemented by critical geopolitics studies. Methodologically, the article is based on qualitative content-analysis and critical discourse analysis. The ideas expressed by R. H. Jackson help to qualify the first iteration of the EU's discourse on sovereignty and sanctions as *sovereignty from* (from the extraterritoriality of the USA) whereas the second one can be defined as *sovereignty for* (for putting pressure on Russia). The article also reveals that in each iteration Brussels reinterprets attributes (aspects) of sovereignty (S. Krasner). Domestic aspect of sovereignty is characterized by deeper cooperation within the Union as well as intensified implementation of already adopted decisions, although some priorities vary between the two iterations. Westphalian attribute of sovereignty has evolved from the limitation of US extraterritorial sanctions to the elimination of economic links with Russia, which, according to the EU, is meant to weaken Moscow and strengthen the European Union. Finally, the interdependence aspect of sovereignty has morphed into the refusal of globality, with the EU clinging to like-minded countries. The evolution from the first iteration to the second one demonstrates Brussels' transfer from the understanding of economic contacts as a stabilizing factor, which leads to political, legal and normative convergences, to dominating concerns about weaponization of global interdependence. Moreover, sanctions and their support by EU partners help Brussels to structure the global space, on a par with EU-promoted liberal values and their backing. This transformation conditions the present logics of the EU's foreign policy decision-making.

Keywords:

strategic sovereignty; European sovereignty; positive and negative sovereignty; attributes of sovereignty; sanctions; European Union; critical geopolitics

References

- Agnew J. (2018). *Globalization and Sovereignty. Beyond the Territorial Trap*. Lanham, USA: Rowman & Littlefield. 278 p.
- Arbatova N. K. (2023). Raznostoronniy treugol'nik: otnosheniya Evrosoyuzs s SSHA i KNR [The versatile triangle: EU relations with the USA and China]. *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 83–99. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.07>.

- Bérard M.-H., Fabry E., Fatah F., Knudsen E., Lamy P., Pons G., Scgweitzer L., Vimont P. (2021). American Extraterritorial Sanctions. Did Someone Say European Strategic Autonomy? *Europe in the World Policy Brief*. Policy Paper. 22 March. 10 p.
- Berlin I. (1969). Two Concepts of Liberty. In: I. Berlin. *Four Essays on Liberty*. London: Oxford University Press. P. 118–172.
- Biersteker T. J., Weber C. (1996). *The social construction of state sovereignty, in state sovereignty as social construct*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 316 p.
- Bismuth R. (2023). The New Frontiers of European Sanctions and the Grey Areas of International Law. *Revue Européenne du Droit*. No. 5. URL: <https://geopolitique.eu/en/revues/revue-europeenne-du-droit/> (accessed: 17.01.2024).
- Bradford A. (2020). *The Brussels Effect*. Oxford: Oxford University Press. 368 p.
- Cagnin C., Muench S., Scapolo F., Stoermer E., Vesnic Alujevic L. (2021) *Shaping and securing the EU's Open Strategic Autonomy by 2040 and beyond*. EUR 30802 EN. Luxembourg: Publications Office of the European Union. 148 p. doi:10.2760/727114
- Cardwell P. J., Moret E. (2022). The EU, Sanctions and Regional Leadership. *European Security*. Vol. 32. No. 1. P. 1–21. <https://doi.org/10.1080/09662839.2022.2085997>
- Damro C. (2012). Market Power Europe. *Journal of European Public Policy*. Vol. 19. No. 5. P. 682–699. <https://doi.org/10.1080/13501763.2011.646779>
- Fairclough N. (2018). CDA as dialectical reasoning. In: J. Flowerdew, J. E. Richardson (eds.) *The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies*. Abingdon: Routledge. P. 13–25.
- Fairclough N., Wodak R. (1997). Critical discourse analysis. In: van Dijk T. (ed.) *Discourse as Social Interaction*. London: Sage. P. 258–284.
- Fierke K. M. (2002). Links across the abyss: language and logic in international relations. *International Studies Quarterly*. Vol. 46. No. 3. P. 331–354. <https://doi.org/10.1111/1468-2478.00236>
- Gehrke T. (2022). EU Open Strategic Autonomy and the Trappings of Geoeconomics. *European Foreign Affairs Review*. Vol. 27. Special Issue. P. 61–78. <https://doi.org/10.54648/eerr2022012>
- Hackenbroich J., Oertel J., Sandner P., Zerka P. (2020). Defending Europe's Economic Sovereignty: New Ways to Resist Economic Coercion. *ECFR Policy Brief*. October. 50 p.
- Hajer M. (2006). Doing discourse analysis: coalitions, practices, meaning. In: M. Van Den Brink, T. Metzger (eds.) *Words Matter in Policy Planning: Discourse Theory and Method in the Social Sciences*. Utrecht: Netherlands Graduate School of Urban and Regional Research. P. 65–74.
- Helwig N., Sinkkonen V. (2022). Strategic Autonomy and the EU as a Global Actor: The Evolution, Debate and Theory of a Contested Term. *European Foreign Affairs Review*. Vol 27. Special Issue. P. 1–20.
- Jackson R. H. (1990). Quasi-States: Sovereignty, *International Relations and the Third World*. Cambridge: Cambridge University Press. 225 p.
- Kotsur G. V. (2023). 'Strategicheskii suverenitet' i 'strategicheskaya avtonomiya' v diskurse ES: morfologicheskii analiz ['Strategic Sovereignty' and 'Strategic Autonomy' in the EU's Official Discourse: a Morphological Analysis of Ideology]. *Sovremennaya Evropa*. No. 3. P. 33–44. DOI: 10.31857/S0201708323030038
- Krasner S. D. (1999). *Sovereignty. Organized Hypocrisy*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 264 p.
- Kuus M. (2010). Critical Geopolitics. In: N. Sandal (ed.) *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. Oxford University Press. DOI: 10.1093/acrefore/9780190846626.013.137
- Manners I. (2002). Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*. Vol. 40. No. 2. P. 235–258.
- Ó Tuathail G., Agnew J. (1992). Geopolitics and Discourse: Practical Geopolitical Reasoning in American Foreign Policy. *Political Geography*. Vol. 11. No. 2. P. 190–204. [https://doi.org/10.1016/0962-6298\(92\)90048-X](https://doi.org/10.1016/0962-6298(92)90048-X)
- Portela C. (2021). The EU and the Strategic Use of Sanctions as a Geo-economic Tool? In: *Reader of the 21st Foreign Policy Conference of the Heinrich Böll Foundation "Between Hard and Soft Power. The European Union in a More Competitive World"*. Heinrich Böll Foundation. June. URL: <https://www.boell.de/en/2021/02/03/eu-and-strategic-use-sanctions-geo-economic-tool> (accessed: 10.12.2021)⁶⁴.
- Portela C., Olsen K. B. (2023). *Implementation and monitoring of the EU sanctions' regimes, including recommendations to reinforce the EU's capacities to implement and monitor sanctions*. Brussels: European Parliament. PE 702.603. 104 p.
- Romanova T. A. (2021). Diskurs o suverenitete Evropeyskogo soyuza: sodержanie i posledstviya [The EU's Discourse on Sovereignty: Content and Consequences]. *Sovremennaya Evropa*. No. 5. P. 32–44. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520213244>

⁶⁴ Published by a non-governmental organization in respect of which a decision was made to recognize it as undesirable on the territory of the Russian Federation.

- Schmitz L., Seidl T. (2023). As Open as Possible, as Autonomous as Necessary: Understanding the Rise of Open Strategic Autonomy in EU Trade Policy. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 61. No. 3. P. 834–852. <https://doi.org/10.1111/jcms.13428>
- Searle J. R. (1979). *Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts*. Cambridge: Cambridge University Press. 187 p.
- Sergeev E. A., Vorotnikov V. V. (2023). *Strategiya Evropeyskogo Soyuz v usloviyakh global'noy perestroyki: avtonomiya ili evtanaziya?* [The EU's Strategy in the Framework of Global Transformation: autonomy or euthanasia]. Moscow: MGIMO-Universitet. 52 p.
- Tichy L. (2019). *EU-Russia Energy Relations. A Discursive Approach*. Cham: Springer. 218 p.
- Wodak R., Meyer M. (2016). Critical discourse studies: history, agenda, theory and methodology. In: R. Wodak, M. Meyer (eds.) *Methods of Critical Discourse Studies*. London: Sage. P. 1–22.
- Zerka P. (2022) The Traveller's Guide to European Economic Sovereignty. *ECFR Commentary*. 7 July. URL: <https://ecfr.eu/article/the-travellers-guide-to-european-economic-sovereignty/> (accessed: 17.01.2024).

ПРАВО КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОМУ ДАВЛЕНИЮ

ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ ГРАЖДАНАМ РОССИИ В СЛУЧАЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СТРАНАХ ЕС?

РУСТАМ КАСЬЯНОВ
ЕКАТЕРИНА ТОРКУНОВА
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Ограничительные меры ЕС причиняют ущерб российской экономике, поставив на паузу политическое взаимодействие. Экономические субъекты получают поддержку со стороны государства и уже приспособились жить в новых условиях. В наиболее уязвимом положении находятся российские граждане и соотечественники, которые находятся в странах ЕС и по этой причине не всегда могут рассчитывать на оперативную помощь России. В середине 2022 г. Министерство иностранных дел Российской Федерации представило доклад «О нарушениях прав российских граждан и соотечественников в зарубежных странах», фиксирующий массовые нарушения прав россиян на Западе. В нём приведена информация по большинству государств–членов Европейского союза, из которой следуют многочисленные подтверждённые факты нарушений. Особенно уязвимы российские граждане, в отношении которых начато уголовное преследование. В статью включены информационно-аналитические материалы для российских граждан и соотечественников, при помощи которых они смогут лучше защитить свои права в странах ЕС. Для этого проведён анализ применимого права Европейского союза, Конвенции о защите прав человека и основных свобод, изучены возможности реализации в уголовном процессе права на устный и письменный перевод, права на информацию о своих правах и сути обвинения, права на помощь адвоката и на юридическую помощь, права на общение с родственниками, работодателями и консульскими учреждениями. Была изучена практика Европейского суда по правам человека с целью обозначить основные правила, которые регулируют возмездность и качество услуг адвоката и переводчика. В заключение сформулированы рекомендации, которые помогут российским гражданам лучше защищать свои права в случае уголовного преследования в государствах–членах ЕС, что особенно актуально в условиях беспрецедентного политического давления Запада на Россию.

Ключевые слова:

российский гражданин; уголовный процесс; устный и письменный перевод; помощь адвоката; право Совета Европы; практика Европейского суда по правам человека; право Европейского союза

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.11.2023

Дата принятия к публикации: 24.01.2024

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: r.kasyanov@inno.mgimo.ru

В середине 2022 г. Министерство иностранных дел Российской Федерации представило доклад «О нарушениях прав российских граждан и соотечественников в зарубежных странах», в котором говорится «о шокирующей своей дикостью тотальной дискриминации россиян»¹, когда массово нарушаются права россиян в государствах «коллективного Запада». В Докладе приведена информация по большинству государств—членов Европейского союза, из которой следуют многочисленные подтверждённые факты нарушений. Особенно уязвимы российские граждане, в отношении которых начато уголовное преследование.

В настоящей статье аналитически обобщены материалы, опираясь на которые российские граждане и соотечественники смогут лучше защитить свои права в странах ЕС. Для этого проведён анализ применимого права Европейского союза, Конвенции о защите прав человека и основных свобод, изучены возможности реализации в уголовном процессе права на устный и письменный перевод, права на информацию о своих правах и сути обвинения, права на помощь адвоката и на юридическую помощь, права на общение с родственниками, работодателями и консульскими учреждениями. Практика Европейского суда по правам человека изучена с целью обозначить основные правила, которые регулируют возмездность и качество услуг адвоката и переводчика. В заключительной части статьи сформулированы рекомендации, которые помогут российским гражданам лучше защищать свои права в случае уголовного преследования в государствах—членах ЕС, что особенно актуально в условиях беспрецедентного политического давления Запада на Россию.

Разнообразие правовых инструментов, гарантирующих права российских граждан в уголовном процессе в странах ЕС

В Докладе МИД 2022 г. отмечены серьёзные нарушения, связанные с уголовным преследованием. Речь идёт о ситуациях, когда российские граждане сталкиваются с давлением, ненадлежащим обращением со стороны тюремного персонала, с отказом предоставить необходимую медицинскую помощь и связь с адвокатом. Более того, к ним затруднён либо запрещён консульский доступ сотрудников российских загранучреждений. *В документе приведены факты нарушений по различным государствам—членам Европейского союза*².

Приведём два конкретных примера. Во-первых, в Дании правоохранительные органы затягивают сроки согласования консульского доступа к задержанным россиянам. Установлены факты позднего информирования датскими властями российского Посольства об инцидентах с задержаниями россиян, а также непредоставления последним своевременной медицинской помощи. Во-вторых, в Литве распространённой юридической практикой стало придание закону обратной силы, нарушение принципа презумпции невиновности и права на справедливое судебное разбирательство, в том числе в отношении следующих российских граждан: Г. Иванова, Ю. Меля и К. Никулина.

По состоянию на конец 2023 г. в 27 государствах—членах ЕС деятельность национальных следственных и судебных органов осуществляется с соблюдением прав подозреваемых и обвиняемых, закреплённых в нормах национального уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также с соблюдением наднациональных правовых норм. Последние в силу принципа верховенства права ЕС обладают наивысшей юридической силой по отношению к национальному законодательству и обязательны к исполнению на всей терри-

¹ Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации «О нарушениях прав российских граждан и соотечественников в зарубежных странах» (Москва, 2022 год). URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1815559/ (дата обращения: 20.02.2024).

² Там же.

тории Союза. В этом контексте стоит упомянуть Хартию ЕС об основных правах 2000 года (далее – Хартия)³. В ней закреплены права на эффективное обжалование и на доступ к беспристрастному суду (ст. 47) и соблюдение права на защиту (ч. 2 ст. 48).

Наднациональные органы ЕС, обладающие компетенцией в сфере уголовно-судебного сотрудничества (Евроюст) [Jimeno-Vulnes 2003] и правом проводить уголовное преследование (Европол, Европейская прокуратура) [Öberg 2021], напрямую связаны положениями этого документа. Любой подозреваемый или обвиняемый, участвующий в уголовном разбирательстве в одном из государств–членов ЕС, может ссылаться как на нормы международного права, в первую очередь на основополагающий региональный правозащитный документ Совета Европы – Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 года (далее – ЕКПЧ)⁴, так и на другие международные документы – Всеобщую декларацию прав человека 1948 года⁵, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года⁶, Венскую конвенцию о консульских сношениях 1963 года⁷, Конвенцию о правах ребёнка 1989 г.⁸ и так далее.

Хотя Россия вышла из Совета Европы и денонсировала в связи с этим ЕКПЧ, российские граждане на территории ЕС могут ссылаться на положения Конвенции, поскольку она гарантирует права всех лиц, находящихся под юрисдикцией её государств–участников, независимо от их граж-

данства. Европейский союз как надгосударственное образование не присоединился к Конвенции, но все государства–члены являются её участниками и обязаны соблюдать её положения.

Российский гражданин, в отношении которого начато уголовное преследование в ЕС, имеет широкий круг правовых инструментов, с помощью которых он может попытаться гарантировать свои права. К их числу относятся нормы национального законодательства государств–членов, нормы международного и европейского права. Приведённый выше перечень основных универсальных международных документов в той или иной степени россиянам известен. Знание положений универсальных или региональных международных документов, центральное место среди которых принадлежит ЕКПЧ, позволяет не чувствовать себя беззащитным перед следственными или судебными органами ЕС.

Вместе с тем этого недостаточно для полноценной защиты своих прав, так как указанные международные договоры закрепляют лишь общие правила, которые иногда трудно применить в конкретной ситуации, особенно в случае процессуальных действий. В этой связи обращают на себя внимание нормы вторичного права ЕС, исходящие от институтов Союза. Они, как правило, содержат детализированный свод правил, применяющихся в конкретной ситуации. В Директиве 2013/48/ЕС Европейского парламента и Совета от 22 октября 2013 г. «О праве доступа к адвокату в контексте уголовного разбирательства и разбиратель-

³ Charter of Fundamental Rights of the European Union // Official Journal of the European Union, С 326, 26.10.2012. P. 391–407. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012P%2FTXT> (дата обращения: 20.02.2024).

⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04.11.1950) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163. Действие настоящего документа прекращено в отношении Российской Федерации с 16 марта 2022 года – Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ.

⁵ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета, 10.12.1998. № 235.

⁶ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят Генеральной Ассамблеей ООН 16.12.1966). Организация Объединённых Наций. Серия договоров. 1976. Т. 999. С. 171.

⁷ Венская конвенция о консульских сношениях (Вена, 24.04.1963). Организация Объединённых Наций. Серия договоров. 1967. Т. 596. С. 261.

⁸ Конвенция о правах ребёнка (принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.). Организация Объединённых Наций. Серия договоров. 1990. Т. 1577. С. 3.

ства, связанного с европейским ордером на арест, праве информировать третью сторону о лишении свободы и праве лиц, лишённых свободы, на общение с третьими лицами и консульскими учреждениями» (далее — Директива 2013/48/ЕС) отмечается, что «укрепление взаимного доверия требует детальных правил защиты гарантий и процессуальных прав, вытекающих из Хартии, ЕКПЧ и Международного пакта о гражданских и политических правах. Это также требует дальнейшего развития в рамках ЕС посредством настоящей Директивы других мер и минимальных стандартов, закреплённых в Хартии и ЕКПЧ»⁹.

Нормы вторичного права интеграционного объединения¹⁰ применяются во всех государствах-членах единообразно. Они имеют приоритет по отношению к национальному законодательству, поэтому не нужно вникать, например, в особенности австрийского, болгарского, немецкого, нидерландского, французского или литовского уголовно-процессуального законодательства. Директивы ЕС, в отличие от регламентов, оставляют государствам-членам определённую свободу действий при реализации целей этих правовых актов. Тем не менее основные принципы регулирования едины для всех государств, которым они адресованы. Кроме того, эти нормы не могут противоречить первичному праву Европейского союза, к числу которых относится Хартия. Они учитывают также международный опыт регулирования аналогичных вопросов. Таким образом, знание основных источников вторичного права ЕС, посвящённых процессуальным правам подозреваемых и обвиняемых

в уголовном производстве, позволит российскому гражданину иметь солидную юридическую подготовку. Он сможет чувствовать себя более защищённым в любом из государств-членов.

На этом фоне обращают на себя внимание правовые акты Союза, которые были подготовлены в ответ на резолюцию Совета от 30 ноября 2009 г. «О дорожной карте по усилению гарантий процессуальных прав подозреваемых или обвиняемых в уголовном производстве»¹¹ (далее — «дорожная карта»). В рамках поэтапного подхода её составители исходили из необходимости принятия законодательных мер, которые будут регулировать право на устный и письменный перевод (мера «А»), право на информацию о своих правах и сути обвинения (мера «В»), право на помощь адвоката и на юридическую помощь (мера «С»), право на общение с родственниками, работодателями и консульскими учреждениями (мера «D») и особые гарантии для подозреваемых или обвиняемых, находящихся в уязвимом положении (мера «Е»). Отдельно было предусмотрено принятие Зелёной книги «О предварительном заключении» (мера «F»). Поскольку у ЕС отсутствует чёткая компетенция в области регулирования вопросов, связанных с содержанием лиц под стражей, в частности в отношении тюремного режима, по последней мере был принят рекомендательный акт.

Европейский совет 11 декабря 2009 г. включил «дорожную карту» в Стокгольмскую программу [Weis 2010] — «Открытая и безопасная Европа на службе и защите граждан» (пункт 2.4)¹². Итогом правотвор-

⁹ Directive 2013/48/UE du Parlement européen et du Conseil du 22 octobre 2013 relative au droit d'accès à un avocat dans le cadre des procédures pénales et des procédures relatives au mandat d'arrêt européen, au droit d'informer un tiers dès la privation de liberté et au droit des personnes privées de liberté de communiquer avec des tiers et avec les autorités consulaires. JO L 294. 06.11.2013. P. 1.

¹⁰ К нормам вторичного права относят правовые акты институтов ЕС (директивы, регламенты, решения и др.). К нормам первичного права относят учредительные договоры, Хартию ЕС об основных правах и др. Источники первичного права обладают наивысшей юридической силой.

¹¹ Résolution du Conseil du 30 novembre 2009 relative à la feuille de route visant à renforcer les droits procéduraux des suspects ou des personnes poursuivies dans le cadre des procédures pénales. JO C 295. 04.12.2009. P. 1.

¹² Le programme de Stockholm — une Europe ouverte et sûre qui sert et protège les citoyens. JO C 115. 04.05.2010. P. 1.

ческой работы в этом направлении стали пять директив, которые были приняты в период с 2010 по 2016 год: Директива 2010/64/ЕС Европейского парламента и Совета от 20 октября 2010 г. «О праве на устный и письменный перевод в уголовном процессе» (далее – Директива 2010/64/ЕС)¹³; Директива 2012/13/ЕС Европейского парламента и Совета от 22 мая 2012 г. «О праве на информацию в уголовном процессе» (далее – Директива 2012/13/ЕС)¹⁴, Директива 2016/343 Европейского парламента и Совета от 9 марта 2016 г. «Об укреплении некоторых аспектов презумпции невиновности и праве присутствовать на судебном разбирательстве в уголовном процессе» (далее – Директива 2016/343/ЕС)¹⁵; Директива 2016/800 Европейского парламента и Совета от 11 мая 2016 г. «О процессуальных гарантиях для детей, являющихся подозреваемыми или обвиняемыми в уголовном процессе» (далее – Директива 2016/800/ЕС)¹⁶; а также ранее упоминавшаяся Директива 2013/48/ЕС. Эти документы (далее – процессуальные директивы) регулируют различные вопросы обеспечения процессуальных прав в случае уголовного преследования. Они были приняты европейскими институтами как новое мощное средство для продвижения интеграции [Fichera 2013] и предстают как составная часть формирующегося европейского уголовного права [Albrecht, Braum 1999; Rubi-Savagna 2018].

Необходимо сделать следующий вывод из предшествующего анализа. В ЕС применяются многочисленные правовые инструменты, которые должны учитывать

российские граждане при защите своих прав. Наряду с универсальными и региональными правозащитными международными договорами, центральное место среди которых занимает Конвенция о защите прав человека и основных свобод, в ЕС применяется Хартия ЕС об основных правах, а также целый ряд директив, которые регулируют различные вопросы обеспечения процессуальных прав в случае уголовного преследования. Директивы ЕС содержат детализированный свод правил, что позволяет обеспечить более эффективную защиту прав лиц в уголовном процессе.

Применимость процессуальных директив ЕС в отношении российских граждан

Из названия Стокгольмской программы следует, что основным её адресатом являются граждане ЕС. В документе прямо сказано, что «все будущие действия должны быть ориентированы на граждан Союза и других лиц, в отношении которых Союз несёт ответственность» (пункт 1.1)¹⁷. При анализе процессуальных директив, принятых при реализации целей этой программы, можно обратить внимание на повторяющиеся формулировки. В соответствии с ними «общие минимальные правила должны повысить доверие к системам уголовного правосудия всех государств-членов, что, таким образом, должно привести к более эффективному судебному сотрудничеству в атмосфере взаимного доверия»¹⁸.

Подобное единообразие объясняется принятием процессуальных директив на

¹³ Directive 2010/64/UE du Parlement européen et du Conseil du 20 octobre 2010 relative au droit à l'interprétation et à la traduction dans le cadre des procédures pénales. JO L 280. 26.10.2010. P. 1–7.

¹⁴ Directive 2012/13/UE du Parlement européen et du Conseil du 22 mai 2012 relative au droit à l'information dans le cadre des procédures pénales. JO L 142. 01.06.2012. P. 1–10.

¹⁵ Directive (UE) 2016/343 du Parlement européen et du Conseil du 9 mars 2016 portant renforcement de certains aspects de la présomption d'innocence et du droit d'assister à son procès dans le cadre des procédures pénales. JO L 65. 11.03.2016. P. 1–11.

¹⁶ Directive (UE) 2016/800 du Parlement européen et du Conseil du 11 mai 2016 relative à la mise en place de garanties procédurales en faveur des enfants qui sont des suspects ou des personnes poursuivies dans le cadre des procédures pénales. JO L 132. 21.05.2016. P. 1–20.

¹⁷ Le programme de Stockholm – une Europe ouverte et sûre qui sert et protège les citoyens. P. 4.

¹⁸ См., например, Директиву 2010/64/ЕС. P. 2; Директиву 2012/13/ЕС. P. 2.

основании статьи 82(2) Договора о функционировании Европейского союза (далее – ДФЕС). Она предусматривает установление минимальных правил для облегчения взаимного признания приговоров и судебных решений в государствах-членах, а также полицейского и судебного сотрудничества в уголовных делах, имеющих трансграничное измерение [Öberg et al. 2021]. Пункт (b) ст. 82(2) ДФЕС касается прав лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве как одной из областей, в которых могут быть установлены минимальные правила.

Могут ли российские граждане апеллировать к нормам процессуальных директив ЕС при защите своих прав в случае уголовного преследования? Безусловно. *Во-первых*, анализ текста этих документов не позволяет говорить, что их положения обращены исключительно к гражданам Европейского союза. Повсеместно используются формулировки, согласно которым правовые нормы, изложенные в этих актах, применяются «к лицам с момента, когда компетентные органы государства-члена доводят до их сведения посредством официального уведомления или любым другим способом, что их подозревают или преследуют за совершение преступления, до завершения судебного разбирательства, которое понимается как окончательное определение того, совершили они преступление или нет, включая, если применимо, обвинительный приговор и решение, вынесенное по любой апелляции»¹⁹. Ни в одной из процессуальных директив нет специального указания, что они применяются исключительно в отношении граждан ЕС. В Директиве 2012/13/ЕС прямо закреплено, что она «должна применяться к подозреваемым и обвиняемым, независимо от их правового статуса, гражданства и национальности»²⁰.

Во-вторых, институты ЕС при принятии правовых актов исходили из того, что они посредством этих документов и других мер будут «развивать в рамках Союза минимальные стандарты, закреплённые в ЕКПЧ и Хартии»²¹. В каждой из этих директив также говорится, что их положения не могут быть истолкованы «как ограничение или умаление прав и процессуальных гарантий, предоставленных в соответствии с ЕКПЧ, Хартией основных прав Европейского союза, любым другим соответствующим положением международного права или закона государства-члена, обеспечивающего более высокий уровень защиты»²². При этом институты ЕС отмечают, что, хотя все государства-члены являются участниками ЕКПЧ, «опыт показывает, что это само по себе не всегда обеспечивает достаточную степень доверия к системам уголовного правосудия других государств-членов»²³. По этой причине укрепление взаимного доверия «требует более последовательного осуществления прав и гарантий, указанных в статье 6 ЕКПЧ»²⁴. Обращение к этой статье, которая закрепляет право на справедливое судебное разбирательство, характерно для всех процессуальных директив.

Таким образом, директивы ЕС основаны на соблюдении ЕКПЧ, которая гарантирует права всех лиц, находящихся под юрисдикцией государств-членов. Выборочное их применение в отношении лиц в зависимости от их принадлежности к гражданству Европейского союза противоречило бы букве и духу Конвенции. Наконец, процессуальные директивы направлены на закрепление минимальных правозащитных стандартов. Создание специального комплекса норм в отношении граждан третьих стран также вызвало бы множество вопросов. В любом случае их принятие привело бы либо к ущемлению

¹⁹ См., например, Директиву 2010/64/ЕС. Р. 4; Директиву 2012/13/ЕС. Р. 5.

²⁰ См. Директиву 2012/13/ЕС. Р. 5.

²¹ См. Директиву 2010/64/ЕС. Р. 2.

²² См., например, Директиву 2012/13/ЕС. Р. 6; Директиву 2013/48/ЕС. Р. 11.

²³ См., например, Директиву 2010/64/ЕС. Р. 2.

²⁴ Там же.

прав граждан ЕС, либо к обратной дискриминации и дискредитации всей законодательной деятельности институтов Союза.

В-третьих, ответ на поставленный выше вопрос можно найти в практике Суда Европейского союза, который уже рассматривал дела граждан из третьих стран на предмет нарушения положений процессуальных директив. Суд ЕС в Люксембурге 1 августа 2022 г. в ответ на запрос Апелляционного суда Эворы (Португалия) вынес преюдициальное решение по делу C-242/22 PPU²⁵ о толковании отдельных статей Директивы 2010/64/ЕС и Директивы 2012/13/ЕС. Этот запрос был сделан в контексте спора между ТЛ, гражданином Молдовы, и португальской прокуратурой (Ministério Público) относительно последствий отсутствия помощи переводчика и письменного перевода различных документов, касающихся уголовного производства в отношении ТЛ.

Суд ЕС в ходе срочной преюдициальной процедуры постановил, что эти директивы, рассматриваемые в свете основных прав на справедливое судебное разбирательство и уважение права на защиту (ст. 47 и ч. 2 ст. 48 Хартии, ст. 6 ЕКПЧ) и принципа эффективности, исключают наличие некоторых противоречащих национальных (португальских) законов. В соответствии с ними нарушение права на информацию, на устный и письменный перевод, предусмотренные этими директивами, должно быть заявлено бенефициаром этих прав в течение определённого периода, если тот начинается до того, как заинтересованное лицо было проинформировано на языке, на котором оно говорит или понимает. Имеется в виду, *во-первых*, существование и объём его права на устный и письменный перевод; *во-вторых*, существование и содержание основного документа, о котором идёт речь, и связанных с ним последствиях. Следует отметить, что, согласно принципу эффективности, национальные правила и про-

цедуры не должны делать осуществление прав ЕС невозможным на практике.

Было констатировано нарушение прав гражданина из третьей страны. За ним признаны гарантии процессуальных директив Европейского союза. Особую остроту этому заключению Суда ЕС придаёт тот факт, что указанные директивы не были вовремя перенесены (или не полностью перенесены) в португальскую правовую систему, что не помешало на них сослаться апелляционной инстанции и адвокату гражданину Молдовы, а Суду ЕС признать их прямое действие в правовом порядке Португалии, так как их положения кажутся с точки зрения их содержания безусловными и достаточно точными и напрямую затрагивают права частных лиц.

Таким образом, директивы, принятые в соответствии с «дорожной картой», которые регулируют обеспечение процессуальных прав в уголовном производстве, адресованы в первую очередь гражданам Союза и направлены на создание пространства свободы, безопасности и правосудия [Войников, Энтин 2019]. Граждане третьих стран, находящиеся в юрисдикции государств-членов, вправе ссылаться на положения Директив ЕС (2010/64/ЕС и 2012/13/ЕС) даже в том случае, если они не были вовремя имплементированы на национальном уровне. Аналогичный вывод можно сделать в отношении других директив (2013/48/ЕС, (ЕС) 2016/343, (ЕС) 2016/800), поскольку, по мнению европейских институтов, принявших их, «дорожная карта разрабатывается как единое целое, и только после того, как все её компоненты будут реализованы, она раскроет весь свой потенциал»²⁶.

Перейдем к более детальному анализу положений этих правовых актов. Поскольку в «дорожной карте» подчёркивается, что порядок, в котором упоминаются права, ориентировочный, для целей этого исследования будет избран хронологический

²⁵ Arrêt de la Cour de l'Union européenne (première chambre) (1er août 2022). Procédure pénale contre TL. Affaire C-242/22 PPU // Recueil – Recueil général. Identifiant ECLI: ECLI:EU:C:2022:611.

²⁶ См., например, Директиву 2012/13/ЕС. Р. 2.

подход при изучении соответствующих директив. Мы рассмотрим три процессуальные директивы, которые соответствуют мерам «А», «В», «С», «Д» «дорожной карты», так как именно их правила регулируют наиболее частые ситуации, с которыми сталкиваются подозреваемые или обвиняемые.

Право на устный и письменный перевод

Право на устный и письменный перевод, предоставленное лицам, которые не говорят на языке судопроизводства или не понимают его, закреплено в ст. 6 ЕКПЧ с учётом толкования этой правовой нормы Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ) (см. далее). Директива 2010/64/ЕС облегчает практическую реализацию этого права на уровне Союза. С этой целью в правовом акте закреплено право подозреваемых и обвиняемых на услуги устного и письменного перевода в контексте уголовного судопроизводства, гарантирующее справедливое судебное разбирательство. Важно подчеркнуть, что ст. 6 ЕКПЧ и ст. 47 Хартии устанавливают право на справедливое судебное разбирательство. Часть 2 ст. 48 Хартии гарантирует уважение права на защиту. Директива 2010/64/ЕС исходит из необходимости реализации этих прав и применяется соответствующим образом.

Последний документ (не распространяется на Данию)²⁷ относится к мере «А» и устанавливает общие минимальные правила, которые должны применяться в области устного и письменного перевода в уголовном производстве и в процедурах, связанных с исполнением европейского ордера на арест. Право на устный и письменный перевод появляется с момента, когда компетентные органы государства-члена официально уведомляют лицо, что его подозревают в совершении преступления или преследуют за это деяние. В некоторых странах ЕС (например, во Франции) санкции за незначительные нарушения вправе

накладывать органы, которые обладают полномочиями по уголовным делам, но к числу судебных не относятся²⁸. Их решения, как правило, могут быть обжалованы в судебном порядке. В таких случаях Директива 2010/64/ЕС применяется только к процедуре судебного обжалования.

В документе разграничиваются устный и письменный переводы. Услуги по их оказанию должны предоставляться на родном языке подозреваемых или обвиняемых или на любом другом языке, на котором они говорят или понимают. Прокуратура, полиция и судебные органы обязаны обеспечить подозреваемому или обвиняемому, страдающему каким-либо физическим или психическим расстройством, влияющим на его способность эффективно общаться, возможность пользоваться правами, предусмотренными Директивой 2010/64/ЕС.

Устный перевод без промедления предоставляется подозреваемому или обвиняемому во время уголовного преследования перед следственными или судебными органами, в том числе во время допроса полицией. В целях справедливого судебного разбирательства государства-члены должны обеспечить наличие переводчика для общения подозреваемого или обвиняемого с адвокатом во время допроса или слушания, а также в случае апелляции или подачи других ходатайств в контексте разбирательства (об освобождении под залог и прочее). Необходимо проверить уровень знания языка подозреваемым или обвиняемым лицом.

В уголовно-процессуальном законодательстве государств-членов должны быть предусмотрены процедуры, при помощи которых это лицо может обжаловать решение об отсутствии потребности в устном переводе, а также подать жалобу на недостаточное для реализации его права на справедливое судебное разбирательство

²⁷ См. п. 36 Директивы 2010/64/ЕС.

²⁸ См. п. 16 Директивы 2010/64/ЕС, в котором поясняется, что такая практика особенно касается нарушений правил дорожного движения, которые в некоторых государствах-членах ЕС подлежат санкциям, налагаемым внесудебным органом.

качество устного перевода. В последнем случае компетентные органы должны заменить назначенного переводчика. Для устного перевода и быстрой связи с переводчиком могут использоваться технические средства связи – видеоконференция, телефон или Интернет. Если подозреваемый или обвиняемый был допрошен следственными органами или заслушан судебным органом с использованием устного перевода, то этот факт должен быть зафиксирован.

Письменный перевод основных документов предоставляется подозреваемому или обвиняемому в разумный срок для реализации своего права на защиту. К числу основных документов относятся решение о заключении под стражу, любое обвинение или обвинительный акт и судебное решение. Национальные компетентные органы решают в каждом конкретном случае, необходим ли письменный перевод какого-либо другого документа. Подозреваемый или обвиняемый либо адвокат могут представить мотивированную просьбу об этом. Как и в случае устного перевода, должны быть предусмотрены процедуры, с помощью которых лицо может обжаловать отказ обвинителя предоставить перевод документов или их частей, а также подать жалобу на качество письменного перевода.

Государство—член ЕС, которое исполняет европейский ордер на арест, обязано при необходимости обеспечить его письменный перевод для лица, в отношении которого оно выдано. В некоторых случаях может быть предоставлен устный перевод, если это решение не нарушает право на справедливое судебное разбирательство. При невозможности письменного перевода устное изложение основных документов фиксируется в порядке, установленном национальным законодательством. Подозреваемый или обвиняемый вправе отказаться от письменного перевода основных документов, но такое лицо должно быть проконсультировано о последствиях своего решения. Такой отказ также фиксируется.

Расходы на перевод несут государства-члены. Они обязаны создать реестр внеш-

татных переводчиков, имеющих необходимую квалификацию. Доступ к нему предоставляется адвокатам и соответствующим органам власти. Национальные органы должны гарантировать соблюдение переводчиками конфиденциальности устных и письменных переводов, предоставляемых в соответствии с Директивой 2010/64/ЕС.

Таким образом, Директива 2010/64/ЕС закрепляет правила, которые гарантируют высокий уровень защиты лиц в рамках уголовного процесса, обеспечивая эффективную реализацию права на устный и письменный перевод. Важным достижением стали правила, которые регулируют оказание услуг по письменному переводу.

Право на информацию о своих правах и о сути обвинения

Аналогично Директиве 2010/64/ЕС принятие Директивы 2012/13/ЕС в полной мере исходит из необходимости обеспечить на уровне ЕС соблюдение прав, которые закреплены в ст. 6 ЕКПЧ и ст. 47 Хартии (право на справедливое судебное разбирательство) и ч. 2 ст. 48 Хартии (уважение права на защиту). Кроме того, ст. 6 Хартии и ст. 5 ЕКПЧ закрепляют право на свободу и личную неприкосновенность. В Директиве 2010/64/ЕС учитывается, что в последнем случае любые ограничения не могут превышать те, которые разрешены в соответствии со ст. 5 ЕКПЧ и вытекают из прецедентного права ЕСПЧ.

Директива 2012/13/ЕС относится к мере «В» «дорожной карты» (не применяется в Дании) и устанавливает правила информирования лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении уголовного преступления, об их правах и выдвинутых против них обвинениях. В равной степени эти положения касаются лиц, в отношении которых выдан европейский ордер на арест.

Правила, изложенные в этом документе, применяются с того момента, когда компетентные органы государства-члена уведомляют лицо, что его подозревают или обвиняют в совершении уголовного преступления. Эти правила действуют до вынесения обвинительного приговора или апелляции

онного решения. Если в национальном правовом порядке за относительно незначительные правонарушения (нарушения правил дорожного движения) санкции может наложить несудебный орган, обладающий юрисдикцией по уголовным делам, что может быть оспорено в суде, то Директива 2012/13/ЕС применяется только к процедуре обжалования в таком суде.

В этот законодательный акт включён пункт об обязательном вручении подозреваемому или обвиняемому лицу, которое задержано или арестовано, Декларации прав. Более того, к Директиве приложен её шаблон. Как следствие, в государствах-членах гармонизированы содержание и форма документа, закрепляющего минимум их информационных обязательств в отношении лиц, против которых начато уголовное преследование.

Декларация прав содержит восемь разделов, которые соответствуют конкретным правам с кратким изложением их содержания. В соответствии с разделом 1 «Помощь адвоката. Право на юридическую помощь» обвиняемое или подозреваемое лицо имеет право на конфиденциальную беседу с адвокатом, который должен быть независимым от полиции. Сотрудники последней должны помочь связаться с защитником. В некоторых случаях помощь может быть бесплатной. Дополнительные разъяснения этого права следует получить у органов правового порядка. Зарубежные учёные-правоведы отмечают, что выбор адвоката в отделении полиции связан с определёнными рисками, поскольку сам процесс отбора никак не регулируется в национальном праве. В итоге отсутствие формальной, прозрачной системы отбора способно снизить эффективность реализации права на юридическую помощь [Daly, Conway 2021; Cape, Hodgson 2014].

Согласно разделу 2 «Информация об обвинении» лицо вправе знать, почему его арестовали или задержали и в совершении

какого преступления его подозревают или обвиняют.

Раздел 3 «Толкование и перевод» посвящён праву на бесплатную помощь переводчика. Последний может помочь в общении с адвокатом, который не должен раскрывать какую-либо информацию о содержании этого разговора. Лицо вправе получить по крайней мере перевод соответствующих выдержек из основных документов, включая любой судебный ордер, санкционирующий арест или дальнейшее задержание, любое обвинение или обвинительный акт, а также любое судебное решение.

Согласно разделу 4 «Право на молчание» при допросе в полиции или других компетентных органах лицо не обязано отвечать на вопросы, касающиеся предполагаемого правонарушения. Задержанное или арестованное лицо вправе просить своего адвоката помочь решить этот вопрос. Правила раздела 4 сформулированы с учётом национального опыта европейских государств и практики ЕСПЧ [Daly 2014], хотя на национальном уровне не все вопросы удалось решить в полной мере [Pivatu et al. 2021]²⁹.

В разделе 5 «Доступ к документам» сказано, что лицо при задержании или аресте может получить доступ к основным документам, необходимым для обжалования этого решения. Если дело будет передано в суд, то субъект (или его адвокат) имеет право ознакомиться с вещественными доказательствами.

Раздел 6 «Уведомление третьих лиц о вашем аресте или задержании/информирование вашего консульства или посольства» закрепляет за обвиняемым или задержанным лицом право требовать от полиции, чтобы кто-то ещё, например член семьи или работодатель, был проинформирован о задержании или аресте. Если обвиняемое или подозреваемое лицо — иностранец, то он может сообщить в полицию о желании проинформировать консульство или посольство о своём задержании или аресте и

²⁹ В Нидерландах, например, содержание права хранить молчание не закреплено в национальном законодательстве, в отличие, например, от Бельгии и Италии, где обязанность информировать подозреваемого о различных элементах права хранить молчание охраняется законом.

о необходимости связаться с сотрудником заграничного учреждения своей страны.

Согласно разделу 7 «Скорая медицинская помощь» при аресте или задержании лицо имеет право на неотложную медицинскую помощь. Для её получения необходимо обратиться к сотруднику полиции.

Согласно разделу 8 «Период лишения свободы» лицо после ареста или задержания обязано быть проинформировано о максимальном сроке ареста или задержания, с указанием конкретного числа дней/часов. Отдельно должна быть предоставлена информация, что по истечении этого периода лицо должно быть освобождено либо его должен заслушать судья, который вынесет решение о продлении содержания под стражей. При этом лицо вправе просить у своего защитника или судьи о возможности обжаловать арест, пересмотреть решение о содержании под стражей или обратиться с ходатайством о временном освобождении.

В этих разделах отражён гармонизованный минимум правил. Декларация прав может включать другие процессуальные права, применимые в государствах-членах. Этот документ должен быть передан лицу незамедлительно при его аресте или задержании, что происходит до первого официального допроса подозреваемого или обвиняемого полицией или другим компетентным органом. Арестованное или задержанное лицо имеет право ознакомиться с Декларацией, хранить её у себя в течение всего срока содержания под стражей. Она должна быть написана простым и доступным языком. Государства-члены обязаны обеспечить получение подозреваемым или обвиняемым Декларации в письменной форме на языке, который он понимает. Если отсутствует её версия на соответствующем языке, то подозреваемого или обвиняемого информируют об их правах в устной форме на языке, который он понимает. Затем версию Декларации на понятном подозреваемому или обвиняемому языке направляют без задержки.

Лица, в отношении которых выдан европейский ордер на арест, могут получить

Декларацию прав, содержание которой приводится в приложении к Директиве 2012/13/ЕС. Шаблон такой Декларации включает пять разделов (информация о европейском ордере на арест, помощь адвоката, толкование и перевод, возможность согласия на выдачу, право быть заслушанным судом). Совпадающие разделы не отличаются по своему содержанию от обычной Декларации прав, а отличающиеся разделы регулируют в основном специальные вопросы, связанные с процедурой применения европейского ордера на арест.

В Директиве 2012/13/ЕС закреплено право подозреваемых или обвиняемых получать информацию о предъявленном обвинении. Такие лица должны быть уведомлены о причинах их ареста или задержания, в том числе об уголовно наказуемом деянии, в совершении которого их подозревают или обвиняют. Этому праву также посвящён раздел 2 Декларации прав. Эта информация передаётся быстро и достаточно подробно, чтобы гарантировать справедливость процедуры и обеспечить эффективное осуществление права на защиту. Подозреваемые и обвиняемые (или их адвокаты) могут оспаривать в соответствии с национальными процедурами непредоставление такой информации.

Директива 2012/13/ЕС закрепляет право на доступ к документам дела, в том числе фотографии, видео- и аудиозаписи. Они хранятся у компетентных органов и необходимы для эффективного оспаривания в соответствии с национальным законодательством законности ареста или задержания. Документы должны быть доведены до сведения заинтересованного лица или его адвоката. Доступ к ним предоставляется заблаговременно и должен быть бесплатным для обеспечения эффективного осуществления права на защиту, но самое позднее до вынесения судом решения об обоснованности обвинения.

В доступе к определённым документам может быть отказано, если он может представлять серьёзную угрозу жизни или правам третьей стороны или когда отказ необ-

ходим для защиты важных общественных интересов. Например, имеются в виду ситуации, когда может быть поставлено под угрозу текущее расследование или нанесён серьёзный ущерб национальной безопасности государства-члена, в котором возбуждено уголовное дело. В таком случае данное решение должно быть принято судебным органом или, по крайней мере, быть подвергнуто судебному контролю. Согласно Директиве 2012/13/ЕС, ограничения такого доступа следует толковать в соответствии с правом на справедливое судебное разбирательство, как это предусмотрено ЕКПЧ и интерпретируется ЕСПЧ.

Таким образом, благодаря Директиве 2012/13/ЕС право на информацию о своих правах и о сути обвинения получило конкретизацию через раскрытие целого ряда связанных аспектов: адвокатская и иная юридическая поддержка; информация об обвинении, толкование и перевод, право хранить молчание, скорая медицинская помощь, период лишения свободы. Важным достижением стало правило об обязательном вручении подозреваемому или обвиняемому лицу Декларации прав, шаблон которой приложен к Директиве 2012/13/ЕС.

Право на помощь адвоката и на юридическую помощь.

Право на общение с родственниками, работодателями и консульскими учреждениями

При принятии Директивы 2013/48/ЕС законодательные институты исходили из необходимости гарантировать на уровне ЕС соблюдение ст. 47 Хартии и ч. 2 ст. 48 Хартии, а также ст. 6 ЕКПЧ.

Директива 2013/48/ЕС относится к мерам «С» и «D» «дорожной карты». Она не применяется в Ирландии и Дании³⁰ [So0 2017].

Подозреваемый или обвиняемый с момента, когда компетентные органы государства-члена сообщают ему посредством официального уведомления или любым другим способом, что его подозревают или

обвиняют в совершении уголовного преступления, вправе апеллировать к положениям Директивы 2013/48/ЕС независимо от того, лишён он свободы или нет. Лицо, не являющееся подозреваемым или обвиняемым, но ставшее таковым в ходе допроса полицией или другим правоохранительным органом, также может ссылаться на права, закреплённые в этой директиве. Более того, если во время допроса лицо становится подозреваемым или обвиняемым, то допрос такого лица должен быть немедленно приостановлен.

Правила этого правового акта применяются до окончания судебного разбирательства. В отношении незначительных правонарушений, за которые санкции вправе накладывать орган, не являющийся судом с юрисдикцией по уголовным делам, действует аналогичный порядок, как в рассмотренных директивах 2010/64/ЕС и 2012/13/ЕС.

Последняя применяется также к лицам, в отношении которых выдан европейский ордер на арест, с момента их ареста в государстве—члене ЕС, осуществляющем исполнение ордера.

Центральное место в Директиве 2013/48/ЕС занимают нормы, которые посвящены праву на доступ к адвокату в уголовном процессе. Подозреваемый или обвиняемый должен получить такой доступ без неоправданной задержки. Государства-члены должны стремиться предоставлять общую информацию, например на веб-сайте или в брошюрах, доступных в полицейских участках, чтобы помочь подозреваемым или обвиняемым быстро найти защитника. В любом случае подозреваемый или обвиняемый должен получить доступ к адвокату с момента наступления самого раннего из следующих событий: 1) до допроса полицией или любым другим правоохранительным или судебным органом; 2) во время проведения следственными или иными компетентными органами следственных или иных мероприятий по сбору доказательств; 3) после лишения

³⁰ См. п. 58–59 Директивы 2013/48/ЕС.

свободы; 4) после вызова в суд, который обладает юрисдикцией по уголовным делам, заблаговременно до назначенного времени явки в этот суд. Допрос не включает в себя предварительные вопросы, задаваемые полицией либо другими правоохранительными органами с целью установления личности, проверки наличия у лица оружия или оценки других вопросов безопасности или с целью установить, нужно ли начинать расследование, например во время дорожной проверки или плановой выборочной проверки, когда подозреваемый или обвиняемый ещё не установлен.

Право на доступ к адвокату включает в себя следующие элементы: 1) подозреваемый или обвиняемый имеет право встречаться и общаться наедине с адвокатом, в том числе до того момента, как он будет допрошен полицией или заслушан судебным органом; 2) подозреваемый или обвиняемый имеет право на присутствие и эффективное участие адвоката в допросе; 3) подозреваемый или обвиняемый имеет право на присутствие адвоката во время ряда следственных действий по сбору доказательств, если такие меры предусмотрены национальным законодательством (опознание подозреваемых, очные ставки, реконструкция места преступления).

Доступ к адвокату должен быть предоставлен во всех случаях, когда подозреваемый или обвиняемый лишён свободы на любой стадии уголовного процесса. В исключительных обстоятельствах и только на досудебном этапе государства-члены могут временно отступить от этого правила, если после лишения свободы подозреваемого или обвиняемого невозможно обеспечить его право на доступ к адвокату без неоправданной задержки из-за географической удалённости. В течение этого времени компетентные органы не должны задавать такому лицу вопросы или проводить какие-либо следственные действия или меры по сбору доказательств. Если

подозреваемый или обвиняемый лишён свободы, то государства-члены должны предпринять необходимые шаги, чтобы такие лица могли эффективно осуществлять право на доступ к адвокату³¹. Эти положения могут включать в себя правила и условия, касающиеся юридической помощи.

Аналогичным образом государства-члены могут временно отменять право на доступ к адвокату на основании одной из следующих веских причин. *Во-первых*, если существует острая необходимость предотвратить серьёзное посягательство на жизнь, свободу или физическую неприкосновенность человека. *Во-вторых*, если необходимо, чтобы следственные органы действовали немедленно во избежание ущерба для уголовного процесса, например уничтожения или изменения существенных доказательств. На период временного отступления по этим основаниям компетентные органы могут допрашивать подозреваемых или обвиняемых без адвоката при условии, что последние были проинформированы о праве хранить молчание. Допрос может проводиться исключительно с целью получения необходимой информации для предотвращения серьёзных посягательств на жизнь, свободу или физическую неприкосновенность лица либо во избежание серьёзного ущерба для уголовного процесса.

Личные встречи, переписка, телефонные разговоры и любые другие формы общения с адвокатом, разрешённые национальным законодательством, должны осуществляться с соблюдением требований конфиденциальности. Эти требования не противоречат специальным процедурам, предусмотренным в случаях, когда существуют объективные и конкретные признаки, в соответствии с которыми защитника подозревают в участии вместе с подозреваемым или обвиняемым в совершении уголовного преступления. Требования конфиденциальности не препятствуют созданию в центрах содержания под стражей механизмов для предотвращения отправки

³¹ Например, предоставить помощь адвоката из списка доступных адвокатов, из которых подозреваемый или обвиняемый может выбрать.

задержанным лицам запрещённых предметов (контроль за перепиской), поскольку эти механизмы не позволяют компетентным органам читать сообщения, которыми обмениваются подозреваемые или обвиняемые лица и их адвокаты. Требования конфиденциальности не могут быть нарушены, если национальные компетентные органы, включая разведывательные службы, осуществляют законные операции по наблюдению, в том числе в интересах обеспечения национальной безопасности.

Если лицо отказывается от помощи адвоката, то ему должны быть разъяснены последствия такого отказа. При сообщении соответствующей информации следует учитывать конкретные обстоятельства подозреваемых или обвиняемых, а именно: их возраст, психическое и физическое состояние. Такой отказ должен быть добровольным и недвусмысленным, он подлежит регистрации вместе с обстоятельствами, при которых сделан. Отказ может быть отозван на любой стадии уголовного процесса.

Важные положения Директивы 2013/48/ЕС посвящены праву информировать третье лицо о лишении свободы и праву на общение с ним. Подозреваемый или обвиняемый, лишённый свободы, имеет право информировать без неоправданной задержки, по крайней мере, одно назначенное им лицо, например члена семьи или работодателя. Государства-члены могут ограничить или отложить осуществление этого права в свете императивных требований или пропорциональных оперативных потребностей. Эти требования могут включать в себя необходимость предотвратить серьёзные посягательства на жизнь, свободу или физическую неприкосновенность человека, помешать воспрепятствованию уголовного процесса, предотвратить уголовное преступление. Если подозреваемым или обвиняемым является ребёнок (лицо в возрасте до 18 лет), то лицо, имеющее родительские права в отношении ребенка, необходимо в кратчайшие сроки проинформировать о лишении свободы и его причинах. Если государства-члены временно в силу вышеуказанных императивных требований

отстают от применения права ребёнка информировать третье лицо о лишении свободы, то они должны гарантировать, что компетентный орган по защите детей будет в кратчайшие сроки проинформирован о лишении ребёнка свободы. Подозреваемый или обвиняемый, который лишён свободы, имеет право общаться, по крайней мере, с одним третьим лицом, которого он назначает. Это может быть член семьи, работодатель или другое близкое лицо.

Согласно тексту Директивы 2013/48/ЕС, государства-члены должны обеспечить, чтобы подозреваемый или обвиняемый, который лишён свободы и не является гражданином этих государств, имел право без неоправданной задержки информировать о лишении свободы и общаться с консульским учреждением государства, гражданином которого он является. Если подозреваемый или обвиняемый имеет более одного гражданства, то он может выбрать, какое консульское учреждение информировать. Подозреваемого или обвиняемого могут посетить сотрудники консульского учреждения. Он имеет право на беседу и переписку с ними, а также на организацию его законного представительства. Консульская защита может осуществляться дипломатическими представителями, если они действуют как консульские учреждения.

Таким образом, Директива 2013/48/ЕС детализирует порядок реализации фундаментального права на оказание помощи адвоката. Отдельно закрепляется право на общение с родственниками, работодателями и консульскими учреждениями. Соответствующие правила Директивы 2013/48/ЕС в полной мере способствуют созданию дополнительных гарантий при обеспечении прав лиц, в отношении которых в государствах-членах ЕС ведётся уголовное преследование.

Анализ практики ЕСПЧ

Положения рассмотренных директив содержат общее правило о необходимости учитывать правоприменительную практику, особенно при этом подчёркивается роль ЕСПЧ. Акцент на роли этого суда

легко объяснить. Правозащитная тематика в ЕС развивается относительно недавно: Хартия как главный правозащитный документ Европейского союза принята лишь в 2000 году. Вклад Совета Европы в обеспечение прав человека общепризнан. ЕСПЧ за десятилетия своего существования выработал обширную судебную практику. По ст. 6 Конвенции сложилась значительная судебная практика, поскольку право на справедливое судебное разбирательство, которое гарантирует эта статья, занимает важное место среди общепризнанных прав [Гаджиев 2022].

В критических ситуациях важно не только знать свои права, но и иметь возможность ими воспользоваться. Для российских граждан сложности могут возникнуть в связи с непониманием иностранного языка и отсутствием доступа к адвокату. При этом зачастую главным препятствием могут стать финансовые затруднения, связанные с оплатой соответствующих услуг переводчика и адвоката, а не административные барьеры. В случае перевода принципиальное значение имеет его качество. Рассмотренные директивы содержат некоторые правила на этот счёт. Стоит также обратиться к правоприменительной практике, чтобы лучше разобраться в тонкостях реализации этих прав с позиций возмездности и качества предлагаемых услуг.

Согласно ч. 3 п. «с» ст. 6 ЕКПЧ, каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет право «защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия»³². Таким образом, по смыслу этой статьи, предоставление

юридической помощи зависит от критерия наличия/достаточности финансовых средств заявителя и критерия соответствия интересам правосудия. ЕСПЧ не определяет «средства для оплаты услуг защитника».

В каждом случае необходимо учитывать обстоятельства дела: статус заявителя (например, находился ли он в заключении); предоставленная заявителем информация о счетах; любые элементы, противоречащие утверждению заявителя³³. Это делается для определения целесообразности предоставления бесплатной юридической помощи обвиняемому или подозреваемому. При этом последний сам должен доказать недостаточность своих средств³⁴. Если заявитель в ходе разбирательства в первой инстанции прибегал к бесплатной помощи адвоката и заявил о недостаточности средств, то отказ предоставить ему бесплатную адвокатскую помощь в ходе апелляции будет нарушением п. 1 и п. 3 ст. 6 ЕКПЧ³⁵.

Страсбургский суд подтвердил, что бесплатная юридическая помощь требуется в уголовных делах для заявителей, которые не могут себе её позволить, если обвинение серьёзное и/или обвиняемый имеет языковые проблемы или проблемы понимания³⁶. При оценке критерия «соответствие интересам правосудия» необходимо, чтобы был представлен хотя бы один из трёх следующих элементов: серьёзность правонарушения и суровость понесённого наказания; сложность процедуры; социальное и личное положение подсудимого³⁷. Если подозреваемый или обвиняемый относится к уязвимым лицам (несовершеннолетний, беженец, лицо с проблемами психического здоровья), то предоставление такому лицу бесплатной юридической помощи отвечает интересам правосудия³⁸.

³² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04.11.1950) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

³³ CourEDH. *Pakelli c. Allemagne*. № 8398/78. 25.04.1983. Par. 34.

³⁴ CourEDH. *Croissant c. Allemagne*. № 13611/88. 25.09.1992. Par.37.

³⁵ CourEDH. *Tsonyo Tsonov c. Bulgarie* (n° 2). № 2376/03. 14.01.2010. Par. 39.

³⁶ CourEDH. *Twalib c. Grèce*. 42/1997/826/1032. 09.06.1998. Par. 53.

³⁷ CourEDH. *Quaranta c. Suisse*. № 12744/87. 24.05.1991. Par. 33–35.

³⁸ CourEDH. *Quaranta c. Suisse*. № 12744/87. 24.05.1991. Par. 35.

Предоставление юридической помощи может понадобиться даже хорошо образованным людям, если они не способны эффективно защитить себя без адвоката³⁹. Помощь последнего обязательна во всех случаях, когда лицо может быть лишено свободы. Согласно ЕСПЧ, право на помощь адвоката возникает даже тогда, когда вынесение приговора о лишении свободы лишь презюмируется⁴⁰. В процессе толкования ст. 6 ЕКПЧ ЕСПЧ подтвердил, что в уголовном процессе право на доступ к адвокату действует на протяжении всего разбирательства, начиная от допроса в полиции и до окончания процедуры обжалования⁴¹. ЕСПЧ также неоднократно подтверждал, что право на доступ к адвокату возникает с момента первого допроса подозреваемого полицией [Veernaert 2022]. Его осуществление может быть ограничено только при наличии достаточных оснований. Оценка причин ограничения права на доступ к адвокату производится строго по обстоятельствам дела. В частности, европейский судья оценивает, нанесло ли это нарушение права на доступ к адвокату ущерб общему праву на справедливое судебное разбирательство [Deharo 2016].

Согласно ч. 3 п. «а» ст. 6 ЕКПЧ, каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления «имеет право быть незамедлительно и подробно уведомлённым на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения», а согласно ч. 3 п. «е» той же статьи – «право пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке»⁴². В части возмездности услуг переводчика в практике ЕСПЧ подтверждено право на бесплатные услуги, причём

даже в случае вынесения обвинительного приговора. По мнению этого суда, выражение «бесплатная помощь» имеет абсолютный характер и не зависит от каких-либо условий, не подлежит временному приостановлению или отмене⁴³.

Что касается качества услуг, необходимо прежде всего отметить, что в прецедентной практике Европейского суда по правам человека в части толкования ч. 3 п. «е» ст. 6 ЕКПЧ сложился следующий подход: право на письменный перевод уступает праву на устный перевод [Callewaert 1991]. Ещё в 1989 г. ЕСПЧ признал, что ч. 3 п. «е» ст. 6 ЕКПЧ не требует письменного перевода любого документального свидетельства или официального документа в деле, уточнив, что обязанности национальных компетентных органов не ограничиваются назначением переводчика – они обязаны контролировать качество предоставленного устного перевода⁴⁴. Такой подход подтверждён более поздними постановлениями ЕСПЧ. В 2006 г. Суд заключил, что устного перевода достаточно, если он позволяет ответчику достаточно хорошо знать дело, чтобы организовать свою защиту⁴⁵.

Несмотря на наличие соответствующих гарантий ЕКПЧ и ЕСПЧ, с принятием Директивы 2010/64/ЕС созданы дополнительные гарантии процессуальных прав подозреваемых и обвиняемых в части письменного перевода, которому в этом правовом акте посвящён ряд правил. Кроме того, позитивное значение Директивы 2010/64/ЕС заключается в нормативном закреплении требования к качеству перевода.

В западной юридической доктрине констатируется рост количества постановлений Суда ЕС, связанных с процессуальными

³⁹ CourEDH. *Zdravko Stanev c. Bulgarie*. № 32238/04. 06.11.2012. Par. 40.

⁴⁰ CourEDH. *Quaranta c. Suisse*. № 12744/87. 24.05.1991. Par. 33.

⁴¹ CourEDH. *Salduz c. Turquie*. № 36391/02. 27.11.2008. Par. 52.

⁴² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04.11.1950) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

⁴³ CourEDH. *Luedicke, Belkacem et Koç c. Allemagne*. № 6210/73; 6877/75; 7132/75. 28.11.1978. Par. 40.

⁴⁴ CourEDH. *Kamasinski c. Autriche*. № 9783/82. 19.12.1989. Par. 74.

⁴⁵ CourEDH. *Hermi c. Italie*. № 18114/02. 18.10.2006. Par. 70.

ми директивами, которые приняты на основе «дорожной карты». Справедливо отмечается, что с самого начала принятие процессуальных директив представляло для ЕС своего рода вызов, так как предстояло деликатно кодифицировать такой обширный предмет, как процессуальные права, которые вытекают из прецедентного права ЕСПЧ, сформированного на основании ст. 6 ЕКПЧ. При разработке процессуальных директив Европейский союз должен был избежать двух ловушек – быть слишком конкретным и замораживать прецедентное право или быть слишком общим и оставлять лакуны в регулировании.

Анализ последних постановлений Суда ЕС, который интерпретирует эти директивы, говорит о сближении практики Суда ЕС с прецедентной практикой ЕСПЧ, что облегчает работу национальных судов. При этом сама Конвенция служит для судей ЕС важным ориентиром [Callewaert 2023]. Такое утверждение на примере применения процессуальных директив ЕС подчёркивает вывод, что ЕКПЧ «представляет собой международно-правовую форму закрепления общих публичных интересов государств в правозащитной сфере» [Касьянов 2013; Ковлер 2019].

* * *

Среди международных инструментов, при помощи которых российский гражданин может попытаться гарантировать свои процессуальные права при уголовном преследовании в ЕС, ЕКПЧ занимает центральное место по ряду причин. *Во-первых*, Россия имеет многолетний опыт участия в Совете Европы и хорошие компетенции в части применения ЕКПЧ. *Во-вторых*, все государства–члены Европейского союза связаны положениями Конвенции, а институты ЕС при разработке собственного законодательства опирались на неё и связанную с ней правоприменительную практику. Институты Союза, подготовившие директивы в области уголовного процесса,

преследовали четыре цели: 1) кодифицировать на уровне ЕС накопившийся опыт правоприменения ЕКПЧ; 2) закрепить новые правила за счёт конкретизации и дальнейшего развития правил универсальных или региональных документов; 3) обеспечить лучшее применение правил за счёт действия принципов верховенства и прямого действия норм права ЕС; 4) учесть действующие в Европейском союзе оригинальные механизмы, связанные, например, с европейским ордером на арест, что представляет значительный шаг вперёд во внутриевропейском сотрудничестве по уголовным делам [Mancano 2021].

Обращение к Конвенции является отправной точкой, позволяющей при первом приближении быстро оценить свои права и возможности. В государствах–членах ЕС российский гражданин вправе ссылаться на положения европейских директив для защиты прав. Это позволит ему получить доступ к своду более детализированных правил, которыми пользуются граждане Европейского союза. Для облегчения практической реализации прав важно знать о существовании специального информационного документа в виде Декларации прав, доступ к которой должен иметь любой подозреваемый или обвиняемый в совершении уголовного преступления. Декларация прав должна быть передана лицу незамедлительно, то есть до первого официального допроса подозреваемого или обвиняемого полицией или другим компетентным органом.

Для лучшего понимания содержания этого документа, а также других основных документов⁴⁶ закреплено право на письменный перевод. Услуги устного перевода более распространены, но подозреваемый или обвиняемый либо адвокат вправе требовать представить мотивированную просьбу о необходимости письменного перевода. Бесплатные услуги переводчика носят абсолютный характер, а их ненадлежащее качество можно обжаловать. К услу-

⁴⁶ Любое решение о заключении под стражу, любое обвинение или обвинительный акт и любое судебное решение.

гам адвоката можно прибегнуть с момента задержания, а их безвозмездный характер зависит от конкретных обстоятельств дела, причём недостаточность собственных средств надо доказывать. Факт предоставления бесплатной помощи переводчика в связи с непониманием языка может стать основанием для предоставления услуг адвоката также на безвозмездной основе.

Директивы, вытекающие из «дорожной карты», не позволяют обеспечить права заключённых. В этом отношении именно механизм ЕКПЧ ограничивает действия государств, обязывая их предоставлять средства правовой защиты, способные предотвратить или исправить нарушение прав заключённых [Sánchez, Rodríguez 2021; Kamber 2020].

Список литературы

- Войников В.В., Этин М.Л. К 20-летию пространства свободы, безопасности и правосудия ЕС // Современная Европа. 2019. № 4 (90). С. 5–16.
- Гаджиев Х.И. Право на справедливое судебное разбирательство // Российская юстиция. 2022. № 5. С. 75–80.
- Касьянов Р.А. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод и европейский публичный порядок // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 12. С. 65–70.
- Ковлер А.И. «Европейский правовой порядок» и Россия: проблемы определения юридического значения европейских правозащитных стандартов, вырабатываемых в практике ЕСПЧ // Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения: Монография / Под ред. В. В. Лазарева. М.: Норма, 2019. С. 44–71.
- Albrecht P.-A., Braum S. Deficiencies in the Development of European Criminal Law // European Law Journal. 1999. Vol. 5. No. 3. P. 293–310. <https://doi.org/10.1111/1468-0386.00084>
- Bernaert M. Salduz n'a (toujours) pas dit son dernier mot : quelques nouveaux enseignements de la Cour européenne quant au droit à l'assistance d'un avocat lors de l'enquête pénale : (obs. sous Cour eur. dr. h., arrêt Tonkov c. Belgique, 8 mars 2022, et arrêts Dubois c. France et Wang c. France, 28 avril 2022) // Revue trimestrielle des droits de l'Homme. 2022. No. 132. P. 977–986. <https://doi.org/10.3917/rtdh.132.0977>
- Callewaert J. Procès équitable et égalité entre les accusés, note sous CEDH 19.12.1989 (Kamasinski c. Autriche) // Revue trimestrielle des droits de l'homme. 1991. Vol. 2. No. 6. P. 230–240.
- Callewaert J. The Recent Luxembourg Case-Law on Procedural Rights in Criminal Proceedings: Towards Greater Convergence with Strasbourg? // EU Law Live. 2023. P. 1–8.
- Cape E., Hodgson J. The Right to Access to a Lawyer at Police Stations: Making the European Union Directive Work in Practice // New Journal of European Criminal Law. 2014. Vol. 5. No. 4. P. 450–479. <https://doi.org/10.1177/203228441400500404>
- Daly Y., Conway V. Selecting a lawyer: the practical arrangement of police station legal assistance // J Law Soc. 2021. Vol. 48. No. 4. P. 618–644. <https://doi.org/10.1111/jols.12317>
- Daly Y.M. The right to silence: Inferences and interference // Australian & New Zealand Journal of Criminology. 2014. Vol. 47. No. 1. P. 59–80. <https://doi.org/10.1177/0004865813497732>
- Dehara G. [Jurisprudence] Restriction du droit d'accès à un avocat // La lettre juridique. 2016. Édition n°67029. URL : <https://www.lexbase.fr/article-juridique/34599451-jurisprudence-restriction-du-droit-d-acces-a-un-avocat> (дата обращения: 20.02.2024).
- Fichera M. Criminal Law beyond the State: The European Model // European Law Journal. 2013. Vol. 19. No. 2. P. 174–200. <https://doi.org/10.1111/eulj.12020>
- Jimeno-Bulnes M. European Judicial Cooperation in Criminal Matters // European Law Journal. 2003. Vol. 9. No. 5. P. 614–630. <https://doi.org/10.1046/j.1468-0386.2003.00195.x>
- Kamber K. Remedies for breaches of prisoners' rights in the European Prison Rules // New Journal of European Criminal Law. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 467–488. <https://doi.org/10.1177/2032284420963891>
- Mancano L. A theory of justice? Securing the normative foundations of EU criminal law through an integrated approach to independence // European Law Journal. 2021. Vol. 27. No. 4–6. P. 477–501. doi:10.1111/eulj.12442
- de Matteis L. The EPP0's legislative framework: Navigating through EU law, national law and soft law // New Journal of European Criminal Law. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 6–17. <https://doi.org/10.1177/20322844231158317>
- Öberg J. Guest editorial: EU agencies in transnational criminal enforcement: From a coordinated approach to an integrated EU criminal justice // Maastricht Journal of European and Comparative Law. 2021. Vol. 18. No. 2. P. 155–163. <https://doi.org/10.1177/1023263X211005977>

- Öberg J., Mitsilegas V., Caunes K. European integration in context: Questioning the normative foundations of European criminal law // *European Law Journal*. 2021. Vol. 27. No. 4–6. P. 350–355. <https://doi.org/10.1111/eulj.12453>
- Pivaty A., Beazley A., Daly Y. M., de Vocht D., ter Vrugt P. Strengthening the protection of the right to remain silent at the investigative stage: What role for the EU legislator? // *New Journal of European Criminal Law*. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 427–448. <https://doi.org/10.1177/2032284421102831983>
- Rubi-Cavagna É. Le droit pénal de l'Union européenne : un droit pénal commun porteur de valeurs ? // *Revue de science criminelle et de droit pénal comparé*. 2018. No. 3. P. 663–674. <https://doi.org/10.3917/rsc.1803.0663>
- Sánchez C.R., Rodríguez E.P. The Modest ECtHR Supervision of Spain's Prison System // *The Howard Journal of Crime and Justice*. 2021. Vol. 60. No. 4. P. 564–579. <https://doi.org/10.1111/hoj.12431>
- Soo A. How are the member states progressing on transposition of Directive 2013/48/EU on the right of access to a lawyer?: An inquiry conducted among the member states with the special focus on how Article 12 is transposed // *New Journal of European Criminal Law*. 2017. Vol. 8. No. 1. P. 64–76. <https://doi.org/10.1177/2032284417699294>
- Weis K. Ecba Autumn Conference 2009 – The Future of Citizen's Rights in Criminal Proceedings in the European Union: Stockholm, Sweden – 2 & 3 October 2009 // *New Journal of European Criminal Law*. 2010. Vol. 1. No. 1. P. 119–124. <https://doi.org/10.1177/203228441000100109>

LAW AS A TOOL TO COUNTER POLITICAL COERCION

WHAT SHALL RUSSIAN CITIZENS KNOW ABOUT THEIR RIGHTS IN CASE OF CRIMINAL PROSECUTION IN THE EU?

RUSTAM KASYANOV
EKATERINA TORKUNOVA
MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The EU restrictive measures, causing damage to the Russian economy, have suspended political interaction. Economic entities receive state aid and have already tailored to the new conditions. Russian citizens and fellow citizens, who stay in the EU countries and may not always reckon upon the urgent assistance of the Russian Federation owing to this reason, are the most vulnerable in this situation. The report “On Violations of the Rights of Russian Citizens and Fellow Citizens in Foreign Countries”, submitted by the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation in the middle of 2022, indicates the “overwhelming discrimination of Russians”, which “was shocking by its absurdity” – that is where the rights of Russians are violated by the “collective West” on a large scale. The report provides information on the numerous recorded facts of the violations in most Member States of the European Union. Russian citizens, against whom criminal prosecution has been initiated, are especially in a precarious position. The article was designed to include information and analysis data, through which Russian citizens as well as fellow citizens could have obtained better protection of their rights in the EU countries. For this reason, the analysis of the relevant provisions of the EU law and the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms was conducted. Furthermore, the attainability of the right to interpretation and translation, the right to information on rights and information about the charges, the

right to legal advice and legal aid, so as the right to communicate with relatives, employers and consular authorities in criminal proceedings was scrutinized. The European Court of Human Rights case-law was examined to denote major rules governing compensatory nature and quality of legal counsel and translation services. Certain recommendations, which Russian citizens may find helpful in terms of protection of their rights when facing criminal prosecution in the EU Member States, were laid down in conclusion of the present Article, which is especially relevant in terms of the unprecedented political pressure the West puts on Russia.

Keywords:

Russian citizen; criminal procedure; interpretation and translation legal advice; Council of Europe law; the European Court of Human Rights case-law; European Union law

References

- Albrecht P.-A., Braum S. (1999). Deficiencies in the Development of European Criminal Law. *European Law Journal*. Vol. 5. No. 3. P. 293–310. <https://doi.org/10.1111/1468-0386.00084>
- Beernaert M. (2022). Salduz n'a (toujours) pas dit son dernier mot : quelques nouveaux enseignements de la Cour européenne quant au droit à l'assistance d'un avocat lors de l'enquête pénale : (obs. sous Cour eur. dr. h., arrêt Tonkov c. Belgique, 8 mars 2022, et arrêts Dubois c. France et Wang c. France, 28 avril 2022). *Revue trimestrielle des droits de l'Homme*. No. 132. P. 977–986. <https://doi.org/10.3917/rtdh.132.0977>
- Callegaert J. (1991). Procès équitable et égalité entre les accusés, note sous CEDH 19-12-1989 (Kamasinski c. Autriche). *Revue trimestrielle des droits de l'homme*. Vol. 2. No. 6. P. 230–240.
- Callegaert J. (2023). The Recent Luxembourg Case-Law on Procedural Rights in Criminal Proceedings: Towards Greater Convergence with Strasbourg? *EU Law Live*. P. 1–8.
- Cape E., Hodgson J. (2014). The Right to Access to a Lawyer at Police Stations: Making the European Union Directive Work in Practice. *New Journal of European Criminal Law*. Vol. 5. No. 4. P. 450–479. <https://doi.org/10.1177/203228441400500404>
- Daly Y., Conway V. (2021). Selecting a lawyer: the practical arrangement of police station legal assistance. *J Law Soc*. Vol. 48. No. 4. P. 618–644. <https://doi.org/10.1111/jols.12317>
- Daly Y.M. (2014). The right to silence: Inferences and interference. *Australian & New Zealand Journal of Criminology*. Vol. 47. No. 1. P. 59–80. <https://doi.org/10.1177/0004865813497732>
- Deharo G. (2016). [Jurisprudence] Restriction du droit d'accès à un avocat. *La lettre juridique*. Édition n°67029. URL : <https://www.lexbase.fr/article-juridique/34599451-jurisprudence-restriction-du-droit-d-acces-a-un-avocat> (data обращения: 20.02.2024).
- Fichera M. (2013). Criminal Law beyond the State: The European Model. *European Law Journal*. Vol. 19. No. 2. P. 174–200. <https://doi.org/10.1111/eulj.12020>
- Gadzhiev H.I. (2022). Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo [Right to a fair trial]. *Rossiyskaya yustitsiya*. No. 5. P. 75–80.
- Jimeno-Bulnes M. (2003). European Judicial Cooperation in Criminal Matters. *European Law Journal*. Vol. 9. No. 5. P. 614–630. <https://doi.org/10.1046/j.1468-0386.2003.00195.x>
- Kamber K. (2020). Remedies for breaches of prisoners' rights in the European Prison Rules. *New Journal of European Criminal Law*. Vol. 11. No. 4. P. 467–488. <https://doi.org/10.1177/2032284420963891>
- Kasyanov R.A. (2013). Evropeyskaya Konventsiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod i evropeyskiy publichnyy poryadok [The Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and European Public Order]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. No. 12. P. 65–70.
- Kovler A.I. (2019). «Evropeyskiy pravovoy poryadok» i Rossiya: problemy opredeleniya yuridicheskogo znacheniya evropeyskikh pravozashchitnykh standartov, vyrabatyvaemykh v praktike ESPCH [«European Legal Order» and Russia: problems of determining the legal meaning of European human rights standards developed in the practice of the ECHR]. In: V. V. Lazarev (ed.) *Implementation of the Judgments of the European Court of Human Rights in the Russian Legal System: concepts, legal approaches and practice*. Moscow: Norma. P. 44–71.
- Mancano L. (2021). A theory of justice? Securing the normative foundations of EU criminal law through an integrated approach to independence. *European Law Journal*. Vol. 27. No. 4–6. P. 477–501. DOI: 10.1111/eulj.12442
- de Matteis L. (2023). The EPPD's legislative framework: Navigating through EU law, national law and soft law. *New Journal of European Criminal Law*. Vol. 14. No. 1. P. 6–17. <https://doi.org/10.1177/20322844231158317>

- Öberg J. (2021). Guest editorial: EU agencies in transnational criminal enforcement: From a coordinated approach to an integrated EU criminal justice. *Maastricht Journal of European and Comparative Law*. Vol. 28. No. 2. P. 155–163. <https://doi.org/10.1177/1023263X211005977>
- Öberg J., Mitsilegas V., Caunes K. (2021). European integration in context: Questioning the normative foundations of European criminal law. *European Law Journal*. Vol. 27. No. 4–6. P. 350–355. <https://doi.org/10.1111/eulj.12453>
- Pivaty A., Beazley A., Daly Y.M., de Vocht D., ter Vrugt P. (2021). Strengthening the protection of the right to remain silent at the investigative stage: What role for the EU legislator? *New Journal of European Criminal Law*. Vol. 12. No. 3. P. 427–448. <https://doi.org/10.1177/2032284421102831983>
- Rubi-Cavagna É. (2018). Le droit pénal de l'Union européenne : un droit pénal commun porteur de valeurs ? *Revue de science criminelle et de droit pénal comparé*. No. 3. P. 663–674. <https://doi.org/10.3917/rsc.1803.0663>
- Sánchez C. R., Rodríguez E. P. (2021). The Modest ECtHR Supervision of Spain's Prison System. *The Howard Journal of Crime and Justice*. Vol. 60. No. 4. P. 564–579. <https://doi.org/10.1111/hoj.12431>
- Soo A. (2017). How are the member states progressing on transposition of Directive 2013/48/EU on the right of access to a lawyer?: An inquiry conducted among the member states with the special focus on how Article 12 is transposed. *New Journal of European Criminal Law*. Vol. 8. No. 1. P. 64–76. <https://doi.org/10.1177/2032284417699294>
- Voynikov V.V., Entin M.L. (2019). K 20-letiyu prostranstva svobody, bezopasnosti i pravosudiya ES. [To the 20th anniversary of the EU space of freedom, security and justice]. *Sovremennaya Evropa*. No. 4 (90). P. 5–16.
- Weis K. (2010). Ecba Autumn Conference 2009 – The Future of Citizen's Rights in Criminal Proceedings in the European Union: Stockholm, Sweden – 2 & 3 October 2009. *New Journal of European Criminal Law*. Vol. 1. No. 1. P. 119–124. <https://doi.org/10.1177/203228441000100109>

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

ПОВЕДЕНИЕ СРЕДНИХ ДЕРЖАВ В МНОГОСТОРОННИХ ИНСТИТУТАХ

ОПЫТ ПОЛИТИКИ ИТАЛИИ В ООН

ЕЛЕНА МАСЛОВА

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Институт Европы РАН, Москва, Россия

ГЛЕБ ИВАНОВ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Статья посвящена анализу поведения средних держав в многосторонних институтах на примере политики Италии в ООН. С помощью поведенческого подхода авторы подчёркивают ключевое значение многосторонних институтов для подобного типа государств. Политика государств среднего уровня в многосторонних институтах имеет отличительные характеристики, одной из которых является когнитивное искажение, состоящее в склонности к переоценке собственного влияния в многосторонних институтах, а также в преобладании видимой активности над реальными результатами. В научной литературе этот феномен, выражающийся в преобладании видимой активности над реальными результатами, называют «самообманом». Существуют исследования, отражающие вывод, что политика Италии во времена Первой Республики (до середины 1990-х годов) являлась «политикой самообмана» для итальянского правительства; авторы настоящей статьи отталкиваются от этой идеи и ставят перед собой исследовательскую задачу по оценке современной политики Италии на площадке ООН (1991–2023), для которой мультилатерализм и опора на многосторонние институты продолжают оставаться одним из столпов внешней политики страны и её приоритетом. При этом авторы не подвергают сомнению статус Италии как средней державы. Используется компаративный графический анализ среднего совместного голосования «против» при голосовании «против» одной из европейских стран в ГА ООН (Италия, Германия, Испания, Франция). Анализ позиции Италии в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН показывает, что активное участие Рима в работе этих органов не выделяет страну из ряда других ведущих европейских государств, а продвижение инициатив по приоритетным темам зачастую не приводит к практическим результатам. Таким образом, подвергается сомнению тезис о способности Итальянской Республики укрепить свой статус при помощи ООН, как об этом заявляет итальянское руководство. Политика Италии в ООН отражает не только национальную специфику, но и общие тенденции поведения государств среднего уровня в многосторонних институтах, связанные с искажённой оценкой своего влияния в международных организациях.

Ключевые слова:

средние державы; многосторонние институты; Италия; внешняя политика Италии; ООН; мультилатерализм

Авторы благодарят двух анонимных рецензентов и редакторов журнала за ценные замечания, которые помогли улучшить статью.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.08.2023

Дата принятия к публикации: 13.05.2024

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: e.maslova@inno.mgimo.ru

Многосторонние институты рассматриваются средними державами как платформа для защиты собственных интересов, обеспечения безопасности и ограничения влияния великих держав. Примечательно, что характеристики, на основании которых исследователи обычно выделяет категорию «держав среднего уровня», имеют положительную коннотацию (коалиционная активность, стремление к консенсусу). Во многом это связано с тем, что политика этих государств направлена на реализацию национального интереса в условиях ограниченного влияния и ресурсов, в связи с чем многосторонним форматам взаимодействия уделяется особенное внимание. Подобные обстоятельства содержат в себе потенциальные риски, ключевым из которых может стать искажённая оценка собственных достижений в рамках многосторонних институтов. Современные исследователи обратили внимание на эту особенность при анализе поведения средних держав сравнительно недавно. Например, в своей работе 2018 г. Харалампий Эфстатопулос на примере Бразилии и ЮАР доказывает, что у некоторых держав, считающихся средними, наблюдается несоответствие между декларируемыми целями, статусом и реальным влиянием [Efsthathopoulos 2018: 12–14, 19, 26].

Схожим образом на несоответствие реальных результатов и усилий этих держав обращает внимание канадский исследователь Брюс Гилли. Он указывает на «манию величия» в качестве присущего средним державам когнитивного искажения. Учёный подчёркивает, что её источником является не только недовольство этих стран собственным статусом и, соответственно, стремление его изменить, но и преувеличение собственных достижений. Как утверждает Б. Гилли, «средние державы не стремятся действительно решить какую-либо международную проблему, а, наоборот, пытаются найти проблему, к которой

можно было бы применить готовые решения». Многочисленные инициативы таких государств чаще всего не несут реальной значимости для международного сообщества и, скорее, предоставляют им лишь возможность «почувствовать себя нужными» [Gilley 2016: 657].

Изначально стремившиеся к повышению статуса через инструмент многосторонних институтов державы среднего уровня со временем стали воспринимать активное участие в них как самоцель. Этот вывод подтверждается, в частности, позицией Г. Эванса, который видит в многосторонней политике не нечто «отдельное от национальных интересов», а «третью категорию национальных интересов, помимо экономики и безопасности» [Mo 2016: 588]. Сомнения в эффективности политики в многосторонних институтах отмечались, в частности, в отношении таких стран, как Индия, Индонезия, Мексика [Hurrell 2000: 5; Emmers 2018: 46]¹. Декларируя своё «моральное превосходство» и «ответственность за мировой порядок», Австралия и Канада также оказываются среди государств, демонстрирующих диспропорцию между вниманием, которое они уделяют многосторонним институтам, и реальными результатами [Niche Diplomacy 1997: 7].

Авторы полагают, что всеобъемлющая опора на многосторонние институты как отличительная черта политики средних держав несёт в себе риски, ключевым из которых может стать искажённая оценка собственных достижений в рамках многосторонних структур. Отсутствие рефлексии и абсолютная убеждённость государств в соответствии любых многосторонних инициатив своим национальным интересам позволяет говорить о феномене самообмана, которому оказываются подвержены державы среднего уровня.

Проблема самообмана уже изучалась для описания схожих процессов в международных отношениях, но на уровне лиц, при-

¹ Hurrell A. Some Reflections on the Role of Intermediate Powers in International Institutions / Paths to Power: Foreign Policy Strategies of Intermediate State // Latin American Program, Woodrow Wilson International Center for Scholars. 2000. P. 5.

нимающих решения. Роберт Джервис первым рассмотрел влияние когнитивных искажений на внешнюю политику государств. В частности, под самообманом он подразумевает попытку субъекта убедить самого себя в правильности своего же решения [Jervis 2006: 659]. К этому термину обращается и Джон Миршаймер, приравнивая его к вере общества в сформированные им мифы об основах и принципах политики собственного государства [Mearsheimer 2011: 94]. Эти мифы представляют собой не исторические нарративы, а политические идеи или концепции, лежащие в основе идентичности государства. Исходя из вышеизложенного, авторы предлагают использовать термин «самообман» применительно к формированию непреложных принципов, к которым государство неизменно обращается, невзирая на несоответствие результатов заявленным целям своей политики.

Учитывая, что в контексте дискуссии о поведении средних держав на международной арене европейским государствам уделяется незначительное внимание, предлагается рассмотреть данную гипотезу на примере политики Итальянской Республики в ООН. Авторы исходят из допущения о том, что Италия соответствует категории державы среднего уровня в соответствии с поведенческим подходом. Утверждение о пассивном характере итальянской политики в ООН, лишаящее, по мнению некоторых исследователей, это государство статуса средней державы [The European Union at the United Nations 2006: 72], не соответствует реальности и опровергается в настоящей статье.

Яркой демонстрацией опоры этой страны на многосторонние институты, что, согласно триаде Рональда Берингера², является ключевой характеристикой державы среднего уровня, выступает фундаментальный для итальянской внешней

политики принцип мультилатерализма. Он имплицитно нашёл отражение в послевоенной Конституции Итальянской Республики (статья 11): «Италия отвергает войну как инструмент посягательства на свободу других народов и как способ разрешения международных споров; она допускает, на условиях взаимности с другими государствами, ограничение суверенитета, необходимое для установления мира и справедливости между народами; поддерживает и поощряет деятельность международных организаций, стремящихся к этим целям»³. Мультилатерализм выступает, таким образом, для Италии методом разрешения кризисных ситуаций и конфликтов.

Одним из столпов итальянского многостороннего сотрудничества, наряду с ЕС и НАТО, является ООН. Итальянская Республика подчёркивает важность этой организации как площадки, вокруг которой строится современный мировой порядок. В то же время Рим воспринимает ООН не только как инструмент глобального управления, но и реализации собственных национальных интересов. Несмотря на разногласия по конкретным аспектам итальянской внешней политики, политические лидеры страны выражают глубокую приверженность принципу мультилатерализма, основанного на незаменимой роли ООН, и считают его основополагающим со времён окончания Второй мировой войны. В итальянском политическом дискурсе мультилатерализм как отдельное понятие впервые был упомянут в 1988 г. во время выступления в Генеральной Ассамблее ООН Джулио Андреотти, занимавшего тогда пост министра иностранных дел; до этого Альчиде Де Гаспери, Аминторе Фанфани, Альдо Моро и другие премьеры выделяли особую роль ООН как инструмента установления и поддержания

² О триаде Р. Берингера см. далее (раздел «Подходы к исследованию средних держав в международных отношениях»).

³ Senato della Repubblica. URL: https://www.senato.it/sites/default/files/media-documents/Costituzione_RUSSO.pdf. Статья 11 Конституции Итальянской Республики 1948 г. не исправлялась и/или не дополнялась с момента основания Республики.

мира, преодоления противоречий между странами.

Столь явная опора на многостороннюю политику делает Италию показательным примером средней державы для анализа когнитивных искажений, присущих этой категории государств во внешней политике. Достаточно взглянуть на историю страны после 1945 года, чтобы убедиться в наличии дисбаланса между усилиями и результатами итальянской политики в многосторонних институтах – отправной точки для анализа самообмана.

После окончания Второй мировой войны Рим стремился активно включиться в работу международных институтов и стать членом различных международных организаций. Между тем зачастую это присутствие не приносило ощутимых или желаемых результатов [Romero 2016: 7–8]. В этой связи в итальянском экспертном сообществе широко распространилась идея, что политика страны в международных организациях не всегда «реальна» [Silvestri 1997: 75]. Одним из первых это наблюдение сделал итальянский посол Пьетро Куарони (1898–1971) [Baldi 2014], назвав членство Италии в международных организациях «политикой нагретого кресла» (итал. *politica del sedere*). Итальянская Республика проводила политику присутствия, направленную на активное вовлечение итальянской дипломатии в разрешение конфликтов в качестве посредника. Известно, что благодаря усилиям по восстановлению мира и примирению сторон в ходе войны США во Вьетнаме (1964–1975) Рим рассматривался в качестве площадки для проведения мирных переговоров [Салаконе 2017: 92, 100].

Авторы полагают, что политика Италии в постбиполярный период, как и во времена Первой Республики (1946 – первая половина 1990-х), оказалась заложницей самообмана, когда активная деятельность страны на платформе ООН не приводит к результатам, которые бы пропорцио-

нально повышали престиж Рима в многосторонних институтах.

Для изучения политики Итальянской Республики в Организации Объединённых Наций применяются количественные методы исследования, представленные статистическим и графическим анализом. Графики, приведённые ниже, составлены авторами по данным Цифровой библиотеки ООН⁴. Наиболее важным с методологической точки зрения представляется компаративный графический анализ среднего совместного голосования «против» при голосовании «против» одной из европейских стран в ГА ООН (Италия, Германия, Испания, Франция). Данный метод, как предполагается, позволяет не только оценить степень консолидации при голосовании с той или иной страной, но может также использоваться для оценки уровня независимости позиции страны, способности отстаивать национальные интересы или, напротив, идти на уступки в поисках компромиссных позиций.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1991 по 2023 год. Выбор периода обусловлен в первую очередь различным характером взаимодействия между государствами во время и после «холодной войны» [Вершинина 2020: 27]. Для анализа поведения средних держав во второй половине XX века потребовался бы учёт дополнительных факторов в виде ограничений, возникающих из-за блоковой дисциплины и идеологического противостояния. В этой связи возможности держав среднего уровня проводить свою политику в многосторонних институтах до и после 1991 г. представляются неодинаковыми. Кроме того, изменившийся внешнеполитический контекст значительно отразился и на повестке главных органов ООН, о чём среди прочего свидетельствует доклад Генерального секретаря ООН Бутроса Бутроса-Гали 1992 г. «Повестка дня для мира» [Boutros-Ghali 1992]. Это ограничение делает проблематичным учёт резолюций, которые

⁴ United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/?ln=en> (дата обращения: 01.05.2022).

не вписываются в указанные хронологические рамки, а также их сопоставление с документами, составленными в пост-биполярный период.

Статья организована следующим образом. Сначала раскрываются подходы к пониманию категории «средней державы», которой соответствует Италия. Особое внимание уделяется характеристикам, которые являются отличительными для этой группы государств, и, в частности, месту многосторонних институтов в их внешней политике. В силу ограниченности собственных ресурсов и опираясь на принцип мультилатерализма, Италия, как и другие средние державы, стремится укрепить свой статус через участие в многосторонних институтах, прежде всего ООН. Деятельности организации уделяется большое внимание со стороны итальянского истеблишмента, более того, в официальных документах присутствует точка зрения об уникальности итальянского вклада в работу данной организации. В отдельных разделах авторы рассматривают деятельность Италии в двух ключевых органах ООН – Генеральной Ассамблее и Совете Безопасности.

Подходы к исследованию средних держав в международных отношениях

Категория «средняя держава» широко применяется для ранжирования государств начиная со второй половины XX века. Между тем история появления этого термина берёт начало ещё во времена Возрождения и раннего Нового времени. Считается, что одним из первых, кто ввёл его в научный оборот, был итальянский мыслитель и дипломат Джованни Ботеро (1544–1617)⁵. В работе от 1589 г. «О государственном интересе» (“*Della ragion di stato*”) он выделяет три типа государств: великие, малые и средние. Если великие державы, согласно Дж. Ботеро, «обладают значительным влиянием на своих соседей», то средние – «достаточным влиянием

и силой для обеспечения собственного существования, не прибегая к помощи других стран» [Botero 1590: 1–2].

Наиболее обстоятельно иерархия государств и роль средних держав в международных отношениях начали изучаться после окончания Второй мировой войны. Рубежным этапом стала разработка Устава ООН на конференции в Сан-Франциско в 1945 году, когда представители Канады и Австралии впервые подняли вопрос о роли держав среднего уровня в будущем миропорядке. Годом ранее, выступая перед Палатой общин, премьер-министр Канады Маккензи Кинг отметил, что «деление мира на “великие державы” и всех остальных не соответствует реальности и опасно по своей сути». Что касается состава будущего Совета Безопасности ООН, он подчёркивал необходимость функционального подхода и включения в него тех стран, которые «больше всех способствуют поддержанию мира» [Glazebrook 1947: 308]. К ним глава правительства Канады относил именно державы среднего уровня [Thies, Angguntari 2018: 398]. С того момента данный концепт начинает привлекать внимание исследователей, стремящихся осмыслить новую систему международных отношений и задумывающихся как о роли статуса в сообществе государств, так и о мировой иерархии [The European Union at the United Nations 2006: 71].

Взросшая актуальность темы потребовала выработки критериев средней державы. Американский политолог Рэндалл Швеллер отмечает, что, как правило, учёные определяли такие страны с помощью доказательства «от обратного». Поскольку эта группа государств неоднородна по своему составу, намного проще выявить, чем они не являются. Методологический аппарат исследований по теме великих держав представляется более развитым, а малые государства являются интуитивно понятной категорией⁶.

⁵ Schweller R. The Concept of Middle Power // *The Korean Pivot: The Study of South Korea as a Global Power* / ed. by V. D. Cha, M. D. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2017. P. 3.

⁶ Ibid. P. 4.

К 2020-м годам были выработаны различные подходы к изучению держав среднего уровня. В частности, канадский учёный Адам Чапник выделяет функциональный, поведенческий и иерархический подходы [Chapnick 1999: 73]. В. В. Вершинина отмечает устаревший характер функциональной модели, применявшейся в 1950-х годах, отдавая предпочтение конструктивизму [Вершинина 2020: 33]. Сара Тео также рассматривает три подхода, но в зависимости от того, что выступает объектом анализа: материальные возможности государств, поведение или идентичность. С её точки зрения, их следует соотносить с тремя направлениями теории международных отношений — неореализмом, неолиберализмом и конструктивизмом соответственно [Тео 2023: 14–23]. Противоположного мнения придерживается Эндрю Карр, который добавляет к триаде А. Чапника идеациональный подход. Согласно ему, статус средней державы выступает в качестве «политического конструкта» [Саг 2014: 75–76].

Несмотря на различия в понимании категоризации этих стран, исследователи в целом схожим образом описывают магистральные направления их изучения. Иерархический подход доминировал в послевоенный период и представлен в первую очередь трудами датского исследователя Карстена Хольбраада [Holbraad 1971; 1984: 75, 79]. Для определения средних держав в иерархии государств он использовал количественные показатели, такие как уровень ВВП или численность населения страны. Именно к такой исследовательской стратегии во многом обращена критика Р. Швеллера. Он подчёркивает, что отдельные государства могут, в частности, обладать выдающимися показателями в области экономики, но при этом всё равно оставаться малыми в силу размера своей территории⁷. Подбор показателей для ранжирования стран оказывается край-

не субъективным. Учёные чаще всего используют иерархическое деление в качестве дополнительного инструмента [Aydin 2021: 1379].

Конструктивистский, идеациональный (по Карру), или, иначе, идентитарный, подход обращается к самоидентификации страны как средней державы и характеризует данный статус как социальный конструкт. Он активно применяется в тех политиях, где сам термин «средние державы» используется в публичном дискурсе, например в Канаде и Австралии [Efstathopoulos 2018: 4].

Поведенческий подход остаётся наиболее популярным и представлен в первую очередь такими исследователями, как Эндрю Купер, Роберт Кокс и Джон Холмс⁸. Здесь также стоит упомянуть бывшего премьер-министра Австралии Гарета Эванса, выступавшего за него. В коллективной монографии «Нишевая дипломатия» Э. Купер отмечает, что в силу ограниченности ресурсов характерной чертой любой средней державы является наличие определённой, достаточно узкой («нишевой») сферы деятельности, где эта страна принимает наиболее активное участие [Niche Diplomacy 1997: 6]. К данному тезису апеллировали функционалисты по классификации А. Чапника, который тем не менее лишь подчёркивал значимость многосторонних институтов для средних держав и успешность их политики в некоторых функциональных областях [Chapnick 1999: 74]. Эти пересечения позволяют говорить о единстве парадигмальной линии и отсутствии концептуальных противоречий между функционализмом, по А. Чапнику, и поведенческим подходом.

Согласно Э. Куперу, классификация держав среднего уровня должна основываться не на их субъективной самоидентификации, а на имеющихся у этой группы государств общих поведенческих особенностях, которые отличают их от других

⁷ Schweller R. The Concept of Middle Power // The Korean Pivot: The Study of South Korea as a Global Power / ed. by V. D. Cha, M. D. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2017. P. 3.

⁸ Более подробно о поведенческом подходе см.: [Тео 2023: 13–30].

субъектов. Р. Кокс, перефразируя известного драматурга Луиджи Пиранделло⁹, утверждает, что «средняя держава – это роль в поисках исполнителя» [Cox 1989: 827]. Тот факт, что та или иная держава причисляется к среднему уровню, не является абсолютным и аксиоматичным отношением. Исходя из трансформации международной среды будет меняться поведение государства и, как следствие, его статус [Efsthathopoulos 2018: 5].

В условиях доминирования поведенческого подхода в научном сообществе сформировалось общее видение тех характеристик, которые отличают политику средних держав от государств другого уровня. В зарубежной литературе для обозначения этого уникального набора характеристик, как правило, используется термин «среднедержавность» (*middlepowermanship*), придуманный Р. Коксом [Cox 1989: 825]. Другой вариант, представляющий собой квинт-эссенцию атрибутов державы среднего уровня, был предложен Дж. Холмсом. Он отмечает, что, согласно поведенческому подходу, дипломатия этих стран определяется тенденцией к поиску многосторонних решений международных проблем, а также выдвижением компромиссных позиций в спорах между государствами с опорой на концепцию «доброго гражданина» международной системы (*good international citizenship*) [Holmes 1984: 388; The European Union at the United Nations 2006: 72]. Г. Эванс понимает под ней убежденность в необходимости и эффективности «совместного с другими странами решения международных проблем»¹⁰ [Mo 2016: 588].

Исходя из этих идей, Рональд Берингер выделяет три основных постулата, на которые опираются исследователи, придерживающиеся поведенческого подхода [Behringer 2013]. Первым является убеждение в том, что в условиях ограниченных ресурсов средние державы будут стремить-

ся к эффективному лидерству в отдельной области. Этот тезис соответствует концепции «нишевой дипломатии» Э. Купера и функционалистским идеям. Вторым постулатом Р. Берингер считает тенденцию держав среднего уровня использовать «мягкую силу», тактические приёмы дипломатии и репутацию для продвижения своего внешнеполитического курса, что соответствует концепции «доброго гражданина» Дж. Холмса и Г. Эванса. Третьей ключевой характеристикой поведения этих государств, согласно Р. Берингеру, является опора на многосторонние институты.

Ряд исследователей сходится во мнении, что в центре политики средних держав чаще всего стоят международные институты и многосторонняя дипломатия. Ещё в 1969 г. Роберт Кохейн дал определение самому термину «держава среднего уровня» именно через политику в институтах: «Речь идёт о государстве, лидеры которого полагают, что оно не может эффективно действовать в одиночку, но имеет возможность оказывать системное влияние в небольшой группе государств или через международные институты» [Keohane 1969: 295]. Как подчёркивает Э. Купер, это утверждение всё ещё остаётся актуальным [Niche Diplomacy 1997: 8].

Таким образом, среди трёх исследовательских традиций именно поведенческий подход акцентирует внимание на наличии у средних держав особого отношения к многосторонней политике. Этой характеристике, как отмечалось ранее, соответствует и Италия, внешнеполитическая константа которой – опора на международные институты. Тем не менее в интерпретации представителей поведенческого подхода все атрибуты «среднедержавности» носят положительную коннотацию, что позволяет этой категории государств успешно отстаивать свои интересы. Опираясь на тезис Х. Эфстатопулоса об отли-

⁹ Луиджи Пиранделло (1867–1936) – итальянский драматург, писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1934). Автор пьесы «Шесть персонажей в поисках автора» (1921).

¹⁰ Tabling Statement by Senator Gareth Evans, Minister for Foreign Affairs and Trade, Ministerial Statement on Australia's Regional Security, The Senate, 6 December 1989.

чительных «негативных» характеристиках, авторы предлагают подробно остановиться на политике Италии в ООН и изучить, насколько она подвержена феномену самообмана.

Деятельность Италии на платформе Совета Безопасности ООН

Результаты политики Италии в ООН можно оценивать как соответствующие целям в случае, если её инициативность — уникальный феномен на фоне других государств, если увеличивается поддержка позиции Рима при голосовании вследствие её политического влияния и если принимаются ключевые предложения, способствующие продвижению национальных интересов.

По данным Цифровой библиотеки ООН, в Совете Безопасности ООН (СБ ООН) из 70 проектов резолюций, предложенных страной с 1991 года, когда она являлась непостоянным членом, были отклонены лишь три проекта, касавшиеся химического оружия на территории Сирии в 2017 г. В отношении проектов резолюций, инициатором которых выступала Италия, голосовали «против» и воздерживались лишь Россия и Китай¹¹. Практически все проекты предлагались в рамках коалиций, в состав которых наряду с Италией обязательно входили США или ведущие страны Европы — Великобритания, Франция и Германия.

Исключением стали лишь два документа 2017 года, касающиеся миссии ЕС в Боснии и Герцеговине и миротворческих миссий ООН — их Италия предложила единолично. Важно отметить, что Итальянская Республика никогда не была самым активным непостоянным членом СБ ООН за время

участия в его сессиях с 1991 года. В 1995 и 1996 годах инициатором наибольшего количества проектов выступила Германия, в 2007 г. — Словакия, в 2008-м — Бельгия, а в 2017-м — Япония. Тем не менее Италия из года в год занимала второе место единолично или делила его с другими странами.

Представляется спорным утверждение, встречающееся в официальных парламентских докладах¹², что политика Рима в СБ ООН обладает уникальными параметрами и достижениями, которые бы отличали её от других непостоянных членов Совета Безопасности. Несмотря на высокие показатели по количеству принятых проектов резолюций, практически все они были составлены с другими европейскими государствами (Германией, Францией) либо со страной, обладающей большим влиянием на мировой арене, например с США. Таким образом, невозможно достоверно подтвердить, что тот или иной проект был принят именно благодаря итальянской стороне. Показатель активности Италии, к которому апеллирует МИД страны со ссылкой на многочисленные инициативы, предложенные итальянской стороной в СБ ООН¹³, не выделяет её из ряда других развитых и европейских стран.

Одной из приоритетных тем Итальянской Республики в СБ ООН остаётся вопрос миротворческих операций. Активная заинтересованность итальянского правительства в их проведении подтверждается не только заявлениями высокопоставленных дипломатов. Факт признания другими государствами—членами СБ ООН заслуг Италии в области миротворчества наиболее ярко прослеживается на примере ливанского вопроса в 2007 году. [Маслова

¹¹ До Сирии — по вопросам Югославии в 1995–1996 годах.

¹² Partecipazione alla LXXII Assemblea generale delle Nazioni Unite (New York, 18–22 settembre 2017). Dossier, Servizio Studi. XVII Legislatura, Senato della Repubblica n. 37, Camera dei deputati n. 314 // Senato della Repubblica. URL: <https://www.senato.it/service/PDF/PDFServer/BGT/01044921.pdf> (дата обращения: 01.05.2022). 141 p.

¹³ L'Italia e L'ONU // Rappresentanza Permanente dell'Italia. ONU — New York. URL: https://italy.un.org/esteri/it/rappresentanza_onu/it/italia_e_l_onu (дата обращения: 01.05.2022); L'azione dell'Italia alle Nazioni Unite. Pace e sicurezza // Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. URL: https://www.esteri.it/it/politica-estera-e-cooperazione-allo-sviluppo/organizzazioni_internazionali/onu/italia_nazioni_unite_pace_sicurezza/ (дата обращения: 01.05.2022).

2011], в ходе которого Рим инициировал два проекта резолюций по продлению миссии ООН и созданию специального трибунала. В то же время итальянский генерал Клаудио Грациано при согласии СБ ООН был назначен Генеральным секретарем ООН на должность командующего Временными силами ООН в Ливане, которую он занимал с 2007 по 2010 год¹⁴.

Некоторые представители академического сообщества (Фабрицио Котиккья, Андреа Руджери) ставят под сомнение эффективность политики страны в области миротворчества. Они отмечают, что с окончания «холодной войны» одним из ключевых элементов итальянской оборонной политики был двухпартийный консенсус по вопросу участия в миротворческих операциях. Палата депутатов тратила минимальное время на принятие законопроектов о задействовании вооружённых сил Италии в миротворческих миссиях. В отсутствие критериев необходимости участия в миротворческих операциях и адекватной оценки их результатов страна задействовала свои силы за пределами традиционных регионов итальянского интереса, расходуя значительные средства (Афганистан представляет собой самую значимую интервенцию, когда-либо проводившуюся итальянскими войсками, в том числе с точки зрения понесённых расходов)¹⁵.

Миротворческая деятельность Рима неизменно была связана с продвижением национальных интересов и повышением престижа страны. Вместе с тем она не приводила к укреплению статуса Италии на мировой арене. Ярким примером пред-

ставляются выборы в СБ ООН. Принято считать, что активное участие в миротворческих операциях является одним из важных факторов при голосовании за постоянных членов. Италия избиралась в состав СБ ООН семь раз, в то время как Колумбия, Аргентина и Бразилия – семь, девять и десять раз соответственно. Эти три страны вносили меньший вклад не только в миротворческую деятельность, но и в целом в бюджет ООН¹⁶. Таким образом, наблюдается несоответствие между масштабом миротворческой деятельности Италии и результатами, к которым она приводит. С выводами Ф. Котиккья и А. Руджери частично согласилось и Министерство иностранных дел и международного сотрудничества Итальянской Республики. В докладе группы стратегического планирования отмечена необходимость разработки критериев участия страны в миротворческих миссиях, например *UNIFIL*¹⁷, для продвижения национальных интересов. Тем самым звучал призыв отказаться от «миротворчества ради самого миротворчества»¹⁸.

Тем не менее, если в случае с миротворчеством проблемой являлся неотрефлексированный и/или неартикулированный политический консенсус, то ключевые инициативы Италии в области миграции не привели к положительным результатам из-за внутривнутриполитических разногласий. Парадоксальная ситуация произошла с Глобальным договором о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (*Global Compact for Migration*) от 2018 года. Хотя главным инициатором разработки этого документа с 2016 г. была именно Италья-

¹⁴ General Claudio Graziano visits UNIFIL // United Nations Interim Force in Lebanon. 11.03.2014. URL: <https://unifil.unmissions.org/general-claudio-graziano-visits-unifil> (accessed: 01.05.2022); Letter dated 19 January 2007 from the President of the Security Council addressed to the Secretary-General // United Nations Security Council. S/2007/27. 19.01.2007. (accessed: 01.05.2022).

¹⁵ Coticchia F., Ruggeri A. An International Peacekeeper. The Evolution of Italian Foreign and Defence Policy // IAI Papers, 2022. P. 11–12.

¹⁶ Abbondanza G. Italian Peacekeeping Missions: Vast, Praised and Underused // IAI Papers. 2020. P. 5, 7.

¹⁷ United Nations Interim Force in Lebanon, Временные силы ООН в Ливане.

¹⁸ Rapporto 2020. Le scelte di politica estera // Gruppo di riflessione strategica, Unità di analisi e di programmazione. Ministero degli Affari Esteri, 2020. P. 62, 64.

янская Республика, она отказалась от его подписания, поскольку большинство партий правоцентристской коалиции, находившейся тогда у власти, выступили против, сведя на нет двухлетнюю дипломатическую работу [Шогунц 2019: 101–102; Scissa 2020: 155–159].

Это не первый случай, когда миграционная политика Рима противоречит его инициативам на платформе ООН. В 2014 г. Италия завершила морскую миссию *Mare Nostrum*, целью которой было спасение беженцев и мигрантов в Средиземном море, что вызвало обеспокоенность со стороны Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ)¹⁹. В том же году страна поддержала резолюцию Третьего комитета Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам беженцев, которая содержала следующий пункт: «выражает озабоченность по поводу гибели на море значительного числа лиц, которые в поисках убежища пытались перебраться в более безопасные места»²⁰.

В 2018 г. в отношении Италии резко высказалась Верховный комиссар ООН по правам человека Мишель Бачелет. По её словам, в стране резко возросло число случаев насилия и дискриминации в отношении мигрантов²¹. Подобное заявление негативным образом отражается на репутации Рима как одного из лидеров защиты прав человека. Хотя тематика миграции не относится напрямую к компетенции СБ ООН, она наглядно демонстрирует несоответствие между целями и результатами.

Деятельность Италии в Совете Безопасности не позволяет говорить об уникаль-

ной роли, которую страна играет в этом органе ООН. Несмотря на особое внимание, которое Италия придаёт определённой «нишевой» тематике на площадке этого органа (миротворчество, миграция), её инициативы зачастую оказываются нереализованными или не приводят к желаемым результатам, а показатели соавторства резолюций не отличаются от других постоянных членов СБ.

Политика Италии в Генеральной Ассамблее ООН

Для анализа итальянской политики в ГА ООН следует обратиться в первую очередь к голосованию по традиционным резолюциям Италии, которые она регулярно вносит на рассмотрение. К ним можно отнести 11 наименований:

1. Укрепление Программы ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, в особенности её потенциала в сфере технического сотрудничества (2007–2023);
2. Доклад Международного уголовного суда (2005–2022);
3. Доклад Международного агентства по атомной энергии (1991–2021);
4. Роль алмазов в разжигании конфликтов (2000, 2002–2007, 2010, 2012–2014, 2016–2021, 2023);
5. Поощрение межрелигиозного и межкультурного диалога, взаимопонимания и сотрудничества на благо мира (2013–2019);
6. Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи Организации Объединённых Наций (1993–2023);

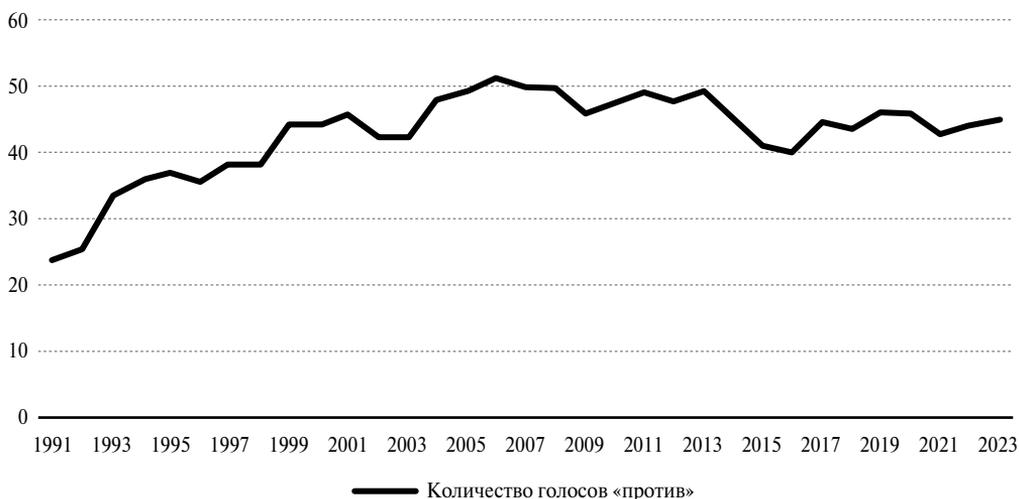
¹⁹ Italy's decision to end Mare Nostrum will put the lives of thousands of migrants and refugees at risk // The Independent. 24.10.2014. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/letters/italy-s-decision-to-end-mare-nostrum-will-put-the-lives-of-thousands-of-migrants-and-refugees-at-risk-9815643.html> (accessed: 01.05.2022); ECRE & UNHCR concerned over ending of Mare Nostrum without European rescue initiative to replace it // European Council on Refugees and Exiles. 24.10.2014. URL: <https://ecre.org/ecre-a-unhcr-concerned-over-ending-of-mare-nostrum-without-european-rescue-initiative-to-replace-it/> (accessed: 01.05.2022).

²⁰ Доклад Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по делам беженцев, вопросы, касающиеся беженцев, возвращенцев и перемещённых лиц, и гуманитарные вопросы. Третий комитет, Шестьдесят девятая сессия, Генеральная Ассамблея. A/C.3/69/L.54. 31.10.2014. (дата обращения: 01.05.2022).

²¹ Глава МИД Италии огорчен заявлением комиссара ООН по мигрантам // РИА Новости. 11.09.2018. URL: <https://ria.ru/20180911/1528286444.html> (дата обращения: 01.05.2022).

Рисунок 1

Среднее количество голосов «против», поданных при голосовании Италии «против» в ГА ООН (1991–2023)

Источник: составлено авторами по данным Цифровой библиотеки ООН.

7. Контроль над обычными вооружениями на региональном и субрегиональном уровнях (1996–1998, 2000–2002, 2005, 2011, 2013–2017);

8. Упрочение мира посредством практических мер в области разоружения (1997–2002, 2004, 2006, 2008, 2010, 2012, 2014, 2016, 2018);

9. Помощь в деятельности, связанной с разминированием (1993–2021, 2023);

10. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (1994–2023);

11. Мораторий на смертную казнь (2007–2008, 2010, 2012, 2014, 2016, 2018, 2020, 2022).

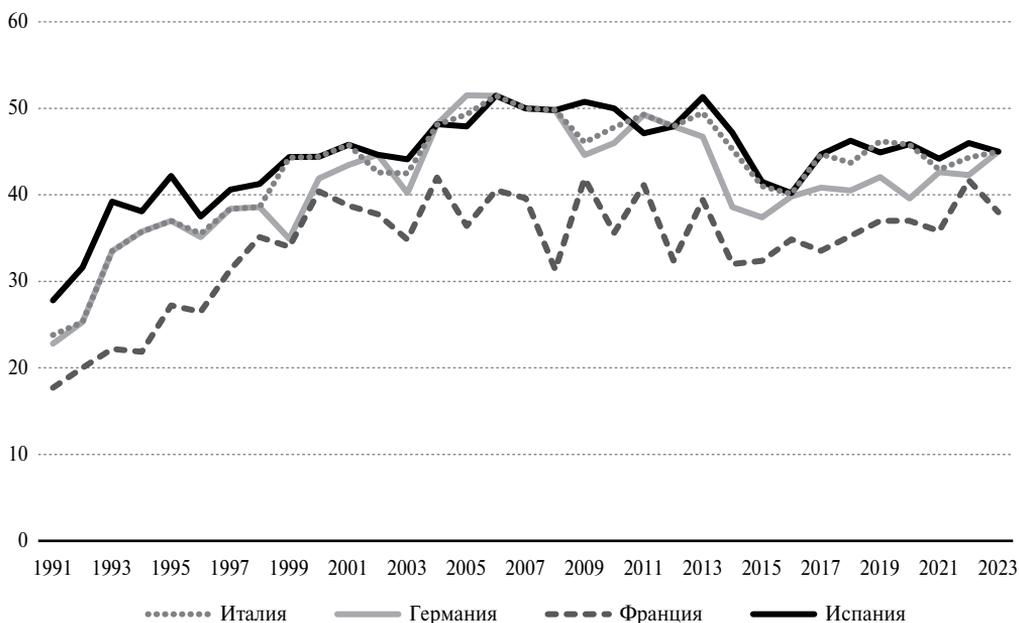
Примечательно, что из 11 резолюций голосование, как правило, проводилось лишь по трём – мораторию на смертную казнь, контролю над обычными вооружениями и Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Все остальные проекты практически всегда принимались без голосования, поскольку у стран не было возражений. По каждой из трёх тем наблюдается рост числа голосов «за»: по мораторию на смертную казнь

со 104 голосов (2007 год) до 125 голосов (2022), по контролю над обычными вооружениями со 164 голосов (1996) до 184 голосов (2017), по ДВЗЯИ со 158 (1996) до 181 (2023). Увеличивается также среднее число голосов «против» в ГА ООН, когда «против» голосует Италия, что показано на графике выше (рис. 1). Если подобная тенденция относится исключительно к совместному с Италией голосованию «против», то она действительно выделяет её из ряда других европейских государств.

График составлен на основе среднего арифметического значения при суммировании голосов «против» за каждый проект резолюции в Генеральной Ассамблее ООН, поданный в течение календарного года. Отрицательное голосование показательно, поскольку оно чётко демонстрирует особую позицию государства. Традиционно в ГА принимается намного больше резолюций, чем отклоняется²², поэтому при общем анализе голосования «за» изменения в количестве голосов не будут столь ярко выражены.

²² В том числе без голосования или в отсутствие голосов «против».

Рисунок 2
Сравнение совместного голосования «против» в ГА ООН (1991–2023)

Источник: составлено авторами по данным Цифровой библиотеки ООН.

Вместе с тем консолидация стран при совместном с Италией голосовании «против» и увеличение числа голосов за традиционные итальянские резолюции отражают скорее общий европейский тренд, нежели рост влияния этой страны в Генеральной Ассамблее ООН. Если сравнить этот показатель с другими ведущими европейскими державами, мы увидим, что у всех государств наблюдается не только рост сплочённости, но и схожая динамика совместного голосования «против» (рис. 2). Методология графического анализа при этом остаётся такой же, как и в случае с Италией. Тем самым рассматриваемые субъекты привлекали примерно одинаковое количество сторонников и сами голосовали совместно по многим вопросам. Франция, в отличие от других стран, в некоторых случаях склонна голосовать против тех резолюций, которые не вызывают возражения у большинства других государств. Этим обстоятельством объясняют-

ся колебания, зафиксированные на рис. 2. Таким образом, тенденция роста числа голосов «против» в равной степени относится и к другим европейским государствам, что не выделяет Италию из их числа.

Приведённый график отражает важный феномен, который можно охарактеризовать как «европеизация» политики государств-членов ЕС в ООН. Последние с течением времени всё больше консолидируют свои позиции в Генеральной Ассамблее при помощи совместного голосования [Vig-mester, Jankowski 2014: 1]. Более того, эффект европеизации проявляется и в проектах резолюций, в том числе традиционных для Италии. Государства-члены ЕС подают их совместно, выступая соавторами: практически во всех представленных выше 11 документах в качестве составителей выступают другие государства Союза, помимо итальянской стороны. Исключение составляет резолюция о предотвращении преступности, которую Рим традици-

онно выносит единолично, и по контролю над обычными вооружениями, где Итальянская Республика является единственным государством-автором из Евросоюза.

Для Италии углубление европеизации даёт возможность продвижения своих национальных интересов, поскольку европейская интеграция выступает одной из основ итальянской внешней политики. Страна даже в некоторой степени способствует этому процессу. Она чрезвычайно редко отклоняется от большинства стран ЕС при голосовании в ГА ООН и никогда не голосовала «против» или воздерживалась одна, в то время как остальные европейские страны занимали другую позицию. Когда из-за отсутствия консенсуса среди государств-членов Европейского союза появлялась возможность проголосовать самостоятельно, Рим практически никогда не отклонялся от курса остальных участников объединения [Birnberg 2009: 169, 232–233]. Таким образом Итальянская Республика де-факто способствует сохранению европейской коалиции, а не выбивается из неё, о чём могли бы свидетельствовать уникальные для Италии характеристики поведения в ООН [Monteleone 2019: 75, 79]. Подобная тактика ставит Италию в один ряд с другими европейскими государствами, размывая её особый нишевый статус, который страна стремится приобрести для укрепления своего веса.

* * *

Проведённый анализ итальянского политического курса в рамках ключевых органов ООН и наиболее важных инициатив показал, что существующий подход Италии к этой организации характеризуется дисбалансом между значимостью многосторонней политики и её реальными результатами. Во всех случаях Рим действительно находился в русле выявленных ранее внешнеполитических приоритетов. Между тем на практике такая политика зачастую не приводила к желаемым результатам, как в случае с инициативами в области миграции и миротворческой деятельностью. Отсутствие успехов в данных сфе-

рах объясняется совокупностью различных факторов, в частности внутривнутриполитическими разногласиями и слабой оценкой эффективности существующего курса при политическом консенсусе, как в случае с тематикой миротворчества.

Результаты исследования позволяют заключить, что инициативность Италии как в Совете Безопасности, так и в Генеральной Ассамблее не представляется уникальным явлением.

К характерным чертам итальянской политики на платформе ООН следует отнести коалиционную активность. Она проявляется не только в готовности корректировать свою позицию и голосовать солидарно с остальными европейскими странами ради достижения максимально возможного консенсуса. Речь идёт также и о стремлении Италии играть ведущую роль в различных переговорных группах, например созданной по итальянской инициативе группе «Объединившиеся ради консенсуса» (*Uniting for Consensus*). Среди прочего Рим фокусируется на определённых темах, в первую очередь на миграции и миротворчестве.

Отличительной негативной характеристикой подхода страны не только к реализации национальных интересов на площадке ООН, но и к многосторонним институтам в целом стал обозначенный выше дисбаланс между целями и результатами, который авторы называют самообманом. Итальянская сторона начала воспринимать некоторые цели как а priori важные и сами по себе приводящие к результативной внешней политике. Подобное искажённое восприятие оказалось сопряжено с центральной ролью многосторонних институтов во внешней политике Рима, которые страна видит в качестве ключевого инструмента для реализации своих национальных интересов.

Выводы данной работы следует рассматривать в контексте дискуссии о политике средних держав в многосторонних институтах. Предполагается, что обозначенная авторами проблема в категоризации держав среднего уровня не только через положительные характеристики, но и критиче-

ские будет способствовать дальнейшей научной дискуссии и более глубокому изучению поведения этой группы государств. Выведенный на примере Италии феномен самообмана представляет собой не только

отправную точку для анализа деятельности других средних держав, но и расширяет понятийный аппарат в сфере исследования когнитивных искажений в политике отдельных государств.

Список литературы

- Вершинина В.В.* «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. №3. С. 25–40. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10034>
- Маслова Е.А.* Современная политика Италии в урегулировании конфликта на Ближнем Востоке // Вестник МГИМО-Университета. 2011. №6. С. 241–247.
- Салаконе А.* Италия – «мост» между блоками во время вьетнамской войны // Современная Европа. 2017. №3 (75). С. 91–101.
- Шогунц А.В.* Почему Италия против Глобального договора о миграции? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. №2. С. 99–105.
- Aydin U.* Emerging middle powers and the liberal international order // International Affairs. 2021. Vol. 97. No. 5. P. 1377–1394. <https://doi.org/10.1093/ia/iab090>
- Behringer R.M.* The dynamics of middlepowermanship // Seton Hall Journal of Diplomacy and International Relations. 2013. Vol. 14. No. 2. P. 9–22.
- Birnberg G.* The Voting Behaviour of the European Union Member States in the United Nations General Assembly. A thesis submitted to the Department of Government of the London School of Economics for the degree of Doctor of Philosophy. London, 2009. 270 p.
- Botero G.* Della ragion di stato, libri dieci. Con tre Libri delle cause della Grandezza, e Magnificenza delle Città. Di Giovanni Botero Benese. Ferrara: appresso Vittorio Baldini stampator Ducale, 1590. 114 p.
- Boutros-Ghali B.* An Agenda for Peace. Preventive Diplomacy, Peacemaking and Peace-keeping. New York: United Nations, 1992. 53 p.
- Burmester N., Jankowski M.* The EU in the United Nations General Assembly. A Comparative Perspective. Paper prepared for the 4th European Union in International Affairs Conference, May 22nd – May 24. Brussels, Belgium, 2014. 25 p.
- Carr A.* Is Australia a Middle Power? A Systemic Impact Approach // Australian Journal of International Affairs. 2014. Vol. 68. No. 1. P. 70–84. <https://doi.org/10.1080/10357718.2013.840264>
- Chapnick A.* The Middle Power // Canadian Foreign Policy Journal. 1999. Vol. 7. No. 2. P. 73–82. <https://doi.org/10.1080/11926422.1999.9673212>
- Cox R.W.* Middlepowermanship, Japan, and Future World Order // International Journal. 1989. Vol. 44. No 4. P. 823–862. <https://doi.org/10.1177/002070208904400405>
- Efstathopoulos C.* Middle Powers and the Behavioural Model // Global Society. 2018. Vol. 32. No. 1. P. 47–69. <https://doi.org/10.1080/13600826.2017.1351422>
- Emmers R.* The Role of Middle Powers in Asian Multilateralism // Asia Policy. 2018. Vol. 13. No. 4. P. 42–47. DOI: 10.1353/asp.2018.0060
- Gilley B.* Conclusion: Delusions of Grandeur in the Goldilocks Zone // International Journal. 2016. Vol. 71. No. 4. P. 651–658. DOI: 10.1177/0020702016684859
- Glazebrook G.* The Middle Powers in the United Nations System // International Organization. 1947. Vol. 1. No. 2. P. 307–315.
- Holbraad C.* Middle Powers in International Politics. London: Macmillan Press, 1984. 234 p.
- Holbraad C.* The Role of Middle Powers // Cooperation and Conflict. 1971. Vol. 6. No. 1. P. 77–90. <https://doi.org/10.1177/0010836771006001>
- Holmes J.* Most Safely in the Middle // International Journal. 1984. Vol. 39. No. 2. P. 366–388.
- Jervis R.* Understanding Beliefs // Political Psychology. 2006. Vol. 27. No. 5. P. 641–663.
- Keohane R.* 'Lilliputian Dilemmas: Small States in International Politics' // International Organization. 1969. Vol. 23. No. 2. P. 291–310. DOI: <https://doi.org/10.1017/S002081830003160X>
- Mearsheimer J.* Why Leaders Lie. The Truth about Lying in International Politics. Oxford: Oxford University Press, 2011. 141 p.
- Mo J.* South Korea's Middle Power Diplomacy: A Case of Growing Compatibility between Regional and Global Roles // International Journal. 2016. Vol. 71. No. 4. P. 587–607.
- Monteleone C.* Italy in Uncertain Times. Europeanizing Foreign Policy in the Declining Process of the American Hegemony. London: Lexington Books, 2019. 206 p.

- Niche Diplomacy. *Middle Powers after the Cold War* / ed. by A.F. Cooper. London: Macmillan Press, 1997. 221 p.
- Romero F. Rethinking Italy's Shrinking Place in the International Arena // *The International Spectator*. 2016. Vol. 51. No. 1. P. 1–12. <https://doi.org/10.1080/03932729.2016.1108613>
- Scissa C. Fleeing from the Global Compact for Migration: A missed opportunity for Italy // *Border Crossing*. 2020. Vol. 10. No. 2. P. 155–174. DOI: <https://doi.org/10.33182/bc.v10i2.1110>
- Silvestri S. *Il sistema Italia. Gli interessi nazionali italiani nel nuovo scenario internazionale*. Milano: F. Angeli, 1997. 264 p.
- Teo S. *Middle Powers in Asia Pacific Multilateralism. A Differential Framework*. Bristol: Bristol University Press, 2023. 203 p.
- The European Union at the United Nations. *Intersecting Multilateralisms* / ed. by K. Verlin Laatikainen, K.E. Smith. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 232 p.
- Thies C., Angguntari C. Sari. A Role Theory Approach to Middle Powers: Making Sense of Indonesia's Place in the International System // *Contemporary Southeast Asia*. 2018. Vol. 40. No. 3. P. 397–421. DOI: 10.1355/cs40-3c
- Un ricordo di Pietro Quaroni, Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale / ed. by S. Baldi. Rome: UNAP press, 2014. 102 p.

THE BEHAVIOR OF MIDDLE POWERS IN MULTILATERAL INSTITUTIONS

*THE EXPERIENCE OF ITALY'S POLICY IN THE UNITED NATIONS**

ELENA MASLOVA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia
Institute of Europe, Moscow, 125009, Russia

GLEB IVANOV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The article analyzes the behavior of middle powers in multilateral institutions, using the example of Italy's participation in the United Nations as a case study. By employing the behavioral approach in middle powers studies, the authors emphasize the importance of multilateral institutions in their foreign policy. The article demonstrates that the behavior of middle powers can be characterized by positive attributes as well as inherent risks. It is argued that a common cognitive distortion among these states is the tendency to overestimate their influence in multilateral institutions. This discrepancy between policy goals and outcomes, coupled with a reliance on immutable principles, is dubbed "self-delusion". The purpose of this article is to identify cognitive distortions derived from Italy's reliance on multilateral institutions and to extrapolate the findings to the behavior of other middle powers. The central research question is: How does the prioritization of multilateral formats affect the behaviour of middle powers? Italy serves as a pertinent example for testing the hypothesis. The country elevates multilateralism to the level of a foreign policy doctrine, making it an ideal case for analyzing "self-delusion," given the central role of multilateral institutions in Italian foreign policy. The analysis of Italy's behavior at the UN Security Council and the UN General Assembly reveals that its active engagement in the UN activities does not distinguish it significantly from other leading European states while the promotion of prioritized initiatives often did not yield practical results. The article questions the assertion that Italian policy at the UN effectively

strengthens Italian heft in the international arena, as claimed by Italian officials. The findings of this paper contribute to a broader discussion about the behavior of middle powers on the international stage. Italy's policy at the UN seems to be an illustrative case, reflecting not only the Italian approach, but also the general trends in the behavior of middle powers in multilateral institutions, including the overestimation of their influence in international organizations.

Keywords:

middle powers; multilateral institutions; Italy; Italian foreign policy; United Nations; multilateralism

References

- Aydin U. (2021). Emerging middle powers and the liberal international order. *International Affairs*. Vol. 97. No. 5. P. 1377–1394. <https://doi.org/10.1093/ia/iab090>
- Baldi S. (ed.) (2014). *Un ricordo di Pietro Quaroni*. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. Rome: UNAP press. 102 p.
- Behringer R.M. (2013). The dynamics of middlepowermanship. *Seton Hall Journal of Diplomacy and International Relations*. Vol. 14. No. 2. P. 9–22.
- Birnberg G. (2009). *The Voting Behaviour of the European Union Member States in the United Nations General Assembly*. A thesis submitted to the Department of Government of the London School of Economics for the degree of Doctor of Philosophy. London. 270 p.
- Botero G. (1590). *Della ragion di stato, libri dieci. Con tre Libri delle cause della Grandezza, e Magnificenza delle Città*. Di Giovanni Botero Benese. Ferrara: appresso Vittorio Baldini stampator Ducale. 114 p.
- Boutros-Ghali B. (1992). *An Agenda for Peace. Preventive Diplomacy, Peacemaking and Peace-keeping*. New York: United Nations. 53 p.
- Burmester N., Jankowski M. (2014). *The EU in the United Nations General Assembly. A Comparative Perspective*. Paper prepared for the 4th European Union in International Affairs Conference, May 22nd – May 24th. Brussels, Belgium. 25 p.
- Carr A. (2014). Is Australia a Middle Power? A Systemic Impact Approach. *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 68. No. 1. P. 70–84. <https://doi.org/10.1080/10357718.2013.840264>
- Chapnick A. (1999). The Middle Power. *Canadian Foreign Policy*. 1999. Vol. 7. No. 2. P. 73–82. <https://doi.org/10.1080/11926422.1999.9673212>
- Cooper A. (ed.) (1997). *Niche Diplomacy. Middle Powers after the Cold War*. London: Macmillan Press. 221 p.
- Cox R.W. (1989). Middlepowermanship, Japan, and Future World Order. *International Journal*. Vol. 44. No. 4. P. 823–862. <https://doi.org/10.1177/002070208904400405>.
- Efstathopoulos C. (2018). Middle Powers and the Behavioural Model. *Global Society*. Vol. 32. No. 1. P. 47–69. <https://doi.org/10.1080/13600826.2017.1351422>
- Emmers R. (2018). The Role of Middle Powers in Asian Multilateralism. *Asia Policy*. Vol. 13. No. 4. P. 42–47. DOI: 10.1353/asp.2018.0060
- Gilley B. (2016). Conclusion: Delusions of Grandeur in the Goldilocks Zone. *International Journal*. Vol. 71. No. 4. P. 651–658. DOI: 10.1177/0020702016684859
- Glazebrook G. (1947). The Middle Powers in the United Nations System. *International Organization*. Vol. 1. No. 2. P. 307–315.
- Holbraad C. (1984). *Middle Powers in International Politics*. London: Macmillan Press. 234 p.
- Holbraad C. (1971). The Role of Middle Powers. *Cooperation and Conflict*. Vol. 6. No. 1. P. 77–90. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010836771006001>
- Holmes J. (1984). Most Safely in the Middle. *International Journal*. Vol. 39. No. 2. P. 366–388.
- Jervis R. (2006). Understanding Beliefs. *Political Psychology*. Vol. 27. No. 5. P. 641–663.
- Keohane R. (1969). 'Lilliputian Dilemmas: Small States in International Politics'. *International Organization*. Vol. 23. No. 2. P. 291–310. DOI: <https://doi.org/10.1017/S002081830003160X>
- Laatikainen K.V., Smith K.E. (eds) (2006). *The European Union at the United Nations. Intersecting Multilateralisms*. New York: Palgrave Macmillan. 232 p.
- Maslova E. A. (2011). Sovremennaya politika Italii v uregulirovanii konflikta na Blizhnem Vostoke [Italian Contemporary Politics in the Middle East Peace Process]. *MGIMO Review of International Relations*. No. 6. P. 241–247.
- Mearsheimer J. (2011). *Why Leaders Lie. The Truth about Lying in International Politics*. Oxford: Oxford University Press. 141 p.
- Mo J. (2016). South Korea's Middle Power Diplomacy: A Case of Growing Compatibility between Regional and Global Roles. *International Journal*. Vol. 71. No. 4. P. 587–607.

- Monteleone C. (2019). *Italy in Uncertain Times. Europeanizing Foreign Policy in the Declining Process of the American Hegemony*. London: Lexington Books. 206 p.
- Romero F. (2016). Rethinking Italy's Shrinking Place in the International Arena. *The International Spectator*. Vol. 51. No. 1. P. 1–12. <https://doi.org/10.1080/03932729.2016.1108613>
- Salacone A. (2017). Italiya – “most” mezhdu blokami vo vremya vyetnamskoy voyny [Italy – a “Bridge” between the Military Alliances during the Vietnam War]. *Sovremennaya Evropa*. №3 (75). P. 91–101.
- Scissa C. (2020). Fleeing from the Global Compact for Migration: A missed opportunity for Italy. *Border Crossing*. Vol. 10. No. 2. P. 155–174. DOI: <https://doi.org/10.33182/bc.v10i2.1110>
- Shogunts A.V. (2019). Pochemu Italiya protiv Global'nogo dogovora o migratsii? [Why Italy Is Against Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration?]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*. No. 2. P. 99–105.
- Silvestri S. (1997). *Il sistema Italia. Gli interessi nazionali italiani nel nuovo scenario internazionale*. Milano: F. Angeli. 264 p.
- Teo S. (2023). *Middle Powers in Asia Pacific Multilateralism. A Differential Framework*. Bristol: Bristol University Press. 203 p.
- Thies C., Sari A.C. (2018). A Role Theory Approach to Middle Powers: Making Sense of Indonesia's Place in the International System. *Contemporary Southeast Asia*. Vol. 40. No. 3. P. 397–421. DOI: 10.1355/cs40-3c
- Vershinina V.V. (2020) «Derzhavy srednego urovnya» v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: sravnitel'nyy analiz kontseptual'nykh podkhodov [Middle Powers in International Relations: Comparative Analysis of Conceptual Approaches]. *Sravnitel'naya politika*. Vol. 11. No. 3. P. 25–40.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВКЛАДА МЕЖДУ «ЗАПАДНЫМИ ДЕМОКРАТИЯМИ» В СДЕРЖИВАНИЕ РОССИИ И КНР

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАЗЕМНЫХ СИЛ

ФИЛИПП ТРУНОВ
ИНИОН РАН, Москва, Россия

Резюме

С начала 2020-х годов параллельно развивалась конфронтация между Евро-Атлантическим сообществом и Россией, а также между США, их партнёрами, с одной стороны, и КНР – с другой. От западных стран требовалась выработка нетривиального подхода к распределению военной нагрузки, особенно по линии сухопутных сил. С 1990-х по начало 2010-х годов они подвергались значительному сокращению. Реализуемые решения исследуются в статье с опорой на положения теории строительства вооружённых сил и альянсов. Основное внимание в работе уделено НАТО как организации, США, а также ФРГ как крупнейшей европейской стране-участнице, внесившей вклад в формирование многосторонних сил Альянса. Ключевыми стали принятые на Мадридском саммите НАТО 2022 г. новые стратегическая концепция и модель войск блока. Последняя предполагала наделение Альянса потенциалом в 800 тыс. военных, в абсолютном большинстве выделяемых европейскими государствами-членами. В деле сдерживания России именно они вносили решающий войсковой вклад, Соединённые Штаты – ограниченный по объёму, но не по политическому значению. Подобное распределение нагрузки обеспечивало Вашингтону свободу манёвра в использовании существенной части своих войск для противодействия Китаю. Датой формирования консенсуса по этому вопросу стал не 2014, а 2021 год. Изучаются тактики США как основного интересанта и бенефициара по стимулированию партнёров к принятию данной схемы. Сопоставлена готовность крупнейших европейских государств-членов Альянса к использованию сухопутных войск для сдерживания России. Детально исследуется изменение группировки наземных сил США в Восточной Европе, Германии, в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Раскрыты особенности структурирования военно-политического сотрудничества западных стран и их партнёров в бассейне Тихого океана в контексте сдерживания КНР. Делается вывод об общих особенностях и перспективах эволюции исследуемой схемы распределения ответственности.

Ключевые слова:

НАТО; модель войск; наземные войска; военное присутствие; США; ФРГ; Восточная Европа; Азиатско-Тихоокеанский регион; сдерживание

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.12.2023

Дата принятия к публикации: 23.04.2024

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: 1trunov@mail.ru

На Мадридском саммите НАТО (29–30 июня 2022 года) были приняты новые стратегическая концепция и модель войск (*New NATO Force Model, NNFM*). Выстраивание конфронтации с Россией в качестве ключевого приоритета было закреплено в доктринальном документе блока высшего уровня – ранее это провозглашалось лишь в заявлениях по итогам саммитов Альянса. Фиксировалось принятие Организацией функций по сдерживанию КНР и ИРИ, а также КНДР¹. Таким образом, объектами для противодействия заявлялась уже не одна, а ряд держав не-Запада.

Второй документ зафиксировал суммарный объём войск, который должен оказаться в распоряжении НАТО в ближайшей перспективе: 0,8 млн военнослужащих². Показатель был меньше, чем численность основных групп армий (северной и центральной, СГА и ЦГА; 1 млн военнослужащих) блока в 1980-х годах, в конце «холодной войны» [Fleckenstein 1990: 2]. СГА и ЦГА были предназначены для сдерживания СССР и ОВД в целом, то есть для использования на лишь одном стратегическом направлении. Учитывая теснейшую взаимосвязь двух представленных документов по НАТО (2022), резко наращиваемый потенциал Альянса планировалось применять для противодействия не только Москве, но также Пекину – сразу на нескольких треках.

Вместе с тем следует внести ряд принципиальных уточнений по *NNFM*. *Во-первых*, её силы почти полностью состояли из контингентов европейских союзников, предполагая минимальный вклад США [Biscop 2022: 1–3]. Во времена «холодной войны» Соединённые Штаты полномасштабно участвовали в комплектовании группировок НАТО, особенно ЦГА [Лауч 2022: 80–92]. *Во-вторых*, по сравнению с конфронтацией Запад–Восток заметно сокра-

тились размеры национальных вооружённых сил (ВС) всех стран–участниц Организации. Показатели общей численности ВС государств–членов НАТО и только европейских (без США и Канады) менялись следующим образом: на 1989 год – 5,888 и 3,560 млн военных³, на 2014 год – 3,229 и 1,891 млн, а на 2022 год – 3,368 и 2,022 млн⁴ соответственно. Разница значений между 1989 и 2022 годами составляет 1,75 раза. Как результат, новая модель войск НАТО (2022) означала передачу заметно большего потенциала, чем в 1950–1980-е годы в *удельном* отношении (процента) от численности ВС европейских государств–членов. В *абсолютном* измерении размер их вклада в комплектование *NNFM* (800 тыс. человек) был примерно равен таковому в ЦГА и СГА. Последние насчитывали, за вычетом контингентов США и Канады, порядка 750 тыс. военных [Fleckenstein 1990: 2].

В стратегической сфере Альянс неизменно оставался для западных стран наиболее значимым и развитым в плане институционализации механизмом сотрудничества. Таким образом, наделение блока столь большим и впервые чётко оговорённым в доктрине потенциалом с возложением на НАТО задач по участию в выстраивании сразу *двух* систем сдерживания (против России и КНР) поднимало вопрос о распределении войсковой нагрузки между союзниками. На хронологически протяжённом отрезке эта проблема перед Западом встала впервые, вследствие чего возникает потребность поиска нетривиальных решений. Их содержание и результаты могут стать одними из ключевых факторов при определении облика и природы формирующегося миропорядка.

Задача статьи – раскрыть особенности разделения ответственности в вопросе сдерживания России и КНР между государ-

¹ NATO Strategic concept // Brussels: NATO. 29.06.2022. P. 3–5.

² New NATO Force Model // NATO. 08.07.2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_files2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf (accessed: 05.12.2023).

³ Financial and economic data relating to NATO defence. M-PDC-90 (70). Brussels: NATO, 1990. P. 7.

⁴ Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2023). Brussels: NATO, 2023. P. 12.

ствами и институтами Запада на примере использования наземных войск. Хронологические рамки исследования: 2014 г. – первая половина 2020-х годов с обращением к кейсам прошлой конфронтации Запад–Восток. Из числа конкретных субъектов наибольшее внимание будет уделено НАТО как организации, а также США и ФРГ. В случае последней к середине 2020-х годов по многим позициям военного вклада в конфронтации Германия занимает второе (например, по размеру поставок вооружений и военной техники Украине) или даже первое (вклад в комплектование многосторонних группировок НАТО) место среди западных стран.

Существуют заметные различия в политике Запада в отношении России и Китая. Он заметно дальше продвинулся в выстраивании системы сдерживания на российском направлении по сравнению с китайским. Следовательно, этим двум областям противоборства уделяется неодинаковое внимание в настоящей статье. Тем не менее обе системы сдерживания заслуживают сводной оценки. Именно этот путь позволяет приблизиться к пониманию основ подхода западных игроков по *параллельно*му использованию военных ресурсов сразу против Москвы и Пекина.

ВС почти любого государства межвидовые: большую роль в них играют военно-воздушные и военно-морские силы, рода войск, предназначенные действовать сразу в двух сопредельных средах, – морская пехота и воздушно-десантные войска⁵. Растущее внимание уделяется силам, ответственным за обеспечение безопасности в киберпространстве. Для держав, которые обладают ядерным оружием и его носителями, оснащённые ими войска традиционно имеют большое разноплановое значение [Караганов 2024]. Особую прак-

тическую ценность приобрело неядерное высокоточное оружие большой дальности всех типов базирования [Караганов 2024]. Техничко-технологическое развитие обусловливает создание новых родов войск, всё чаще не из числа наземных, например кибер- или космических сил. Как итог, уменьшается удельный вес в структуре ВС сухопутных сил, что обычно сопровождается и сокращением численности личного состава, количества формирований в нём.

Пиковых значений эта тенденция в случае государств–членов НАТО, а отчасти и России достигла в 1990-х – 2010-х годах. Именно наземные войска выступали основным объектом для масштабных сокращений ВС. В частности, численность сухопутных сил бундесвера сократилась с 1989 по 2015 г. с почти 360 тыс. до 60 тыс. личного состава⁶ – в 6 раз. Примечательно, что размеры вооружённых сил в целом – в 2,9 раза (с 503 до 177 тыс.⁷). Таким образом, армия по отношению к ВС сокращалась более чем вдвое быстрыми темпами. Выстраивание Западом системы конфронтации, реализация Россией контрмер, особенно проведение специальной военной операции, остро поставили вопрос об относительной дистрофии (малочисленности) наземных сил [Пухов 2022: 23–27], тем самым о значительном наращивании именно их. Действия по наращиванию группировок НАТО были направлены на усиление именно наземных многосторонних формирований. В статье распределение военных ресурсов стран Запада для выстраивания сразу двух систем сдерживания рассматривается на примере сухопутных войск.

Специалисты продолжают совершенствовать обширный комплекс исследований по различным аспектам возрастающей отчуждённости конкретных государств и институтов Запада в отношении России

⁵ На суше и воде, на суше и в воздухе соответственно.

⁶ Weißbuch 1985 zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Entwicklung der Bundeswehr. Bonn: Bundesregierung, 1985. S. 188, 190; Deutsches Heer. 2024. BMVg. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer> (дата обращения: 05.12.2023).

⁷ Financial and economic data relating to NATO defence. M-PDC-90 (70). Brussels: NATO, 1990. P. 7; Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2023). Press Release, 07.07.2023. Brussels: NATO, 2023. P. 12.

или Китая [Васильев 2022; Истомин 2023; Mills 2023]. Заметно меньшее число публикаций, в которых освещены многосторонние комплексные подходы западных стран к противодействию Российской Федерации, КНР и одновременно этим двум странам. Методологически автор опирался на положения теорий альянсов [Алёшин 2023; Истомин 2017] и строительства вооружённых сил [Лауч 2022, Останков 2004], применял возможности сравнительного анализа. Теория альянсов нацелена прежде всего на изучение их институциональных изменений (внутренней структуры, добавления или отказа от ряда функций, создания или упразднения конкретных инструментов их выполнения) как показателей системы взаимоотношений государств—членов конкретной структуры, видения приоритетов её использования [Алёшин 2023; Истомин 2017]. Теория строительства вооружённых сил рассматривает их как постоянно эволюционирующий (живой) организм, в котором каждое изменение — создание, упразднение или реформирование конкретной части, соединения, объединения — несёт чёткую военную и политическую нагрузку, а совокупность мер по реорганизации отражает приоритеты военной и внешней политики актора—обладателя исследуемых ВС [Лауч 2022, Останков 2004].

Статья подготовлена с опорой на корпус источников НАТО как организации (доктринальных документов, материалов по функционированию группировок блока) и документов ряда государств—членов Альянса — прежде всего, США и ФРГ. Они ценны как свидетельства официальной позиции, наличием большого объёма фактурного, в том числе статистического, материала.

Статью открывает блок о причинах и предпосылках схемы разделения нагрузки.

Далее автор показывает роль США, как основного заинтересованного в ней государства Запада, и раскрывает конкретное содержание разделения ответственности (по линии наземных войск) при выстраивании конфронтаций государств и институтов Запада с Россией и Китаем.

Предпосылки и истоки схемы разделения ответственности

Неизбежен вопрос о том, *когда* стало оформляться разделение ответственности. На первый взгляд это *весна 2014 года* — время возникновения конфронтации между западными странами и Российской Федерацией. Вскоре стали наблюдаться признаки зарождения отчуждённости между Вашингтоном и Пекином. При более детальном рассмотрении выбор 2014 г. представляется не совсем верным. Тогда лишь начинали определяться конкретные военно-стратегические параметры системы сдерживания РФ. Ни Соединённые Штаты, ни тем более другие участники Альянса не рассматривали вопрос участия европейских стран в противодействии КНР. В то время речь ещё не шла о кардинальном сокращении присутствия ВС государств—членов НАТО на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Северной Африке. В сентябре 2014 г. для противодействия Исламскому государству (ИГ)*⁸ в Ираке и Сирии США создали II западную антитеррористическую коалицию.

Во второй половине 2010-х годов увеличились масштаб и спектр деятельности западных стран по стабилизации ситуации в Мали и в целом странах «сахельской пятёрки»⁹. В этом регионе направляющую роль играла Франция [Сидоров 2022: 85–86]. На рубеже 2014–2015 годов изменилась политика Запада в Афганистане — переход от миссии *ISAF* к *Resolute Support*. Заметно изменились задачи¹⁰, состав¹¹ и

⁸ Здесь и далее (*) обозначены запрещённые в Российской Федерации организации.

⁹ G5 Sahel: Буркина-Фасо, Мавритания, Мали, Нигер, Чад.

¹⁰ Прекращение деятельности по поддержанию мира, сохранение функций по обучению и консультированию местных сил безопасности.

¹¹ Убытие войсковых частей, оставление военных инструкторов и советников.

численность западных войск в этой стране: кратное уменьшение со 132 тыс.¹² до менее 14 тыс. военных (2015)¹³. Эта трансформация во многом была обусловлена необходимостью использования войск для сдерживания России. Тем не менее неизменным было само стремление западных стран сохранить основу присутствия в Афганистане. В 2017–2018 годах администрация Дональда Трампа (2017–2021), а затем ряд партнёров, особенно ФРГ, вновь увеличили присутствие в этой стране¹⁴.

При тщательном рассмотрении становится ясно, что разделение ответственности оформилось в **2021 году**. *Во-первых*, наметилось сокращение векторов использования ВС европейскими странами вдали от зоны ответственности НАТО. Франция, а с некоторым опозданием и Германия стали утрачивать позиции в Сахаро-Сахельском регионе [Сидоров 2022]. На фоне переломных успехов России, официального Дамаска и Ирана в борьбе с ИГ* до предела сузилось окно возможностей для использования сил II западной антитеррористической коалиции в Сирии и в Ираке [Тимофеев, Хорольская 2022: 151]. Основная причина состояла в недостаточной эффективности усилий западных стран по ослаблению Исламского государства*: оно стало вновь усиливаться с рубежа 2010-х – 2020-х годов на территории Ирака, что привело к уменьшению влияния в стране государств Запада.

Наиболее значимо принятое после некоторой паузы в апреле 2021 г. решение адми-

нистрации Джозефа Байдена выполнить соглашение с афганским «Талибаном»* от 29 февраля 2020 года. Оно было заключено при Д. Трампе и предполагало вывод американских войск в строго определённые сроки: до 1 мая 2021 года¹⁵, позднее дата сместилась на начало сентября и затем на конец июня 2021 года. С учётом ситуации в Афганистане неизбежным стало принятие такого же решения для остальных западных игроков, чьи контингенты действовали в стране¹⁶. Проявленная администрациями Д. Трампа и Дж. Байдена преемственность в афганском вопросе означала ликвидацию самого масштабного на протяжении двух десятилетий (2001–2021) направления усилий государств–членов НАТО вдали от Европы. Она свидетельствовала о приостановке значительной части экспедиционной деятельности под эгидой Альянса. Сами США создавали резерв ресурсов, включая силы специальных операций, инструкторов и финансы, для использования на других направлениях, что оказалось весьма востребованным для поддержки Киева¹⁷.

Не менее важно другое: утрата позиций в Афганистане неизбежно стимулировала европейские страны искать компенсации. Помимо дальнейшего роста вовлечённости в сдерживание России, стоит также упомянуть создание или расширение стратегического присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Географически он, как и Афганистан, удалён от Европы, что давало возможность частично компенсиро-

¹² International Security Assistance Force (ISAF): Key Facts and Figures // NATO. 06.06.2011. URL: https://www.nato.int/isaf/placemats_archive/2011-06-06-ISAF-Placemat.pdf (accessed: 05.12.2023).

¹³ Resolute Support Mission (RSM): Key Facts and Figures // NATO. May 2015. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2015_05/20150508_1505-RSM-Placemat.pdf (accessed: 05.12.2023).

¹⁴ Resolute Support Mission (RSM): Key Facts and Figures // NATO. May 2018. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2018_05/20180502_2018-05-RSM-Placemat.pdf (accessed: 05.12.2023).

¹⁵ Background Press Call by a Senior Administration Official on Afghanistan // White House. 13.04.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2021/04/13/background-press-call-by-a-senior-administration-official-on-afghanistan/> (accessed: 05.12.2023).

¹⁶ Afghanistan Lessons Learned Process // NATO. November 2021. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2021/12/pdf/2112-factsheet-afgh-lessons-en.pdf (accessed: 05.12.2023).

¹⁷ Secretary Antony J. Blinken at a press availability // State Department. 22.12.2022. URL: <https://es.usembassy.gov/secretary-antony-j-blinken-at-a-press-availability-3/> (accessed: 05.12.2023).

ровать утраты как в практическом отношении (создание в новом регионе после утраты в другом), так и имиджевом, подтверждая сохранение дееспособности на глобальном уровне в целом. Тем не менее фактическим условием для выстраивания стратегических позиций в АТР для европейских стран—участниц НАТО выступало проявление готовности к сдерживанию КНР. Без этого пункта они едва ли могли ожидать помощи от региональных игроков — прежде всего Австралии и Японии. Последние в подавляющем большинстве уже активно, совместно с Вашингтоном, взяли курс на конфронтацию с Китаем. Институционально Соединённые Штаты и Соединённое Королевство усилили данный эффект углублением связей с ближайшими партнёрами при помощи новых структур, в частности *AUKUS* (15 сентября 2021 года) [Васильев 2022]. Она была создана всего через два с половиной месяца после свёртывания миссии НАТО *Resolute Support* в Афганистане. Отнюдь не случаен тот факт, что подробное обращение¹⁸ к КНР как источнику угроз впервые появилось в официальных заявлениях по итогам саммита Альянса в 2021 году¹⁹, то есть также на фоне завершения вывода войск из Афганистана.

Выбор 2021 г. как периода складывания консенсуса западных стран по распределению нагрузки подтверждает и обращение к опыту развёртывания сил НАТО. К этому году по линии сил передового развёртывания (СПР) была учреждена система много-

сторонних штабов: корпуса («Северо-Восток»), дивизий («Север», «Северо-Восток», «Центр», «Юго-Восток»). Она охватывала абсолютное большинство государств—членов НАТО в Восточной Европе²⁰. Наличие данной сетки управлений создало рамочные условия для будущего создания многонациональных батальонных тактических групп (БТГ) СПР в Болгарии, Венгрии, Румынии, Словакии (март 2022 года, силы *tFP*²¹), усиления имевшихся с 2017 г. БТГ в Латвии и Эстонии, трансформации в бригады таковых в Литве и Польше (с осени 2022 года; войска *eFP*)²².

В 2021 г. стал приближаться к завершению семилетний (на практике — восьмилетний) цикл участия почти всех европейских государств—членов НАТО в ротационном комплектовании сил быстрого реагирования (СБР), их «острия копьё» — соединения сверхповышенной боевой готовности (*VJTF*). С учётом увеличения численности СБР с 13 до 40 тыс. человек (2014)²⁴ через них в 2014—2022 годах прошло до 280 тыс. военных из стран—участниц НАТО в Европе. Этот показатель близок к размеру первых двух категорий новой модели сил Альянса (300 тыс. военно-служащих)²⁵.

Выбор 2021 г. обусловлен также *фактором темпоральности*. К этому моменту прошло семь лет с момента начала конфронтации между Западом и Россией. Автор считает, что, как следствие, усилилось восприятие «чужого» в лице Москвы со стороны истеблишмента западных стран. Соответ-

¹⁸ Впервые усиление КНР как вызов для НАТО было упомянуто по итогам Лондонского саммита НАТО 2019 г. Однако тогда это положение было упомянуто одним предложением, почти вскользь. См.: London Declaration // NATO. 04.12.2019. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_171584.htm (accessed: 05.12.2023).

¹⁹ Brussels Summit Communiqué // NATO. 14.06.2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm (accessed: 05.12.2023).

²⁰ NATO's military presence in the east of the Alliance // NATO. 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (accessed: 05.12.2023).

²¹ Tailored Forward Presence — адаптированное (ограниченное) передовое присутствие.

²² Enhanced Forward Presence — усиленное передовое присутствие.

²³ Ibid.

²⁴ NATO Response Force // NATO. 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49755.htm (accessed: 05.12.2023).

²⁵ New NATO Force Model // NATO. 08.07.2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_files2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf (accessed: 05.12.2023).

ственно, те военно-стратегические шаги, которые в середине 2010-х годов считались недопустимыми вследствие их провокационности по отношению к Российской Федерации, стали в начале 2020-х годов расцениваться как возможные и даже необходимые. До 2016 г. значительная часть европейских стран—участниц НАТО была против учреждения наземного присутствия в передовой части зоны ответственности. Согласованное на Варшавском саммите в 2016 г. развёртывание на территории стран Балтии и Польши оставалось ротационным и состояло лишь из батальонов, а не более крупных формирований вплоть до 2021 г. включительно.

Впервые постепенный переход к бригадному уровню, заметно большему не только количественно, но и качественно, был декларирован в июне 2022 г. канцлером ФРГ²⁶. Это решение озвучил именно представитель государства—члена НАТО, которое на первых фазах конфронтации отказывалось не только от размещения контингентов в Восточной Европе, но и минимизировало объёмы использования ВС в учениях в этом регионе²⁷. Осенью 2023 г. Берлин объявил, что размещаемая бригада будет уже постоянной по своему составу и факту дислокации, а не ротационной²⁸.

Прецеденты развёртывания первых ротационных наземных подразделений (2014) и военной структуры уже на постоянной основе²⁹ были созданы США³⁰. Изменение характера развёртывания имело общую детерминированность с трансформацией части имевшихся БТГ в бригады. Тем самым западные демократии фактически нарушали сразу два положения Осново-

полагающего акта Россия—НАТО (1997): о характере многонационального присутствия у границ другой стороны (непостоянного) и его масштабах (не более бригады). России посылались принципиальные сигналы об ужесточении сдерживания. Вместе с тем выход сторон из документа 1997 г. провозглашён не был. Произошло постепенное прохождение чувствительных «точек невозврата», но без официального фиксирования этого процесса. Наконец, оба феномена — рост числа однонациональных формирований и постоянный характер их размещения — объяснялись заметной ограниченностью войсковых единиц у западных держав, особенно в составе сухопутных войск. Именно они в 1990-х — начале 2010-х годов стали основным объектом для масштабных сокращений. Восстановительный рост армии развивался в 2014—2023 годах не столь быстро: ни США, ни ФРГ в это время не сформировали ни одной наземной бригады.

Консенсус стран Запада по распределению вклада в поддержание конфронтации сложился в 2021 г. до того, как Россия обратилась к НАТО и США с предложениями о юридическом оформлении взаимных гарантий безопасности 17 декабря 2021 г. и тем более до начала СВО. Следовательно, в основной массе планы и действия Запада по сдерживанию Российской Федерации были проактивными, а не реактивными.

США — основной инициатор и бенефициар сдерживания

Необходимо определить субъекта, который сильнее всего заинтересован в разделении бремени и является *первоочерёдным*

²⁶ "Russland darf und wird diesen Krieg nicht gewinnen" // Bundeskanzleramt. 07.06.2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzler-in-litauen-2047754> (accessed: 05.12.2023).

²⁷ Major NATO and NATO-related exercises conducted since 2014 in Central Europe and adjacent areas // European Leadership Network. February 2016. URL: https://www.europeanleadershipnetwork.org/wp-content/uploads/2017/10/Major-NATO-Exercises-TABLE_ELN.pdf (accessed: 05.12.2023).

²⁸ Drei bewährte Bataillone für die neue Panzerbrigade 42 // DBwV. 06.11.2023. URL: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/blickpunkt/beitrag/zwei-bewaehrte-bataillone-fuer-die-neue-panzerbrigade-42> (accessed: 05.12.2023).

²⁹ Штаб V армейского корпуса; к 2022 году.

³⁰ Increasing the US military presence in Poland // Gov.pl. 2023. URL: <https://www.gov.pl/web/national-defence/increasing-the-us-military-presence-in-poland> (accessed: 05.12.2023).

бенефициаром его осуществления. Решения в НАТО принимаются консенсусом, выработка абсолютного большинства из них происходит в закрытом режиме, что затрудняет выявление инициатора конкретного шага. Для ответа на вопрос следует определить игрока, который изначально стал участвовать в обеих конфронтациях с Россией и Китаем: это Соединённые Штаты.

С политической точки зрения ужесточение великодержавного противостояния неоднократно содействовало укреплению положения США и в целом группы англосаксонских стран как центра западного сообщества, а также его структурирования в соответствии с интересами Вашингтона. Эта тенденция проявилась в начале «холодной войны», вновь – в ходе нового её витка 1980-х годов [Лауч 2022]. Прослеживалась и обратная связь: в период разрядки направляющая роль Соединённых Штатов в Евро-Атлантическом сообществе несколько сократилась. В Азии, где градус конфронтации был ниже, чем в Европе, институциональное оформление сотрудничества расположенных здесь западных демократий оказалось заметно менее продвинутым. Показательно сопоставление НАТО с ANZUK³¹ и ANZUS³².

В 1990-х – начале 2010-х годов влияние Вашингтона в частности и группы англосаксонских стран в целом как системообразующих элементов западного сообщества ослабло. Частично оно перераспределилось в пользу поднимающихся держав в лице Германии, в меньшей степени Турции, а также ЕС как объединения. Все они неоднократно проявляли девиантное по отношению к англосаксонским странам внешнеполитическое поведение. Формы его осуществления заметно различались.

ФРГ неоднократно демонстрировала отказ от использования бундесвера в боевых

действиях, например в ходе военно-политических кризисов вокруг Ирака в 2003 году, Ливии в 2011 г. и Сирии в 2013 г. Турция, напротив, с середины 2010-х годов резко активизировала одностороннее использование военного потенциала в Сирии (2016–2017; 2018; 2019; 2022 годы), Ираке (2016; 2020; 2021; с 2022 года), Ливии (в 2019 г. с сохранением там мощного контингента) [Тимофеев, Хорольская 2022]. Одновременно Анкара с некоторым опозданием присоединилась к комплектованию *VJTF*, существенно позже – *eFP* и *iFP*³³. Более того, с середины 2010-х годов проявления особенности во внешней политике Турции заметно участились, а Германии (позднее и ЕС) – сократились. Турецкая Республика позиционировала себя как субъекта, относившегося к западному миру с рядом оговорок и готового к секторальному сотрудничеству со многими государствами вне Запада [Шлыков 2020].

В ФРГ сохранялся консенсус истеблишмента по органичной интегрированности в сообщество либеральных демократий, неотъемлемой частью которого являлся и Европейский союз. Именно константа встроена в сочетании с двумя группами проявившихся факторов обусловила сокращение случаев самостоятельности Германии и ЕС. Показательны ограниченные по скорости темпы и результаты наделяния ЕС стратегической автономией [Сидоров 2020: 151–153]. Переход к новой модели сил НАТО как кульминация европеизации состава сил Альянса качественно и количественно [Biscop 2022] стал как минимум на среднесрочную перспективу альтернативой наделянию ЕС военным потенциалом. Предельное фокусирование на вопросах сдерживания России и сокращение стратегического интереса к борьбе с угрозами нестабильности в зонах кон-

³¹ Формат просуществовал менее 5 лет.

³² Фактически трёхстороннее сотрудничество перешло к системе двусторонних коопераций.

³³ Statement by the NATO Defence Ministers on the Readiness Action Plan // NATO. 05.02.2015. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_117222.htm?selectedLocale=en (accessed: 05.12.2023); NATO Response Force // NATO. 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49755.htm (accessed: 05.12.2023); NATO's military presence in the east of the Alliance // NATO. 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (accessed: 05.12.2023).

фликтов в Азии и Африке резко увеличивали функционал задач для НАТО и уменьшали таковой для Европейского союза, ещё более утверждая его в положении младшего партнёра Альянса.

В чём заключались вновь возникшие факторы? *Первая группа* – дихотомии трампазма и президентства Дж. Байдена, Брексита и пост-Брексита в Соединённых Штатах и Соединённом Королевстве соответственно. Линия 45-го президента США, отошедшего от принципов либеральной демократии (прежде всего от мультилатерализма к унилатерализму), и процесс выхода Великобритании из ЕС не просто шли хронологически параллельно, но имели ряд общих детерминант. Одна из них – накапливаемое длительное время недовольство Брюсселем и Берлином, рассматривавшимся как неофициальный лидер интеграционного объединения. Эти два субъекта пытались выстроить стратегию мягкого, но последовательного противодействия действиям США и Великобритании во второй половине 2010-х годов – в частности, стремясь наделить ЕС стратегической автономией [Белинский, Никуличев 2019]. ФРГ и ЕС достигли некоторых успехов (в частности, в деле создания и развития Постоянного структурированного сотрудничества), но они в основном оказались тактическими по масштабу и продолжительности. Стратегически оба игрока рассчитывали на кардинальное изменение ситуации после смены администрации в Вашингтоне и завершения Брексита, что произошло в январе – феврале 2021 года.

Действительно, администрация Дж. Байдена отказалась от приверженности жёсткой гегемонии, характерной для Д. Трампа. Аппарат президента от Демократической партии заметно видоизменил формы и тактику поведения, вернувшись к мультилатерализму. Вместе с тем последовательное стремление к обеспечению большей ориентированности партнёров на интересы Вашингтона оставалось в основе неизмен-

ным. Речь шла о возвращении не к лидерству, но переходе к гибриду в виде «мягкой гегемонии»³⁴. Дональд Трамп заявлениями и действиями породил стратегический шок для многих государств–членов НАТО и ЕС (особенно «старых»). Джозеф Байден создал эффект успокоения, умело используя обеспеченность этих стран политикой своего предшественника в качестве основы для дальнейшего укрепления влияния. Символом политического курса преемника Трампа стала новая модель войск Альянса. Достижению результата содействовала в основном сонаправленная с США линия Соединённого Королевства, у которого также изменились формы, но не основа поведения после Брексита [Ананьева 2023].

Второй набор причин – развитие конфронтации Евро-Атлантического сообщества с Россией и параллельно рост отчуждённости между Вашингтоном и Пекином. Визит на остров Тайвань в августе 2022 г. спикер Палаты представителей Нэнси Пелоси совершила вскоре после принятия *NNFM*. Подобное разделение нагрузки позволяло США резервировать и выделять больше сил в АТР для сдерживания КНР, что проявилось в готовности к намного более провокационным шагам во взаимодействии с китайской стороной.

В *военном отношении* в основу исследуемой схемы распределения ответственности был положен опыт США периода войны во Вьетнаме в 1964–1972 годах (до заключения Парижских соглашений). Обозначенный выше конфликт потребовал задействования больших масс войск, особенно сухопутных, не в Европе, а Азии. В результате была нарушена базовая для «холодной войны» схема развёртывания и вероятного использования армии Соединённых Штатов, состоящая из следующих элементов:

– внесение заметного вклада в комплектование *I стратегического эшелона* войск НАТО – прежде всего ЦГА в южной части ФРГ. Здесь находились V и VII армейские корпуса США. Основу каждого из них

³⁴ Навязывание доминирующей роли США не давлением, но побуждением в выверенно-аккуратных формах.

составляли две дивизии: бронетанковая и механизированная [Fleckenstein 1990: 2];

– в глубине зоны ответственности (II эшелон) находились относительно небольшие контингенты американских войск;

– главные силы армии и ВС в целом размещались в самих США (III эшелон), готовые к оперативной переброске в Европу крупных сил: не менее двух бронетанковых, трёх механизированных и лёгкой дивизий. Комплекты вооружений и техники для большинства этих соединений были заблаговременно перемещены в места возможного развёртывания³⁵.

На тихоокеанском направлении армия США была представлена тремя пехотными дивизиями: по одной в Республике Корея, на Гавайях и Аляске. Группировка ВС в Японии почти целиком состояла из частей корпуса морской пехоты (КМП)³⁶.

В конце 1960-х годов во Вьетнам была переброшена существенная часть сухопутных формирований, которые дислоцировались в континентальной части Соединённых Штатов [Дэвидсон 2002: 423–560]. Они представляли собой основу войск, рассматриваемых как III эшелон сил НАТО. Это означало его фактическое отсутствие, особенно в ситуации отказа Вашингтона от мобилизации. Более того, из группировок в Европе, в основном из I стратегического эшелона в ФРГ, был изъят ряд частей, из других – подготовленные кадры с заменой на менее боеспособные [Истомин, Соколов 2021: 65]. Все эти меры оказались временными и перестали осуществляться в основном уже в начале 1970-х годов. Тем не менее США чётко продемонстрировали, что в кризисной для них ситуации на Тихом океане они готовы пойти на резкое фактическое ослабление обязательств перед европейски-

ми союзниками. На краткосрочном отрезке – в первой половине 1970-х годов – осознание данного положения стало одной из причин активного участия европейских континентальных государств–членов НАТО в разрядке и интенсификации усилий самих США по нормализации отношений с КНР. Параллельно в ряде стран–участниц Альянса в Европе стартовал процесс увеличения армии: так, в 1969–1979 годах бундесвер вырос с 455 до 500 тыс. военных³⁷.

В долгосрочной перспективе опыт конца 1960-х годов был учтён в поиске таких форм структурирования военного потенциала под эгидой НАТО, которые обеспечили бы американской стороне максимальную свободу манёвра в плане использования войск, главным образом сухопутных, без существенной утраты влияния. В условиях сокращения ВС и особенно армии в 1990-х – середине 2010-х годов Вашингтон в европейской части зоны ответственности НАТО старался найти оптимальное соотношение для противоречащих друг другу положений. С одной стороны, уменьшение присутствия США в Европе было значительным. С другой – оно сохранялось: стоит отметить широкую географию баз, выступающих среди прочего в качестве военно-логистических центров. Таковые, в основном в Германии, использовались для транзита личного состава, вооружений и военных грузов в другие регионы – прежде всего в Ирак и Афганистан. Если в 1990 г. на территории ФРГ находилось 239 тыс. американских военных, в том числе 15 бронетанковых (*бртбр*) и пехотных (*пбр*) бригад, бронекавалерийских полков бригадного типа (*бркп*)³⁸, то на конец 2010-х годов – только 35 тыс. военных [Истомин, Соколов 2021: 62], лишь один *бркп*.

³⁵ Зверев Ю.М. Вооружённые силы США в Европе: от Первой мировой до объединения Германии // Евразия-эксперт. 16.05.2017. URL: <https://eurasia.expert/vooruzhennye-sily-ssha-v-evrope-ot-pervoy-mirovoy-do-obedineniya-germanii/> (дата обращения: 05.12.2023).

³⁶ Military Presence. U.S. Personnel in the Pacific Theater. GAO/ NSIAD-91-192. Washington: US General Accounting Office, 1991. P. 28, 31.

³⁷ Die Bundeswehr im Kalten Krieg // BMVg. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/kalter-krieg> (дата обращения: 05.12.2023).

³⁸ Military Presence. U.S. Personnel in NATO Europe. GAO/NSIAD-90-04. Washington: US General Accounting Office, 1990. P. 27, 38–39.

Таблица 1
«Рамочные государства» для VJTF

Год	Страна, принявшая функции «рамочной нации»	Задействованные силы национальных ВС
2015	(первый цикл) Германия	части от 1-й танковой дивизии
2016	Испания	7-я лёгкая <i>нбр</i> дивизии «Кастильехос»
2017	Италия	нет данных
2018	Великобритания	20-я <i>бртбр</i> 3-й пехотной дивизии
2019	Германия (<i>вне очереди</i>)	9-я учебная <i>тбр</i> 1-й танковой дивизии
2020	Польша	21-я <i>бр</i> 18-й механизированной дивизии
2021	Франция	компонент франко-германской <i>бр</i>
2022	Турция	66-я <i>лбр</i> 52-й бронетанковой дивизии
2023	(второй цикл) Германия	37 <i>млбр</i> 10-й танковой дивизии
2024	Великобритания	7-я лёгкая <i>мехбр</i> 1-й пехотной дивизии

Источник: рассчитано автором на основе данных NATO Response Force. News // NATO. 2023. URL: <https://www.nato.int/cps/en/natohq/news.htm> (accessed: 05.12.2023).

Ещё в начале 1990-х годов в военно-организационном плане был упразднён I стратегический эшелон войск НАТО, включая ЦГА, что резко сократило потенциал, который имелся в распоряжении Альянса. В 2002 г. администрация Дж. Буша-мл. выступила с инициативой по созданию сил быстрого реагирования — группировки блока нового типа. Она была *постоянной* по факту существования, но с *ротационным* принципом комплектования, а именно: сменой контингентов каждые 6–12 месяцев, причём абсолютное их большинство *выделялось европейскими государствами-членами* [Varwick 2007]. Споры вызвал круг предполагаемых задач СБР³⁹, но не сами принципы функционирования⁴⁰.

Таким образом, первый принципиальный шаг на пути будущей схемы распределения военной нагрузки был реализован по настоянию США более чем за десятилетие до начала конфронтации с Россией и за два десятилетия до СВО. В дальнейшем каркас

этой системы получил войсковое наполнение. В условиях динамичного роста численности и «ветвления» системы группировок НАТО в 2014–2023 годах европейские государства-члены вносили существенный вклад в комплектование СБР, ставших основой *NNFM*.

Особенности распределения нагрузки сдерживания России

В вопросе предоставления сил в состав группировок Альянса заметно различие подходов большинства «старых» (в составе блока ещё до 1990-х годов) и «новых» государств-членов. В рамках цикла 2015–2022 годов (табл. 1) в семи из восьми случаев именно первые страны принимали функции «рамочного государства»⁴¹ для наземного соединения VJTF как осевой компоненты СБР. С 2023 г. стартовал новый цикл.

Подобная ротация стран обусловлена количественными и качественными⁴² пара-

³⁹ Вопрос об активном применении в отдалении от зоны ответственности НАТО был решён отрицательно — в пользу использования внутри неё.

⁴⁰ NATO Response Force // NATO. 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49755.htm (accessed: 05.12.2023).

⁴¹ Понятие «рамочное государство» («рамочная нация») предполагает внесение конкретным государством наибольшей удельной нагрузки в состав многосторонней группировки и общее командование.

⁴² Широта спектра и тактико-технические характеристики образцов вооружений и военной техники собственной разработки и производства.

метрами их ВС. Кроме того, «старые» государства-члены расположены либо в глубине, либо в южной периферии зоны ответственности НАТО – на относительно удалении от передней линии конфронтации. Это распределение обеспечивало определённую свободу манёвра в плане использования войск. На практике же реализация данного «окна возможностей» всё более сводилась не к обеспечению присутствия в отдалении от зоны ответственности Альянса, прежде всего в странах происхождения конфликта с их экзистенциальными угрозами безопасности, но внутри неё посредством участия в развёртывании расширяющейся «линейки» группировок блока.

По нашему мнению, рост числа случаев вовлечения в различных формах в сдерживание России представлял для «старых» европейских стран-участниц НАТО всё более важный атрибут дееспособности. В период «холодной войны» была заложена предрасположенность этих государств-членов Альянса к передаче под командование его структур заметной части национальных ВС. Наиболее примечателен случай ФРГ: кадровые войска бундесвера были интегрированы в состав сил НАТО на 100%⁴³. Такой показатель был единственным и объяснялся условиями национального строительства ВС в контексте исторической ответственности Германии за развязывание Второй мировой войны, но он иллюстративен для понимания общего положения.

Степень подчинённости Альянсу войсковых единиц «старых» государств-членов, резко снизившись в 1990-х – начале 2010-х годов, вновь стала заметно возрастать в 2014–2023 годах. Темпы увеличения национальных ВСкратно отставали по

сравнению с наращиванием группировок НАТО. Размеры вооружённых сил в Великобритании в 2014–2021 годах уменьшились на 7,5 % (до 156 тыс. военных), во Франции – оставались практически без изменений (порядка 208 тыс. человек), в Германии – выросли на 3,5 % (до 184 тыс. военнослужащих). К 2014 г. штатная численность СБР составляла 13 тысяч, что предполагало резервирование около 100 тыс. солдат и офицеров для их комплектования. Между тем многонациональные группы передового присутствия (*Forward Presence, FP*) отсутствовали. В 2015–2022 годах первый показатель для СБР достигал уровня в 40 тыс. человек⁴⁴, что требовало резерва из порядка 280 тыс. военных. В этот же период были созданы *eFP* и *tFP* численностью на середину 2022 г. не менее 15 тыс. военнослужащих⁴⁵. Новая модель войск означала сосредоточение 800 тыс. военных, в том числе свыше 100 тыс. со сроком приведения в полную готовность до 10 дней, не менее 200 тысяч – до месяца⁴⁶. В то же время возможности стран-участниц по использованию войск под другой эгидой в промежутках между принятием нагрузки по линии НАТО сократились [Biscop 2022].

«Старые» государства-члены в разной степени участвовали в комплектовании группировок Альянса. Для наиболее крупных из них показателем трек принятия функций «рамочного государства» для наземного соединения *VJTF* (табл. 1). Наиболее заметным был вклад ФРГ. Она становилась первой по очерёдности в рамках каждого цикла комплектования. В частности, в 2015 г. был объявлен трёхкратный рост штатной численности СБР, а в 2023 г. статус «рамочной нации» совпал с переходом к новой модели войск. Более того, Германия взяла на себя эту роль в середине

⁴³ Die Bundeswehr im Kalten Krieg // BMVg. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/kalter-krieg> (дата обращения: 05.12.2023).

⁴⁴ NATO Response Force // NATO. 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49755.htm (accessed: 05.12.2023).

⁴⁵ NATO's military presence in the east of the Alliance // NATO. 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (accessed: 05.12.2023).

⁴⁶ New NATO Force Model // NATO. 08.07.2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_files2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf (accessed: 05.12.2023).

уже шедшего цикла в 2019 году, а перед тем стала «рамочным государством» для сухопутного соединения *VJTF* в ходе крупнейших учений Альянса *Trident Juncture 18*. Они проходили в Норвегии в октябре – ноябре 2018 г. с участием более 50 тыс. военнослужащих⁴⁷. Тогда была задействована одна бригада бундесвера (41-я *мпбр*), а в 2019 г. – уже 9-я учебная *тбр*⁴⁸, что демонстрировало повышенные возможности ВС ФРГ по комплектованию группировок Альянса.

Все эти меры представляли единый ряд, нацеленный на демонстрацию повышенной готовности и способности ФРГ участвовать в комплектовании *VJTF* в роли «рамочного государства» как можно чаще. Следующим шагом стал сам факт чёткого обозначения вклада Германии в новую модель войск (июль 2023 года) и его размер для двух первых её категорий – 35 тыс. военных к 2025–2026 годам⁴⁹, что составляет почти 12% от общей численности в 300 тыс. военных. Это решение потребует задействования от сухопутных войск 4–5 бригад, то есть до $\frac{2}{3}$ от нынешнего их числа в бундесвере (7,5 бригады) и до $\frac{1}{2}$ от планируемого количества во второй половине 2030-х годов (15,5–17,5 формирования⁵⁰). Заметное повышение интегрированности ВС Германии в силы Альянса станет оборотной стороной занятия лидирующей позиции при комплектовании новой модели войск, ограничивая возможности ФРГ использовать бундесвер по иной, вне НАТО, международно-правовой эгидой.

Внеочередное принятие ФРГ функций «рамочного государства» для *VJTF* (2019) негласно разделило остальных его «комплектаторов» на две части. Одни в лице Великобритании, Испании и Италии проявляли высокую готовность содействовать этому процессу, что контрастировало с позицией Турции и Франции – «старых» стран-участниц. Прослеживается прямая зависимость между подходом каждого из указанных игроков и характером его отношений с США в стратегической сфере. Соединённое Королевство оставалось для Вашингтона ближайшим союзником. В случае Испании и Италии показательно увеличение военного присутствия США на их территории в 2022–2023 годах⁵¹. Оба южноевропейских государства были заинтересованы в дополнительной помощи в случае роста угроз безопасности в Средиземноморье. Напротив, не только Турция, но и Франция стремилась подчеркнуть дистанцированность от Вашингтона. Подход Парижа к комплектованию *VJTF* был созвучен заявлению президента Э. Макрона «о смерти мозга НАТО» [Тимофеев, Хорольская 2022]. Уже отмечалось, что Анкара позже других присоединилась к комплектованию СБР, *eFP* и *tFP*, так и не став «рамочным государством» ни для одной из боевых групп СПР. Франция пошла на указанный шаг много позже Германии и англосаксонских держав – лишь с 2022 года.

Между тем восточноевропейские страны-участницы, особенно страны Балтии, Польша и Румыния, подчёркивали своё распо-

⁴⁷ Trident Juncture 2018 // NATO. 2018. URL: <https://www.nato.int/cps/en/natohq/157833.htm> (accessed: 05.12.2023).

⁴⁸ Germany steps up to lead NATO high readiness force // NATO. 01.01.2019. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_161796.htm (accessed: 05.12.2023).

⁴⁹ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz zum Gipfeltreffen der NATO am 12. Juli 2023 in Wilna // Bundeskanzleramt. 12.07.2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-zum-gipfeltreffen-der-nato-am-12-juli-2023-2202034> (дата обращения: 05.12.2023).

⁵⁰ Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen // DBwV. 19.04.2017. URL: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volledivisionen-bekommen/> (дата обращения: 05.12.2023).

⁵¹ Fact Sheet – U.S. Defense Contributions to Europe // US DoD. 29.06.2022. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/> (accessed: 05.12.2023).

ложение в передовой части зоны ответственности НАТО. Они стремились стать реципиентами масштабного военного присутствия под эгидой Альянса, но одновременно избежать передачи в состав его группировок своих войск, то есть оставить их под национальным командованием. Вместе с тем многие формирования тесно сотрудничали с войсковыми единицами НАТО, размещаемыми вблизи их мест постоянной дислокации. В качестве примера можно привести кооперацию многосторонней боевой группы СПР («рамочное государство» – ФРГ) и бригады «Железный волк» ВС Литвы в районе г. Рукла⁵², «тяжёлой» бригады США с 11-й бронетанковой и 12-й механизированной дивизиями Польши⁵³. Эти войска образовывали совместные группировки с соответствующими формированиями под флагом НАТО, что значительно усиливало их потенциал. Сама логика развития конфронтации в увязке с географическим положением восточно-европейских государств–членов Альянса обеспечивала связь с ним даже в условиях их невысокой степени интегрированности в силы блока. Отсюда вытекает отсутствие заметной критики со стороны США в адрес государств Центрально-Восточной Европы за недостаточный вклад непосредственно в комплектование группировок Альянса.

Не менее значимым было повышенное внимание Вашингтона к тем партнёрам, которые расположены вблизи линии размежевания, особенно у наиболее значимых её отрезков. В период «холодной войны» это положение относилось прежде всего к ФРГ, в реалиях начала 2020-х годов – к Польше, Румынии, республикам Балтии и Норвегии с последующим добавлением

к ним Финляндии и Швеции. В контексте рассматриваемого вопроса о распределении конвенциональной нагрузки для США были особенно важны ускоренный рост военного потенциала как минимум части данных стран, а также более активное его использование для сдерживания России.

Например, движение Польши по пути создания самых крупных наземных сил среди европейских стран–участниц НАТО (их увеличение с 4 до 6 дивизий, с 14 до 22–23 войсковых бригад⁵⁴) означало не просто существенное дополнение СПР Альянса, заметно меньших по численности, но полноценное оформление в сочетании с ними ядра военного присутствия западных стран вблизи границ Российской Федерации и Беларуси. Тем самым Войско Польское воспроизводило роль и траекторию развития бундесвера в период «холодной войны». Во второй половине 1950-х–1960-е годы расположенная на тогдашней передовой линии ФРГ развернула крупнейшие сухопутные силы среди европейских государств–членов НАТО⁵⁵.

Вместе с тем Соединённые Штаты были готовы разместить заметно меньшие силы в новой, возникшей в результате расширения конца 1990–2000-х годов передовой части зоны ответственности Альянса. Это положение относилось и к Польше, несмотря на постоянное декларирование её статуса как особо ценного партнёра. Темпы наращивания войск США заметно отставали от ожидаемых со стороны Варшавы. В частности, при Д. Трампе не были реализованы планы как по созданию форта в его честь (района дислокации группировки дивизионного уровня), так и по переводу в эту страну на постоянной основе трети

⁵² Iron Wolf: Höhepunkt jeder EFP-Rotation // BMVg. 01.07.2019. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/anerkannte-missionen/efp-enhanced-forward-presence/iron-wolf--67288> (accessed: 05.12.2023).

⁵³ Increasing the US military presence in Poland // Gov.pl. 2023. URL: <https://www.gov.pl/web/national-defence/increasing-the-us-military-presence-in-poland> (accessed: 05.12.2023).

⁵⁴ См.: Kiedy powstanie szósta dywizja WP? Błaszczak: Rozpocznijmy formowanie w 2023 roku // RP.pl. 01.09.2023. URL: <https://www.rp.pl/polityka/art39041121-kiedy-powstanie-szosta-dywizja-wp-blaszczak-rozpocznijmy-formowanie-w-2023-roku> (дата обращения: 05.12.2023).

⁵⁵ Die Bundeswehr im Kalten Krieg // BMVg. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/kalter-krieg> (дата обращения: 05.12.2023).

(12 тыс. военных) сил США из ФРГ⁵⁶. При Дж. Байдене их присутствие в Германии продолжало оставаться заметно большим, чем в Польше. На 2023 г. первый показатель составлял до 40 тыс. военных, второй — лишь около 12 тыс. военнослужащих⁵⁷.

Вашингтон не был готов сокращать присутствие в ФРГ ниже отметки в 35 тыс. военных. Неосуществлённые планы Д. Трампа по выводу сил из Германии были иррациональным для данной логики исключением. В то же время содержание ВС США⁵⁸ могло на практике заметно варьироваться. Посредством достаточно крупного по размерам присутствия, которое представлялось как практическая инвестиция в систему безопасности и обороны партнёра, американская сторона сохраняла возможности влияния на Берлин. В частности, речь идёт о стимулировании последнего к внесению самого активного и объёмного вклада в комплектование сил НАТО. Размещённая в Германии группировка, в свою очередь, выполняла функцию резерва — например, для сменного комплектования СПР.

Размер нижнего предела присутствия американских ВС в ФРГ (35 тысяч) оказывал заметное влияние на их военные возможности в Восточной Европе с учётом лимита сил, которые Вашингтон был готов одновременно держать в этой части света

достаточно длительное время. Его группировки в Европе уже к 2022 г. были увеличены с 60 до 80 тысяч, а в январе–феврале 2022 г. в основном ещё до начала СВО доведены до 100 тыс. военных⁵⁹. Тем не менее к 2024 г. они вновь сократились до 80 тыс. военнослужащих⁶⁰. Этот показатель видится оптимальным для США с точки зрения соотношения задач и возможностей на середину 2020-х годов. Его значение в 4 раза меньше размера присутствия в Европе на конец 1980-х годов — 319 тыс. военнослужащих⁶¹.

Большая часть американских войск в Европе как во время «холодной войны», так и на начало 2020-х годов относилась к армии. К тому же в ходе конфронтации второй половины XX века войсковые единицы развёртывались на *постоянной* основе. На начало 2020-х годов таковыми были лишь формирования в Германии (прежде всего 2 *бркп*, бригады артиллерийская и армейской авиации) и Италии (173-я воздушно-десантная бригада, *вдбр*). Они суммарно составляли две войсковые наземные бригады⁶². В Восточной Европе с 2014 г. речь шла о *ротационном* присутствии (контингенты от США обновлялись не каждые полгода, как в случае европейских государств-членов, а девять месяцев). Одна причина — логистические сложности из-за

⁵⁶ Major US military units to leave Germany as part of large drawdown to begin within weeks, Esper says // Stars and Stripes. 29.07.2020. URL: <https://www.stripes.com/theaters/europe/major-us-military-units-to-leave-germany-as-part-of-large-drawdown-to-begin-within-weeks-esper-says-1.639217> (accessed: 05.12.2023).

⁵⁷ «Украина — это только начало». США отправляют войска в Европу. Чем ответит Россия на усиление боевой мощи НАТО? // Lenta.ru. 27.11.2023. URL: <https://lenta.ru/articles/2023/11/27/us-presence/> (дата обращения: 05.12.2023).

⁵⁸ По родам войск; боевым и небоевым частям.

⁵⁹ Fact Sheet — U.S. Defense Contributions to Europe // US DoD. 29.06.2022. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/> (accessed: 05.12.2023).

⁶⁰ Letter to the Speaker of the House of Representatives and President pro tempore of the Senate regarding the War Powers Report. 07.12.2023. White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2023/12/07/letter-to-the-speaker-of-the-house-of-representatives-and-president-pro-tempore-of-the-senate-regarding-the-war-powers-report/> (дата обращения: 08.12.2023).

⁶¹ Military Presence. U.S. Personnel in NATO Europe. GAO/NSIAD-90-04. Washington: US General Accounting Office, 1990. P. 27.

⁶² Statement of general Christopher G. Cavoli, United States Army. United States European Command. 26.04.2023. DoD. URL: <https://armedservices.house.gov/sites/republicans.armedservices.house.gov/files/04.26.23%20Cavoli%20Statement%20v2.pdf> (дата обращения: 05.12.2023).

Таблица 2
 Схема ротационного комплектования АВСТ

Номер ротации	Сроки	Прибыла
1	I.2017 – IX.2017	3-я бртбр 4-й пехотной дивизии ⁶³
2	IX.2017 – V.2018	2-я бртбр 1-й пехотной дивизии ⁶⁴
3	V.2018 – II.2019	1-я бртбр 1-й кавалерийской дивизии
4	II.2019 – X.2019	1-я бртбр 1-й пехотной дивизии ⁶⁵
5	X.2019 – VII.2020	2-я бртбр 1-й кавалерийской дивизии
6	VII.2020 – VII.2021	1-я бртбр 1-й кавалерийской дивизии ⁶⁶
7, 8bis	VIII.2021 – VII.2022	1-я бртбр 1-й пехотной дивизии ⁶⁷
8	III.2022 – XII.2023	3-я бртбр 4-й пехотной дивизии ⁶⁸
9	VIII.2022 – II.2023	3-я бртбр 1-й кавалерийской дивизии ⁶⁹
10	II.2023 – IX.2023	2-я бртбр 1-й кавалерийской дивизии
11	C IX.2023	2-я бртбр 3-й пехотной дивизии ⁷⁰

Источник: составлено автором.

расстояния. Другая, не столь заметная на первый взгляд, заключается в достаточно жёсткой ограниченности тех формирований США, которые могли быть поочередно привлечены.

В 2014–2016 годах в Восточной Европе были развёрнуты лишь отдельные ротные тактические группы – суммарно порядка 1 тыс. военных. В основном они комплектовались подразделениями из состава аме-

риканского контингента в ФРГ. С 2017 г. Соединённые Штаты развернули в составе СПР в национальном качестве ротационные бронетанковую («тяжёлую») бригадную группу (АВСТ, *armored brigade combat team*), часть бригады армейской авиации, контингенты для которых прибывали из самих США. АВСТ главными силами располагалась в Польше, а авангардами – в республиках Балтии. В табл. 2 представ-

⁶³ EUCOM Commander: U.S. Armored Brigade's Deployment to Poland 'Significant' // DoD. 12.01.2017. URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/1048463/eucom-commander-us-armored-brigades-deployment-to-poland-significant/> (accessed: 05.12.2023).

⁶⁴ "US New tank brigade arrives in Europe for mission in the east" // Stars and Stripes. 21.09.2017. URL: <https://www.stripes.com/migration/2017-09-13/New-tank-brigade-arrives-in-Europe-for-mission-in-the-east-1534593.html> (accessed: 05.12.2023).

⁶⁵ Devil Brigade on the move in Europe // DVIDS. 08.02.2019. URL: <https://www.dvidshub.net/news/309999/devil-brigade-move-europe> (accessed: 05.12.2023).

⁶⁶ U.S. Soldiers Arrive in Poland with COVID-19 Protocols in Place // DoD. 13.08.2020. URL: <https://www.defense.gov/News/Feature-Stories/Story/Article/2309221/us-soldiers-arrive-in-poland-with-covid-19-protocols-in-place/> (accessed: 05.12.2023).

⁶⁷ 1st ABCT, 11D arrives for Atlantic Resolve // DVIDS. 09.07.2021. URL: <https://www.dvidshub.net/news/400645/1st-abct-11d-arrives-atlantic-resolve> (accessed: 05.12.2023).

⁶⁸ US poised to have three armored brigades in Europe at once as troop numbers climb // Stars and Stripes. 22.03.2022. URL: <https://www.stripes.com/branches/army/2022-03-22/us-army-tanks-europe-poland-russia-ukraine-5433311.html> (accessed: 05.12.2023).

⁶⁹ US 3rd Armored Brigade Combat Team of 1st Cavalry Division deploying in Poland // Army recognition. 01.08.2022. URL: https://www.armyrecognition.com/defense_news_august_2022_global_security_army_industry/us_3rd_armored_brigade_combat_team_of_1st_cavalry_division_deploying_in_poland.html (accessed: 05.12.2023).

⁷⁰ Spartan Brigade assumes authority from Black Jack Brigade // DVIDS. 23.09.2023. URL: <https://www.dvidshub.net/news/454164/spartan-brigade-assumes-authority-black-jack-brigade> (accessed: 05.12.2023).

лен список бригад армии США, участвовавших в комплектовании такой бригадной группы. Кроме того, Вашингтон стал «рамочным государством» для многосторонней БТГ *eFP* в Польше: её в основном комплектовал 2-й *бркп*.

В январе–феврале 2022 г. США осуществили кратковременное увеличение числа наземных бригад. В западные воеводства Польши и страны Балтии была направлена очередная *АВСТ* и одновременно пролонгирован срок завершавшей таковую (см. табл. 2). Параллельно в южные районы Республики Польша была переброшена бригада из 82-й воздушно-десантной дивизии⁷¹, которая наряду со 101-й таковой традиционно составляла общий резерв армии. Выбор района для её размещения объяснялся не только близостью украинской границы, но и расположением здесь обеих аэромобильных бригад армии Польши. Таким образом, на территории этой страны оказались силы сразу трёх бригад наземных сил США.

В Германию была дополнительно направлена в качестве *АВСТ* 1-я *бртбр* 3-й пехотной дивизии⁷². В стране были сосредоточены две «тяжёлые» бригады с учётом 2 *бркп*. Всего, включая 173-ю воздушно-десантную бригаду, в Европе временно оказались 6 войсковых бригад армии США – 4 «тяжёлые» и 2 «лёгкие», то есть до 20 % от их общего количества в 32 формированиях⁷³.

Такая объёмная в удельном плане нагрузка, будучи нормальностью для «холодной войны», на начало 2020-х годов оказалась чрезмерной для Вашингтона. Сам факт её наличия, хоть и на коротком временном отрезке, был использован США для стимулирования партнёров к принятию новой модели войск НАТО и декларированию мер по масштабному росту вклада в комплектование СПР. Одновременно на Мадридском саммите Альянса (29–30 июня 2022) администрация Дж. Байдена озвучила контуры перспективного облика военного присутствия Соединённых Штатов в Европе. Эта схема уже являлась *проактивной*. Отзывая или уже отозвав три временно размещённые бригады (две из Польши, включая воздушно-десантную, одну из Германии⁷⁴), Вашингтон одновременно:

- перебрасывал в ФРГ штабы и ряд подразделений инженерной и ПВО бригад. Численно они замещали убывшую *АВСТ*;
- развёртывал пехотную («лёгкую») ротационную бригаду (*IBCT, infantry brigade combat team*), главные силы которой располагались в Румынии. На практике *IBCT* стала функционировать с октября 2022 года, а к концу 2023 г. в этом качестве были поочерёдно использованы все три бригады 101-й воздушно-десантной дивизии⁷⁵;
- заявлял о планах по учреждению второй ротационной *АВСТ*⁷⁶. До весны 2023 г. в Польше и странах Балтии продолжали

⁷¹ 3,000 more US troops from 82nd Airborne head to Poland amid Ukraine invasion concerns // ABC-news. 11.02.2022. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/3000-us-troops-82nd-airborne-head-poland-amid/story?id=82834091> (accessed: 05.12.2023).

⁷² Austin Orders Fort Stewart Armored Brigade Combat Team to Europe // DoD. 24.02.2022. URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2945855/austin-orders-fort-stewart-armored-brigade-combat-team-to-europe/> (accessed: 05.12.2023).

⁷³ U.S. Army // US.gov. 2023. URL: <https://www.usa.gov/agencies/u-s-army> (accessed: 05.12.2023).

⁷⁴ Thousands more soldiers will be posted to Europe and rotating through // Your army. 29.06.2022. URL: <https://www.armytimes.com/news/your-army/2022/06/29/thousands-more-soldiers-will-be-posted-to-europe-and-rotating-through/> (accessed: 05.12.2023).

⁷⁵ Secretary of Defense Lloyd J. Austin III Welcomes Romanian Defense Minister Angel Tilvar to the Pentagon // DoD. 30.03.2023. URL: <https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript/Article/3347018/secretary-of-defense-lloyd-j-austin-iii-welcomes-romanian-defense-minister-ange/> (accessed: 05.12.2023); U.S. Army Combat Brigade Teams host transfer of authority ceremony in Romania // DVIDS. 24.11.2023. URL: <https://www.dvidshub.net/news/458535/us-army-combat-brigade-teams-host-transfer-authority-ceremony-romania> (accessed: 05.12.2023).

⁷⁶ Fact Sheet – U.S. Defense Contributions to Europe // US DoD. 29.06.2022. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/> (accessed: 05.12.2023).

находиться параллельно сразу две *бртбр* (см. табл. 2). Вместе с тем вплоть до начала 2024 г. данная практика не была возобновлена.

В 2017–2023 годах в качестве бронетанковой бригадной группы в северной части Восточной Европы и в Германии были задействованы суммарно 9 из 13 бронетанковых бригад и полков аналогичного уровня в армии США⁷⁷ – почти 70 %. Примечательно, что одновременно были использованы до четырёх *бртбр* или *бркп*, а обычно – лишь два таких формирования. В 2022–2023 годах роль *ИВСТ* в южной части Восточной Европы и в Италии выполняли силы 5 из 7 *вдбр* армии США⁷⁸, что также составляло 70 %. Между тем одновременно так были применены лишь две бригады. В целом в Европе с 2017 по 2023 г. развёртывались 14 войсковых бригад наземных сил, включая 2 постоянно дислоцированных, но одномоментно не более 6 таковых. Этот показатель наблюдался в феврале–июне 2022 года, а к весне 2023 г. число бригад в Европе упало до 4 единиц.

Иными словами, размеры суммарного и одномоментного задействования армии США в Европе отличались к началу 2024 г. в 3,5 раза. Это расхождение служит наглядной иллюстрацией той стратегической гибкости, которую Вашингтон смог обеспечить в рамках распределения нагрузки в выстраивании конфронтации с Россией и Китаем. Номинальное задействование 14 бригад позволяло *технически* реактуализировать опыт временной передислокации в Европу заметной части наземных сил США. Это было эффективной мерой для стимулирования партнёров к более активному использованию ВС под эгидой НАТО для сдерживания России.

Число фактически задействованных одновременно бригад (4, в перспективе 5, на очень коротком отрезке – 6 таковых) позволил Вашингтону резервировать

основные силы армии для различных форм усиления сдерживания КНР. Подавляющая их часть в Европе – как в передовой части зоны ответственности⁷⁹, так и в глубине – представляла национальные формирования с командованием собственно США. Показательно в этой связи размещение в Польше штабов V армейского корпуса на постоянной основе и «тяжёлой» дивизии (ротация), в Румынии – управление «лёгкой» дивизии (ротация). При этом Вашингтон был заинтересован в образовании европейскими государствами–членами НАТО многосторонних группировок и штабов, причём последние с заметным участием США. Тем самым Вашингтон обеспечивал встроенный контроль над контингентами союзников.

Если большинство сил Соединённых Штатов в Европе оставалось в глубине зоны ответственности НАТО⁸⁰, то наземные бригады – в передовой её части. США вносили заметный вклад в комплектование сил *eFP* и *tFP*, делая минимум в случае СБР. Вашингтон реализовывал тактику *подачи примера действий в авангарде*, стимулируя партнёров к последующим более масштабным шагам. Таким образом обеспечивался «эффект колеи» в деле военного участия европейских государств–членов НАТО в сдерживании России.

Данную тактику Вашингтон использовал и в вопросах оказания разноаспектной помощи Киеву – уже за пределами зоны ответственности Альянса. В предоставлении Украине вооружений и военной техники важную роль играл формат «Рамштайн». Символично его название в честь обширной военной базы США в ФРГ. Вашингтон на фоне озвучивания своих планов по направлению военной помощи координировал проекты, реализуемые европейскими государствами–членами [Mills 2023: 8, 35–36]. Иллюстративен случай направления танков западного производ-

⁷⁷ U.S. Army // US.gov. 2023. URL: <https://www.usa.gov/agencies/u-s-army> (accessed: 05.12.2023).

⁷⁸ Ibid.

⁷⁹ За исключением компонента в составе многосторонних формирований СГР.

⁸⁰ Речь идёт о Германии и Италии.

ства в январе 2023 года. Старт обсуждения вопроса о предоставлении Соединёнными Штатами машин типа *Abrams* сочетался с решением Великобритании по *Challenger 2* и Франции по лёгким *AMX 10*. Он повлиял на готовность ФРГ начать поставки собственных *Leopard 2* и *Leopard 1*, снять запрет на передачу Украине танков этих типов для других европейских государств—членов НАТО. Вместе с тем в летне-осеннем наступлении ВСУ 2023 г. оказались задействованы десятки *Leopard*, некоторое количество *AMX 10*, буквально единичные *Challenger 2*⁸¹ и ни одной (!) машины *Abrams*, которые прибыли позже.

Схожая ситуация сложилась с подготовкой личного состава бригад стратегического резерва Украины, которым отводилась ключевая роль в попытках прорыва обороны ВС Российской Федерации. США в конце 2022 г. стали ставить вопрос о подготовке кадров ВСУ. Великобритания запустила программу *Interflex* с вовлечением группы стран—участниц НАТО в национальном качестве, но без Германии и Франции⁸². Эти действия во многом предопределили учреждение под эгидой ЕС военно-тренировочной миссии *EUMAM*⁸³. Всего западные страны подготовили к использованию в летне-осеннем наступлении ВСУ 2023 г. 36 тыс. военнослужащих, из которых порядка 30 тыс., или свыше 80 %, европейскими странами—участницами по линии *Interflex* и *EUMAM*. Большинство сил, обученных самими США, были введены в бой последними⁸⁴.

На всех рассмотренных треках прямой поддержки Киева не был задействован механизм НАТО. К числу причин относи-

лось не только желание Запада реализовать чувствительные для России меры так, чтобы не допускать неконтролируемой эскалации. США также пытались *не просто обеспечить «эффект колеи» в деле помощи Украине со стороны европейских стран-участниц, но сделать его постоянным* даже в случае заметного сокращения поддержки со своей стороны. Такая ситуация возникла зимой 2023/24 года. Тем не менее даже ФРГ, занимавшая в 2023 г. второе место после США по объёмам предоставления вооружений и военной техники, не свободна от отдельных признаков колебаний⁸⁵. Это наблюдение подтверждает отсутствие поставок крылатых ракет воздушного базирования *Taurus*. Вместе с тем схема распределения военно-конвенциональной нагрузки в деле сдерживания России функционировала успешно. Решающий вклад в комплектование группировок НАТО и заметную роль в поставках вооружений и военной техники Киеву вносили европейские континентальные государства-члены. Подобное распределение позволяло Вашингтону резервировать свои ресурсы, особенно личный состав ВС, для противодействия КНР.

Военно-конвенциональное измерение системы сдерживания Китая

Организация эффективной системы противодействия КНР требовала от США решения трёх групп задач военного характера:

- наращивания и оптимизации использования собственных сил в АТР;
- углубления, особенно в институциональном плане, сотрудничества с располо-

⁸¹ См.: Брифинги // Министерство обороны РФ. 2023. URL: https://z.mil.ru/spec_mil_oper/brief/briefings.htm (дата обращения: 05.12.2023).

⁸² Operation Interflex // Forsvaret.no. 2023. URL: <https://www.forsvaret.no/en/exercises-and-operations/international-operations/interflex> (accessed: 05.12.2023).

⁸³ Germany — EUMAM UA // BMVg. 2023. URL: <https://www.bundeswehr.de/en/organization/further-fmod-departments/bundeswehr-homeland-defence-command/germany-eumam-ua> (accessed: 05.12.2023).

⁸⁴ «Указать русским их место»: как проявили себя подготовленные НАТО бойцы ВСУ // РИА Новости. 19.09.2023. URL: <https://ria.ru/20230919/podgotovka-1897031813.html> (дата обращения: 05.12.2023).

⁸⁵ «In dem Sinne bin ich auch Pazifist» // Die Zeit. 06.12.2023. URL: <https://www.zeit.de/2023/52/boris-pistorius-bundeswehr-ukraine-krieg> (дата обращения: 15.12.2023).

женными в регионе союзниками, прежде всего Австралией и Японией; близкими партнёрами, в основном Южной Кореей. Здесь следовало вновь учитывать фактор Британии. Обладая ограниченными ресурсами в регионе, она проявляла повышенную инициативность, в ряде случаев опережая США при инициировании многосторонних усилий [Васильев 2022];

– вовлечения массива европейских континентальных стран–участниц НАТО.

Первые две группы задач были наиболее важными; третья имела ограниченное военно-практическое значение, но весьма значима политически. Символом новой стратегии США в регионе стала реорганизация в 2018 г. Тихоокеанского командования ВС в Индо-Тихоокеанское.

Ко времени завершения «холодной войны» Соединённые Штаты располагали в Европе и в Азии примерно равными по численности группировками – по 319 и 298 тыс. военнослужащих соответственно⁸⁶. К 2024 г. ситуация стала иной: на первом направлении имелось 80 тыс. военных, на втором – 375 тыс. человек⁸⁷. Речь идёт о 5,9 и 28,5% от численности военного персонала США⁸⁸. Что касается родов войск, то в Европе основу составляли наземные силы, на Дальнем Востоке – преимущественно ВМС и корпус морской пехоты (КМП), в меньшей степени армия. В частности, в АТР действовали два обычно наиболее сильных по составу оперативных флота: 3-й (восточная часть Тихого океана) и 7-й (западные акватории Тихого и восточные Индийского океанов). Тем не менее именно в случае американских наземных сил, особенно благодаря новой модели войск НАТО, США обеспечили себе возможность привлечения больших

ресурсов для использования в АТР. Если в конце 1980-х годов крупный контингент войск, который был дислоцирован в основной (без Гавайских островов и Аляски) части страны, предназначался, как правило, для подкрепления группировки в Европе, то в начале 2020-х годов ситуация поменялась. Заметная часть данной мощи была перенацелена на АТР.

Располагавшиеся в регионе на суше силы Соединённых Штатов образовывали три основные линии, или, точнее говоря, наборы отрезков, отделённых друг от друга морями:

(1) прилегающая к КНР состояла прежде всего из группировок в Южной Корее (2-я пехотная дивизия, на постоянной основе имела две бригады страйкеров) и Японии (3-я дивизия КМП);

(2) расположенная на островах, относящихся к территории США, в восточной части Тихого океана. Речь идёт главным образом о Гавайях, где размещалась 25-я пехотная дивизия, имевшая с 2022 г. в своём составе две бригады;

(3) проходившая по западному побережью Соединённых Штатов. Здесь были от КМП 1-я дивизия в Калифорнии, от армии – управление 7-й дивизии⁸⁹ в штате Вашингтон.

Отдельно следует выделить Аляску, где в 2022 г. было создано управление новой американской армии – 11-й. В её состав были переданы две бригады из четырёх от 25-й пехотной дивизии. По сути, 11-я дивизия была автономна внутри объединения сил Индо-Тихоокеанского командования. Её подразделения в 2023 г. отработали переброску и развёртывание войск в северной части Финляндии, что планируется делать и в соответствующих районах

⁸⁶ Military Presence. U.S. Personnel in NATO Europe. GAO/NSIAD-90-04. Washington: US General Accounting Office, 1990. P. 27; Military Presence. U.S. Personnel in the Pacific Theater. GAO/NSIAD-91-192. Washington: US General Accounting Office, 1991. P. 27.

⁸⁷ U.S. Defense Infrastructure in the Indo-Pacific: Background and Issues for Congress. R47589. Washington: US Congress, 2023. P. 1.

⁸⁸ Рассчитано на основе: Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2023). Brussels: NATO, 2023. P. 12.

⁸⁹ U.S. Defense Infrastructure in the Indo-Pacific: Background and Issues for Congress. R47589. Washington: US Congress, 2023. P. 2–18.

Швеции⁹⁰. Эти учения стали важным дополнением усилий США по укреплению присутствия в приарктических районах Норвегии – преимущественно в губернии Финнмарк. Соответствующие усилия активно прилагались уже с 2017 года⁹¹, в том числе в ходе учений *Trident Juncture 18*. Они отражали растущий интерес к Северному Ледовитому океану, а 11-я воздушно-десантная дивизия и отработавшие применение в Финнмарке силы стали основой арктических войск, которые являются трансконтинентальными в применении. Пример 11-й дивизии представлял исключение из правила: использование сил, формально закреплённых за Индо-Тихоокеанским командованием, в Европе.

Возможности армии могли быть использованы в основном для усиления первой и третьей линий присутствия в АТР. В Южной Корее функционировала ротационная *ABCT*. Эту роль поочередно выполнял ряд из тех *бртбр*, которые аналогичным образом использовались в Восточной Европе⁹². Этот пример ротации также демонстрирует гибкость США в использовании войсковых единиц. В штате Вашингтон было размещено управление дивизии, не имевшее в постоянном подчинении войсковых единиц. Этот штаб был способен принять командование над экстренно переброшенными на данный участок западного побережья Соединённых Штатов бригадами из других дивизий с юга и востока страны, а также рядом вновь формируемых войсковых единиц. Таким образом, США без развёртывания дополнительных управлений могли усилить свою группировку в АТР до четырёх бригад

наземных войск, тем самым удвоив их количество. Данное положение позволяло по линии КМП укреплять вторую линию построения сил. Согласно планам ещё 2020 года, 9 тыс. морских пехотинцев из Японии перебрасывались на Гавайи, Гуам и север Австралии [Иванов 2020: 48].

Этот факт являлся частной иллюстрацией сразу двух тенденций. Одна из них – укрепление сотрудничества Вашингтона с Токио и Сеулом, притом с институциональным оформлением «треугольника» на фоне совместной заинтересованности в сдерживании КНДР, а де-факто и КНР [Истомин 2023]. Политические рамочные условия означали, что мощные ВС Японии и Республики Корея вкпе с американской группировкой создавали значительный потенциал в части полупериметра противодействия *к северу от Тайваня*.

Другая тенденция – углубление сотрудничества с Австралией и в меньшей степени Новой Зеландией, реализуемое США при поддержке Британии. Структура *AUKUS* заметно отличалась от *ANZUS* и *ANZUK* – предшественниц, возникших в период «холодной войны». В соответствии с договорённостями 2020-х годов планировалась постройка для использования Канберрой атомных подводных лодок без оснащения ядерным оружием [Васильев 2022], а также базирование аналогичных кораблей США и Британии уже с ядерным оснащением в австралийских портах. Перечисленные договорённости стали первыми масштабными шагами по обеспечению разнопланового продвинутого военно-технического сотрудничества внутри триады англосаксонских держав⁹³. Они позволяли закрыть

⁹⁰ Statement of general Christopher G. Cavoli, United States Army. United States European Command. 26.04.2023. DoD. URL: <https://armedservices.house.gov/sites/republicans.armedservices.house.gov/files/04.26.23%20Cavoli%20Statement%20v2.pdf> (дата обращения: 05.12.2023).

⁹¹ New Norway – USA Defense Agreement Allows Extensive US Authority in the North // High North News. 08.06.2022. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/new-norway-usa-defense-agreement-allows-extensive-us-authority-north> (accessed: 05.12.2023).

⁹² 2nd Armored Brigade Combat Team returns home from Republic of Korea rotation // DVIDS. 02.11.2020. URL: <https://www.dvidshub.net/news/384764/2nd-armored-brigade-combat-team-returns-home-republic-korea-rotation> (accessed: 05.12.2023).

⁹³ Joint Leaders Statement on AUKUS // The White House. 13.03.2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/03/13/joint-leaders-statement-on-aukus-2/> (accessed: 05.12.2023).

отрезок системы сдерживания КНР *к югу от о. Тайвань* – тем более важный с учётом взвешенной позиции государств–членов АСЕАН, которые стремились балансировать между США и КНР⁹⁴.

Структурой, которая стратегически объединит элементы двух частей «полупериметра» противодействия Китаю, может стать платформа *Partners in the Blue Pacific (Blue Pacific Alliance)* с участием уже четырёх англосаксонских держав, включая Новую Зеландию, а также Японию. С 2023 г. в число стран-участниц вошла и ФРГ. Показательна дата учреждения структуры: 24 июня 2022 года⁹⁵ – накануне объявления о переходе к новой модели войск НАТО и включения Китая в число угроз для противодействия со стороны Альянса в новой стратегической концепции. Эти события тесно сочетались друг с другом не только по хронологии, но и функционально, представляя компоненты системы разделения нагрузки между западными демократиями.

Более сложной и продолжительной по времени выступала задача США по вовлечению европейских континентальных государств–членов НАТО в сдерживание Пекина. Показателен кейс Альянса как организации. Его сближение с Японией и Австралией не привело к фиксированию сотрудничества с ними как цели в стратегической концепции блока (2022), несмотря на провозглашение необходимости противодействия усилению Китая⁹⁶. «Новые» европейские страны–участницы блока декларативно поддерживали ужесточение подхода Вашингтона к диалогу с КНР, в частности по тайваньскому вопросу. Тем не менее не прослеживается готовность

этих партнёров США выделить значительные силы в АТР.

Такие возможности, особенно по линии ВМС и ВВС, есть у ведущих «старых» континентальных государств–членов НАТО. Между тем в начале 2020-х годов они ещё не были готовы к резкому и масштабному обострению отношений с Китаем, ограничиваясь в основном полумерами. Например, Германия направляла в регион фрегат в 2021–2022 годах, затем группу самолётов в 2022 году. Важно отметить, что делала она это в национальном качестве [Арзаманова 2022], избегая принятия обязательств антикитайской направленности. Вместе с тем наблюдается медленное, но идущее ухудшение отношений: в 2023 г. ФРГ приняла Стратегию в отношении КНР и Стратегию национальной безопасности. В СНБ было указано, что: «Китай является одновременно партнёром, конкурентом и системным соперником»⁹⁷. В перспективе не исключено военное участие континентальных западно- и южноевропейских игроков в сдерживании Пекина. Тем не менее в развитие этой конфронтации они уже вносят заметный опосредованный вклад своими масштабными обязательствами в рамках новой модели войск НАТО, позволяя США выделить крупные силы для противодействия КНР.

* * *

На примере использования сухопутных сил видно, что западные страны достигли принципиального консенсуса по вопросам распределения вклада в выстраивание конфронтации с Россией и Китаем уже в 2021 году. Наиболее чётко эти планы и уже принятые решения были оформлены

⁹⁴ PM Lee Hsien Loong's interview with Nikkei Asia (May 2022) // Prime Minister's Office Singapore. 23.05.2022. URL: <https://www.pmo.gov.sg/Newsroom/PM-Lee-Hsien-Loong-interview-with-Nikkei-Asia> (accessed: 05.12.2023).

⁹⁵ Statement by Australia, Japan, New Zealand, the United Kingdom, and the United States on the Establishment of the Partners in the Blue Pacific (PBP) // The White House. 24.06.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/24/statement-by-australia-japan-new-zealand-the-united-kingdom-and-the-united-states-on-the-establishment-of-the-partners-in-the-blue-pacific-pbp/> (accessed: 05.12.2023).

⁹⁶ NATO Strategic concept // Brussels: NATO. 29.06.2022. P. 3–5.

⁹⁷ Nationale Sicherheitsstrategie. Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland // Bundesregierung. Juni 2023. URL: <https://www.nationalesicherheitsstrategie.de/Sicherheitsstrategie-DE.pdf> (дата обращения: 05.12.2023).

в новых стратегической концепции и модели войск НАТО, согласованных в конце июня 2022 года. Как следствие, эти военные меры государств Запада по противодействию России, в том числе в ходе СВО, в основном были проактивными, а не реактивными: они представляли элементы тщательно спланированной ещё до 24 февраля 2022 г. стратегии. Обеспечение согласия по разделению нагрузки обусловлено прежде всего суммарным эффектом от действий администраций Д. Трампа и Дж. Байдена. 45-й президент США создал разрушительный эффект в трансатлантических отношениях, побуждая европейских партнёров больше выделять различных ресурсов на военные цели. Администрация Дж. Байдена обозначила возвращение к «нормальности» в отношениях с партнёрами по НАТО, но, играя на опасениях нового кризиса, побудила их вносить доминирующий вклад в сдерживание РФ, особенно в плане предоставления войск. США сохранили за собой направляющую роль, принимали функции задающего в наиболее чувствительных военных вопросах. В то же время постепенно большая часть военно-практической нагрузки переносилась на союзников. Показательно участие Соединённых Штатов в развёртывании *eFP* и *tFP* в 2017–2023 годах, а также кратковременное увеличение группировки в Европе в 2022 г. с целью побудить партнёров к принятию новой модели войск. В обоих случаях основной упор делался на наземные силы, которые должны стать основным объектом для наращивания ВС на перспективу. Новая модель войск НАТО должна способствовать европеизации группировок Альянса. Между тем с учётом её масштаба и динамики роста национальных ВС инициатива осложняет и без того медленное создание европейской армии – многосторонних сил ЕС.

Все эти решения увеличивают контроль США над использованием европейскими партнёрами своих военных сил, особен-

но сухопутных. Более того, сдерживание России «новые» страны–участницы Альянса осуществляют во многом в национальном качестве, а «старые» государства-члены – именно в рамках многосторонних сил Организации. Данное различие сокращает возможности западноевропейских континентальных стран действовать стратегически автономно от Соединённых Штатов, что особенно отчётливо видно на примере ФРГ. Утрату стратегического присутствия в зонах нестабильности на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке Берлин стал компенсировать заметным увеличением вклада в сдерживание Москвы в Европе и выработкой схожей позиции в отношении Пекина, что отвечало интересам Вашингтона.

В АТР в 2021–2022 годах возникла система форматов, которые становятся осевыми элементами полупериметра сдерживания Китая. Ключевая роль в его выстраивании в военном отношении принадлежит США и их региональным союзникам – прежде всего Австралии и Японии. В перспективе вероятно и вовлечение европейских западных демократий.

Умело обыгрывая использование сил партнёрами, Соединённые Штаты оптимизировали применение собственных наземных войск. В случае каждой из конфронтаций в зоне передового стратегического эшелона Вашингтон развернул войска, эквивалентные двум неполным дивизиям от армии; в АТР – также КМП. Основные силы, дислоцируясь в США, составляли общий для западных стран резерв. Тем самым небольшими частями он может временно, но демонстративно быть переброшен в Европу, чтобы на практике быть готовым к использованию в АТР.

Развитие конфронтации вынудило Россию пойти с 2023 г. на наращивание ВС с 1 до 1,5 млн человек к 2027 году⁹⁸, особенно сухопутных сил. В среднесрочной перспективе следует ожидать аналогичных решений и от Китая.

⁹⁸ Министр обороны России проинспектировал российскую группировку войск в зоне проведения СВО // Министерство обороны РФ. 17.01.2023. URL: https://z.mil.ru/spec_mil_oper/news/more.htm?id=12451652@egNews (дата обращения: 05.12.2023).

Список литературы

- Алешин А.А. Великобритания в многосторонних военно-политических структурах // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2023. № 3. С. 35–48. DOI: 10.20542/afij-2023-3-35-48
- Ананьева Е.В. Правые силы в Британии // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 4. С. 105–129. DOI: 10.31249/ape/2023.04.06
- Арзаманова Т.В. Отдельные аспекты стратегического планирования Германии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях возвращения соперничества великих держав // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 258–284. DOI: 10.31249/ape/2022.04.11
- Белинский А.В., Никуличев Ю.В. «Американские горки»: Эволюция отношений между США и ФРГ в 1989–2019 гг. // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 4. С. 135–157. DOI: 10.31249/ape/2019.04.08
- Васильев В.С. Англосаксонские скрижали нарастающего глобального цивилизационного противостояния // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 234–257. DOI: 10.31249/ape/2022.04.10
- Дэвидсон Ф.Б. Война во Вьетнаме. 1946–1975. М.: ЭКСМО, 2002. 816 с.
- Иванов О.П. Военное измерение Индо-Тихоокеанской стратегии США // Обозреватель. 2020. № 7. С. 39–52.
- Истомин И.А. Вашингтон–Сеул–Токио в доктрине Байдена // Россия в глобальной политике. 2023. № 3. С. 208–212. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-208-212
- Истомин И.А. Современная западная теория военно-политических альянсов: достижения и лакуны // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 4. С. 93–114. DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.6
- Истомин И.А., Соколов А.П. Американский контингент в ФРГ: символ безопасности, гарант лояльности, предмет роскоши? // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 3. С. 60–72. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-60-72
- Караганов С.А. Век войн? Статья вторая. Что делать // Россия в глобальной политике. 2024. № 2. С. 37–52. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-2-37-52
- Лауч З. Основы оперативного мышления НАТО. Ретроспективный анализ оперативного мышления 80-х гг. и оценка перспектив развития. Тула: Аквариус, 2022. 268 с.
- Останков В.И. Успешное решение проблем строительства Вооружённых Сил – важнейшее условие обеспечения национальной безопасности // Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке / Под ред. Ю. Н. Балуевского. М.: ЦВСИ, 2004. С. 210–226.
- Пухов Р.Н. От «специальной» к «военной» // Россия в глобальной политике. 2024. № 2. С. 21–36. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-2-21-36
- Сидоров А.С. Военно-политический баланс возможностей Франции в Сахеле: этапы и механизмы выхода с ТВД // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 79–107. DOI: 10.31249/ape/2022.04.04
- Сидоров А.С. «Европейская оборона» через призму французских интересов и возможностей // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 137–169. DOI: 10.31249/ape/2020.04.07
- Тимофеев П.П., Хорольская М.В. Подходы франко-германского тандема к взаимодействию с Турцией в очагах нестабильности Средиземноморья // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 134–159. DOI: 10.31249/ape/2022.04.06
- Шлыков П.В. Между США, Европой и Евразией: трансформация внешнеполитических приоритетов Турции // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1. С. 110–135. DOI: 10.31249/ape/2020.01.06
- Biscop S. The New Force Model: NATO's European Army? // Egmont Policy Brief. 2022. No. 285. 6 p.
- Fleckenstein B. Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten // SOWI-Arbeitspapier. 1990. No. 44. 12 p.
- Mills C. Military assistance to Ukraine since the Russian invasion. London: House of Commons Library, 2023. 69 p.
- Varwick J. Nordatlantische Allianz // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / herausgegeben von S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 763–778.

BURDEN-SHARING BETWEEN WESTERN STATES IN CONTAINING RUSSIA AND CHINA

CASE OF LAND FORCES USAGE

PHILIPP TRUNOV

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, 117997, Russia

Abstract

The early 2020s saw two simultaneous confrontations between Euro-Atlantic community and Russia, as well as between the USA, its partners and China. It required Western democracies to elaborate the scheme of distribution when it comes to using land forces (army). The latter suffered most from military downsizing in the 1990s – early 2010s, being partly in a state of dystrophy. The article, based on the theories of armed forces building and alliances, studies these processes. The paper focuses on NATO as an institute, on the USA, and on Germany as a key European contributor to multilateral NATO forces. The major documents such as the new strategic concept of the Alliance and New NATO Force Model were adopted at the Madrid summit (2022, June). The second document has provided the Organization with potential 800 thousand troops. The vast majority of them are to be committed by its European member states. It means their troops' contribution to deterring Russia is of utmost importance, with the American role being politically significant, though practically limited. This has given the USA strategic freedom to exploit large part of its armed forces, first of all land ones, with a view to containing China. The consensus on the specified distribution of responsibility formed not in 2014, but in 2021. The paper investigates the tactics of the USA as a key beneficiary to encourage its partners to adopt the scheme of Vietnam war experience. The author compares practical readiness of major European member states to use armed forces to deter Russia. The paper studies in detail the changes of the US land force groupings in Europe, especially in Eastern Europe and Germany, as well as in the Far East. The article presents the features of structuring military cooperation between Western countries and their partners in the Pacific Ocean in the context of containing China. The author concludes by outlining general features of and prospects for the evolution of the scheme as regards military responsibility distribution.

Keywords:

NATO; Force Model; land forces; military presence; the USA; Germany; Eastern Europe; Indo-Pacific region; deterrence

References

- Aleshin A.A. (2023). Velikobritanija v mnogostoronnih voenno-politicheskikh strukturah [The UK in multilateral military-political structures]. Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN. No 3. P. 35–48. DOI: 10.20542/afij-2023-3-35-48
- Ananieva E. V. (2023). Right-wing forces in the UK [Pravyye sily v Britanii]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 3. P. 105–129. DOI: 10.31249/ape/2023.04.06
- Arzamanova T.V. (2022). Otdel'nye aspekty strategicheskogo planirovaniya Germanii v Indo-Tikhookeanskom regione v usloviyakh vozvrashcheniya sopernichestva velikikh derzhav [Some aspects of German strategic planning in Indo-Pacific region facing the return of great power rivalry]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 4. P. 258–284. DOI: 10.31249/ape/2022.04.11
- Belinsky A.V., Nikulichev Yu.V. (2019). «Amerikanskije gorki»: Evolyutsiya otnosheniy mezhdru SShA i FRG v 1989–2019 gg. [«American rollercoaster»: the evolution of US–Germany relations from 1989 to 2019]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 4. P. 135–157. DOI: 10.31249/ape/2019.04.08

- Biscop S. (2022). The New Force Model: NATO's European Army? *Egmont Policy Brief*. No. 285. 6 p.
- Davidson P.B. (2002). *Voyna vo Vetname. 1946–1975*. [Vietnam at War: The History: 1946–1975]. Moscow: Eksmo. 816 p.
- Fleckenstein B. (1990). Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten. *SOWI-Arbeitspapier*. No. 44. 12 s.
- Istomin I.A. (2017). Sovremennaya zapadnaya teoriya voenno-politicheskikh al'yansov dostizheniya i lakuny [Western theory of international military alliances the state of the discipline]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 15. No. 4. P. 93–114. DOI:10.17994/IT.2017.15.4.51.6
- Istomin I.A., Sokolov A.P. (2021). Amerikanskiy kontingent v FRG: simvol bezopasnosti, garant loyal'nosti, predmet roskoshi? [American Forces in Germany: security symbol, loyalty warrant or excessive luxury?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 65. No. 3. P. 60–72. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-60-72
- Istomin I.A. (2023). Vashington – Seul – Tokio v doktrine Baydena [Washington-Seoul-Tokyo triangle in the Biden doctrine]. *Rossiya v global'noy politike*. No. 3. P. 208–212. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-208-212
- Ivanov O.P. (2020). Voennoe izmerenie Indo-Tikhookeanskoy strategii SShA [Military dimension of the U.S. Indo-Pacific strategy]. *Obzrevatel'*. No. 7. P. 39–52.
- Karaganov S.A. (2024). Vek voyn? Stat'ya vtoraya. Chto delat' [An age of wars? article two. what is to be done]. *Rossiya v global'noy politike*. No. 2. P. 37–52. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-37-52
- Lauch Z. (2022). *Osnovy operativnogo myshleniya NATO. Retrospektivnyy analiz opera-tivnogo myshleniya 80-h gg. i otsenka perspektiv razvitiya* [Fundamentals of NATO operational thinking. Retrospective analysis of operational thinking of the 80-s and assessment of development prospects]. Tula: Akvarius, 2022. 268 p.
- Mills C. (2023). *Military assistance to Ukraine since the Russian invasion*. London: House of Commons Library. 69 p.
- Ostankov V.I. (2004). Uspeshnoe reshenie problem stroitel'stva Vooruzhennykh Sil – vazhneyshee uslovie obespecheniya natsional'noy bezopasnosti [Successful solution of the problems of the Armed Forces building is the most important condition for ensuring national security]. In: Yu. N. Baluevskij (ed.) *Voennaya bezopasnost' Rossijskoy Federatsii v XXI veke*. Moscow: CVSI. P. 210–226.
- Pukhov R.N. (2024). Ot «spetsial'noy» k «voennoy» [From “Special” to “Military”]. *Rossiya v global'noy politike*. No. 2. P. 21–36. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-2-21-36
- Shlykov P.V. (2020). Mezhdru SShA, Evropoy i Evraziey: transformatsiya vneshnepoliticheskikh prioritetov Turtsii [Between the US, the EU and Eurasia: transformation of foreign policy priorities of Turkey]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No 1. P. 110–135. DOI: 10.31249/ape/2020.01.06
- Sidorov A.S. (2020). «Evropeyskaya oborona» cherez prizmu frantsuzskikh interesov i vozmozhnostey [European Defence through the prism of France's interests and capabilities]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 4. P. 137–169. DOI: 10.31249/ape/2020.04.07
- Sidorov A.S. (2022). Voennno-politicheskiy balans vozmozhnostey Frantsii v Sakhele: etapy i mekhanizmy vyhoda s TVD [The military-political balance of France's capabilities in the Sahel: stages and mechanisms of exit from the theater of operations]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 4. P. 79–107. DOI: 10.31249/ape/2022.04.04
- Timofeev P.P., Khorolskaya M.V. (2022). Podkhody franko-germanskogo tandema k vzaimodeystviyu s Turtsiey v ochagakh nestabil'nosti Sredizemnomor'ya [Approaches of the Franco-German tandem to interaction with Turkey in the hotbeds of instability in the Mediterranean]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 4. P. 134–159. DOI: 10.31249/ape/2022.04.06
- Varwick J. (2007). Nordatlantische Allianz. In: S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.) *Handbuch zur deutschen Außenpolitik*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/ GWV Fachverlage GmbH. P. 763–778.
- Vasiliev V.S. (2022). Anglosaksonskie skrizhali narastayushchego global'nogo tsivilizatsionnogo protivostoyaniya [Anglo-saxon guidestones of growing global confrontation between civilizations]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 4. P. 234–257. DOI: 10.31249/ape/2022.04.10

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ МЕЖДУ США, КИТАЕМ И РОССИЕЙ

В ПОИСКАХ УСКОЛЬЗАЮЩЕГО РАВНОВЕСИЯ

ЕКАТЕРИНА КОЛДУНОВА
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Юго-Восточная Азия представляет собой уникальный пример региона, накопившего богатый опыт взаимодействия с более сильными державами. Он позволил сформировать широкий диапазон внешнеполитических инструментов и типов поведения, включающих в себя балансирование и примыкание, но несводимых только к ним. Вместе с тем существенное усложнение глобальных процессов, многоаспектное проявление конфронтационных тенденций как между Россией и Западом, так и между США и Китаем, в том числе на региональном уровне, требуют переосмысления практики балансирования, свойственной Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и её отдельным членам, а также более пристального внимания к новым типам внешнеполитической стратегии и тактики этих стран. В исследовательской литературе эти новые типы стали обозначаться совокупным термином «хеджирование», подразумевающим набор действий, призванных застраховать менее крупных участников международного взаимодействия от негативного развития ситуации. При этом подобная страховка была необходима странам ЮВА в ситуации стратегической неопределённости, связанной с быстрым подъёмом КНР, и помещала весь регион в бинарную систему координат отношений Пекина и Вашингтона. Вместе с тем кризис европейской архитектуры безопасности по-новому актуализировал для Юго-Восточной Азии более сложную треугольную систему координат США–Китай–Россия. Новая версия треугольника существенно отличается от конструкции периода «холодной войны» и даже первого десятилетия постбиполярности и в силу этих обстоятельств усложняет реализацию хеджирования субъектами Юго-Восточной Азии. Возникает риск гораздо большей рассогласованности действий стран АСЕАН на национальном и региональном уровнях по сравнению с тем, что наблюдалось в течение последних трёх десятилетий. Данный тезис доказывается путём анализа феномена хеджирования применительно к региональным игрокам, рассмотрения последствий кризиса европейской архитектуры безопасности для ЮВА и сравнения региональной и национальной реакций на рост конфронтационной составляющей в треугольнике США–Китай–Россия.

Ключевые слова:

Юго-Восточная Азия; АСЕАН; США; Китай; Россия; хеджирование; балансирование; примыкание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 19-18-00142 «Многофакторный анализ “азиатского поворота” в российской внешней политике (достижения, проблемы, перспективы)».

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.12.2023

Дата принятия к публикации: 01.04.2024

Для связи с автором / *Corresponding author:*

Email: e.koldunova@inno.mgimo.ru

Юго-Восточная Азия (ЮВА), представляющая собой объединение малых и средних стран, характеризуется богатым опытом взаимодействия с крупными державами. Этот опыт был аккумулирован в самых разнообразных контекстах — колониальной зависимости, деколонизации, идеологической конфронтации периода «холодной войны» и экономического подъёма Азии на рубеже XX и XXI веков. В результате возник большой диапазон внешнеполитических инструментов и типов поведения, включающих балансирование и примыкание, но несводимых только к ним.

Исторически оба отмеченных типа присутствовали в практике международно-политического взаимодействия региона и зачастую приносили свои плоды [Фомичёва 1991; Афанасьева Е.Н. и др. 1994: 81–96; Мосяков Д.В. 2010: 128; Байков А.А. 2012]. Вместе с тем существенное усложнение характера мирополитических взаимодействий [Утгу 2005; Воскресенский А.Д. и др. 2017], рост многомерной конкуренции и конфликтности в конце первой четверти XXI века требуют переосмысления как практики балансирования, генетически свойственной политике стран ЮВА и их объединению — Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), так и более пристального внимания к новым типам внешнеполитической стратегии и тактики региональных игроков.

Большой пласт отечественных и зарубежных исследований фиксирует относительно новую разновидность внешнеполитического поведения малых и средних стран, для обозначения которого используется термин «хеджирование»¹, пришедший в международные отношения из финансово-экономической сферы. Литература, посвящённая этому явлению, как отличному от баланси-

рования и примыкания, в основном акцентирует внимание на реакции стран Юго-Восточной Азии на экономическое и политико-стратегическое возвышение Китая [Goh 2005; Королёв 2018; Hiebert 2020; Jones, Jenne 2022; Gerstl 2022; Rangsimaporn 2022]. Региональные субъекты стремятся извлечь свои выгоды, но при этом сохранить хорошие отношения с США.

В некоторых работах акцент сделан на тактических ходах стран региона, помещённых в ту же бинарную систему координат КНР—США² [Hiebert 2020; Strangio 2020]. Между тем, как будет продемонстрировано далее, кризис европейской архитектуры безопасности и переход конфликта на Украине в феврале 2022 г. в горячую фазу по-новому актуализировали для ЮВА более многомерную, как минимум треугольную по своему характеру, систему координат США—Китай—Россия, а фактически гораздо более сложную конструкцию, к которой относятся Вашингтон, Москва, Пекин и другие крупные игроки Тихоокеанской Азии [Multiple Hegemonies 2021].

В качестве аналитической призмы этот треугольник активно использовался для рассмотрения периода поздней «холодной войны» применительно в основном к глобальному уровню и отчасти — Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР) [Russia-China-USA 1996; Богатуров 1997; Галенович 2006; Poonkham 2022]. Ряд работ рассматривают это трёхстороннее взаимодействие преимущественно с точки зрения динамики российско-китайских и китайско-американских отношений [Blank et al. 2005; Морозов, Батюк 2022]. Тем не менее ситуация, сложившаяся к началу 2020-х годов, позволяет говорить о влиянии этого треугольника на другие страны мира, включая Юго-Восточную Азию³. Проблемы, всё

¹ Способ нивелирования возможных потерь или рисков. Hedging // Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/hedging> (accessed: 28.11.2022).

² Pau S., Him R. Why US-China competition will shape ASEAN's vision for the next 20 years // The South China Moring Post. 14.01.2024. URL: https://www.scmp.com/week-asia/opinion/article/3248265/why-us-china-competition-will-shape-aseans-vision-next-20-years?campaign=3248265&module=perpetual_scroll_0&pgtype=article (accessed: 04.02.2024).

³ Round-table discussion “Strategic Situation in the Pacific and Indian Ocean: views from Russia and Thailand”. Bangkok: International Studies Centre, Ministry of Foreign Affairs, 2022.

более выявляющиеся в ходе динамического изменения отношений трёх держав, проецируются на различные региональные сегменты мира.

В статье предпринимается попытка доказать тезис, что многие положения, касающиеся стратегии и тактики хеджирования, были разработаны и сформулированы в условиях относительно контролируемой конфронтации США и Китая без учёта России. Новая реинкарнация треугольника, существенно отличающаяся от понимания этой конструкции и характера отношений в нём в том виде, в котором он был задуман бывшим государственным секретарем Соединённых Штатов Генри Киссинджером (1973–1977)⁴, усложняет практику хеджирования.

В случае ЮВА де-факто усиливается рассогласованность действий стран АСЕАН на национальном и региональном уровнях в дополнение к таким факторам, как расхождения стран Ассоциации по поводу политического конфликта в Мьянме или минилатерального формата *AUKUS*. Более того, представители научных и экспертных кругов стран региона всё более активно отмечают, что конфликт на Украине создал дополнительный уровень сложности в нарастающей конфликтности Вашингтона и Пекина⁵ [Kausikan 2023; Busbarat 2023], а также указывают на трансформирующийся характер треугольника⁶.

Для доказательства представленного выше тезиса в первой части статьи в контексте исследовательских дискуссий анализируется диапазон возможностей внешнеполитического поведения, традиционно приписываемого малым и средним странам (балансирование и примыкание), а также

хеджирование, представляющее собой сравнительно новый феномен. Во второй части выявляются последствия кризиса европейской архитектуры безопасности для Юго-Восточной Азии с точки зрения определения новых структурных элементов в региональной ситуации, сформировавшихся под влиянием глобальных процессов и трансформации отношений в треугольнике США–Китай–Россия. В третьей части рассматривается региональный уровень реакции на рост конфронтационной составляющей этих отношений и их национальное восприятие через призму официальных документов, политического и экспертного дискурса.

Балансирование, примыкание, альтернативы

Период «холодной войны», формирование биполярности и комплексное противостояние двух сверхдержав создали международно-политические условия, в результате которых малые и средние державы делали выбор в пользу примыкания или балансирования. Первое предполагало, что за счёт вступления в союзные отношения с одной из сверхдержав менее крупные игроки могли максимально нарастить свои возможности в условиях ограниченности собственных ресурсов. Второе, в свою очередь, позволяло в период господства двух держав находить ситуативную или долгосрочную альтернативу одному из полюсов во взаимодействии с другим [Walt 1985; Истомин 2018].

На рубеже веков жёсткий каркас биполярности перестал существовать в прежнем виде: в 1990-х годах мир пережил короткий период однополярности [Krauthammer

⁴ Генри Киссинджер предложил упомянутый треугольник в условиях «холодной войны». В соответствии с логикой этого треугольника нормализация отношений США и КНР в 1970-х годах должна была способствовать тому, чтобы США смогли получить стратегические дивиденды и в отношениях с СССР, и в отношениях с КНР, при том что взаимодействие между последними оказывалось на более низком уровне, чем их отношения с Соединёнными Штатами [Киссинджер 2014: 301–303; Грэм 2020: 63–65].

⁵ *Kuik C.-C.* ASEAN and Ukraine: Non-Alignment via Multi-Alignment? // Taihe Institute. 03.07.2022. URL: <http://www.taiheglobal.org/Content/2022/07-03/1726334336.html> (accessed: 04.02.2024).

⁶ *Vu Le Thai Hoan, Huy Nguyen.* The Modern China-Russia-US Triangle // The Diplomat. 04.06.2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/06/the-modern-china-russia-us-triangle/> (accessed: 04.02.2024).

1990] и перешёл в начале XXI столетия в фазу подъёма различных региональных держав, не оспаривавших напрямую доминирующую роль США в международных отношениях, но стремившихся продвигать свои региональные или даже мироустроительные проекты [Логика новой мироустроительной архитектоники 2021]. В этих условиях стратегия балансирования приобрела более многообразные формы. Помимо внутреннего (наращивание собственных ресурсов в оборонной сфере) и внешнего (присоединение к формальным и неформальным альянсам и коалициям) балансирования, активно стала развиваться его институциональная составляющая [Истомин 2018: 211], особо проявившаяся в деятельности АСЕАН. В случае с последней она подразумевала возможность ограничить нежелательные для Ассоциации варианты развития событий путём включения более крупных игроков в институциональные рамки, формальные параметры которой регулировались самим интеграционным объединением.

В начале этого века ревизии подверглось и такое стержневое понятие неореализма, как «соотношение сил» [Martin 2003; The Balance of Power in World History 2007]. В быстроменяющейся ситуации начала XXI века его оказалось невозможным зафиксировать на сколько-нибудь продолжительное время. В итоге различные страны мира вынуждены были приспосабливаться к ситуативным состояниям постоянно трансформирующегося соотношения потенциалов и возможностей – военных, торгово-экономических, технологических, информационных. Эти состояния также были подвержены флуктуациям под влиянием становления *ad hoc* объединений, неформальных и слабо формализованных коалиций заинтересованных игроков по типу *Quad*, *Quad+*, *AUKUS*, чиповых и прочих альянсов, организуемых США для ограничения технологических возможностей Китая.

Ещё в 1990-х годах отечественный исследователь А. Д. Богатуров охарактеризовал ситуацию в Тихоокеанской Азии как

«динамическую стабильность» [Богатуров 1997: 50–52]. К концу этого десятилетия подобное состояние воспроизвелось в новых условиях, демонстрируя большую степень динамики и меньшую степень стабильности, формируя новую динамическую стабильность. Созвучным этому термину стало стержневое концептуальное положение внешней политики Индонезии о «динамическом равновесии», сформулированное бывшим министром иностранных дел этой страны Марти Наталегавой в начале 2010-х годов. В его понимании «динамическое равновесие» противопоставлялось классической трактовке соотношения сил, формулируемому исключительно в конфронтационном ключе [Anwar 2013; Наталегава 2022]. Оно предполагало постоянные усилия таких менее крупных, но международно значимых игроков, как Индонезия, по поддержанию баланса между разнонаправленными интересами ведущих держав.

Описанные выше условия сделали особенно привлекательной для малых и средних стран региона опцию хеджирования внешнеполитических рисков. Зарубежные исследователи Джон Чорчари и Юрген Хааке отмечали, что причиной активного распространения этой стратегии стало отсутствие в постбиполярном мире чётких правил игры [Ciorciari, Naascke 2019]. Как следствие, принятие однозначных решений оказалось невозможным, возросла потребность просчитывать риски в ситуации стратегической неопределённости.

Профессор Австралийского национального университета Эвелин Го определяет хеджирование как «набор стратегических действий, нацеленных на избежание ситуации, при которой государства не смогут воспользоваться такими однозначными альтернативами, как балансирование, примыкание или сохранение нейтральной позиции» [Goh 2005: 2]. К подобным действиям государства Юго-Восточной Азии подталкивает осознание того факта, что в полицентричном мире будут существовать сразу несколько конкурирующих друг с другом центров силы. В этой связи наи-

более рациональной линией поведения представляется не исключать ни одну из держав из взаимодействия, при этом не принимая в полной мере ничью сторону. Более того, как отмечает исследователь, эта модель взаимодействия с крупными игроками остаётся характерной чертой и, добавим, сравнительным преимуществом политики в первую очередь небольших стран [Goh 2008].

В то же время, как свидетельствует анализ внешней политики стран Юго-Восточной Азии за последние тридцать лет, хеджирование представляет собой не набор ситуативных реакций, а вполне осознанный выбор и даже стратегию. Элементы этого понятия прослеживаются и в характеристике пространственной структуры отношений в Тихоокеанской Азии, сформулированной А.Д. Богатуровым. Под такой структурой, в отличие от лидерской, в большей степени характерной для Европы, он понимал «способность малых и средних стран выступать в роли, условно говоря, “коллективного лидера” и более или менее эффективно влиять на состояние региональной ситуации как непосредственно, так и через воздействие на отношения между самими лидерами» [Богатуров 1997: 11].

Наиболее явные причины всё большего распространения хеджирования заключаются в усиливающейся полицентричности на глобальном и региональном уровнях. Она создаёт ситуацию недоверия, при которой дивиденды от вступления в безусловные союзнические отношения становятся менее очевидными [Jackson 2014]. Нарастание стратегического недоверия в регионе начало фиксироваться ещё в 2010-е годы. В 2013 г., выступая в рамках «Диалога Шангри-Ла», тогдашний премьер-министр Вьетнама Нгуен Тан Зунг (2006–2016) достаточно остро поставил

вопрос о необходимости формирования стратегического доверия в регионе, но по прошествии десятилетия ситуация лишь усугубилась⁷.

Фиксируя появление нового типа внешнеполитических действий, некоторые специалисты предприняли попытки его дальнейшей концептуализации. Например, согласно малайзийскому исследователю Чан Чи Квику и его американскому коллеге Гилберту Розману, действия, которые могут квалифицироваться как хеджирование, должны удовлетворять трём критериям: 1) страна не принимает чью-либо сторону, 2) при этом она предпринимает ряд мер, противодействующих нежелательному развитию событий, и 3) использует эти меры для сохранения собственного выигрыша и разработки альтернативного плана действий. Если внешнеполитическое действие не будет удовлетворять хотя бы одному из трёх критериев, неизбежно сползание в балансирование или примыкание. Нейтралитет и неприсоединение также предполагают нейтральность позиции, но не являются хеджированием [Kuik, Rozman 2015: 2].

Таким образом, в первой четверти XXI века в результате существенных изменений глобального и регионального уровней во внешней политике малых и средних стран Юго-Восточной Азии проявилось большое многообразие внешнеполитических действий, несводимых к балансированию и примыканию. Они объединяются исследователями в категорию «хеджирования». Между тем эта категория всё ещё требует более глубокого концептуального осмысления. Во внешней политике стран региона можно встретить сочетание хеджирования с элементами других стратегий (институционального или внутреннего балансирования). К тому же появляются и такие феномены, иронично обозначаемые

⁷ Prime Minister Nguyen Tan Dung delivered a keynote address entitled “Building Strategic Trust for Peace, Cooperation and Prosperity in the Asia-Pacific Region” at the opening ceremony of the 12th Shangri-La Dialogue in Singapore on May 31 // National Defense Journal. 2013. November 22. URL: <http://tapchiqptd.vn/en/news/pms-keynote-address-at-12th-shangri-la-dialogue/4620.html> (accessed: 28.11.2022).

некоторыми внешнеполитическими практиками, как «уклонение»⁸ [Kausikan 2017], говорящие скорее о тактике избегания лобовых столкновений или острых ситуаций, нежели о поиске реального выхода из них.

Последствия кризиса архитектуры европейской безопасности для Юго-Восточной Азии

Кризис архитектуры безопасности в Европе поставил страны ЮВА перед новыми дилеммами и вызовами, несмотря на географическую удалённость двух регионов друг от друга. Он выявил очевидную ограниченность модели мироустройства, предлагаемой ЕС и США с начала 1990-х годов. Хотя она продвигалась с помощью универсализированных и глубоко институционализированных инструментов, не было предложено реального решения насущных проблем большинства незападных стран или подхода, принципиально не ущемляющего их интересы. В силу этих причин меры санкционного давления Вашингтона и Брюсселя на Москву не нашли единой поддержки в большей части Азии, Африки и Латинской Америки⁹.

Универсальные решения в глобальном плане для незападного мира не предлагала и Россия. Вместе с тем она, в отличие от США, не навязывала таких подходов, которые кардинальным образом деформировали бы незападные общества изнутри или необратимо усиливали имеющиеся там внутренние расколы¹⁰. В свою очередь, Китай предложил специфические варианты решений, которые могут оспариваться с политэкономической точки зрения. Речь идёт среди прочего о путях практической

реализации выдвинутой в 2013 г. Пекином инициативы «Пояса и пути» и дискуссии о рисках долговой ловушки для бедных стран [Alves 2021]¹¹. Тем не менее страна не ведёт агрессивного продвижения своих политических ценностей или модели политического устройства.

Ещё одним значимым последствием кризиса европейской архитектуры безопасности стал запуск глубинной трансформации отношений в уже упомянутом треугольнике США–Китай–Россия. До февраля 2022 г. основное внимание исследователи уделяли относительно медленному сползанию КНР и Соединённых Штатов в конфронтационные отношения и обсуждению потенциально возможного – но пока наблюдаемого далеко не во всех политических, экономических и технологических областях – разъединения (*decoupling*) двух ключевых экономик мира. При этом роль России в этом процессе оставалась второстепенной. Например, в Индо-Тихоокеанской стратегии США от февраля 2023 г. Москва не упоминалась¹². По мнению американской стороны, она не имеет никакого отношения к этому региону, поэтому в рамках ИТР Вашингтон целенаправленно не считал нужным принимать её во внимание. После февраля 2022 г. в результате введения в отношении Российской Федерации беспрецедентного количества санкционных ограничений началось радикальное разъединение в парах США–Россия и ЕС–Россия. При всём отличии российско-американских отношений от американо-китайских, эти процессы продемонстрировали набор возможных инструментов, которые потенциально могли бы быть

⁸ Англоязычный термин *dodging* созвучен слову *hedging*.

⁹ Pindell J. No, it's not the world against Russia. In fact, it's far from it. Why a lot of nations aren't on board with economic sanctions // The Boston Globe. March 16, 2022. URL: <https://www.bostonglobe.com/2022/03/16/nation/no-its-not-world-against-russia-fact-its-far-it-why-lot-nations-arent-board-with-economic-sanctions/> (accessed: 30.03.2024).

¹⁰ Как это ранее произошло, например, в случаях вмешательства США на Ближнем Востоке.

¹¹ Cheong D. Chinese "Debt Traps" in Southeast Asia: What the Data Say // ISEAS Perspective 2022/88. 08.09.2022. URL: <https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/iseas-perspective/2022-88-chinese-debt-traps-in-southeast-asia-what-the-data-say-by-darren-cheong/> (accessed: 28.11.2022).

¹² Indo-Pacific Strategy of the United States. February 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: 04.02.2024).

задействованы в случае будущего разъединения Вашингтона и Пекина, если оно будет осуществлено в полном масштабе.

Вместе с тем в американском политическом и экспертном дискурсе в отношении Китая по-прежнему превалировала риторика, акцентирующая внимание на конкуренции и даже «конкурентной взаимозависимости» [Hass 2021], а не на растущей конфликтности. В Стратегии национальной безопасности США, обнародованной в октябре 2022 года, было обозначено, что Россия представляет «прямую и непосредственную угрозу свободному миру», в то время как Китай является их единственным конкурентом, обладающим намерением и, что самое значимое, экономическими, военными и технологическими возможностями изменить международный порядок¹³. Эта же формула была использована президентом Соединённых Штатов Джоозефом Байденом (2021 – наст. время) в характеристике американо-китайских отношений накануне его встречи с председателем КНР Си Цзиньпином на полях саммита «группы двадцати» на индонезийском острове Бали в ноябре 2022 года. Американский лидер отметил, что США продолжают «ошесточённо конкурировать» с Китаем, но так, чтобы конкуренция не переросла в конфликт¹⁴.

Между тем в отношениях двух стран действительно пока что сохраняется страховочный механизм в виде экономической взаимозависимости. В ходе разъединения Вашингтона и Москвы особо ярко выявился ряд проблем, имеющих непосредственное отношение и к КНР. Предметом явной дивергенции США и их союзников, с одной стороны, и России и Китая – с другой, ста-

ли представления о нормативных основаниях миропорядка. Для последних оказалось неприемлемым настойчивое продвижение формулы «порядка, основанного на правилах», предлагаемой западными странами в качестве синонима либерального миропорядка и девальвирующего значение международного права как нормативной рамки, обеспечивающей равноположенное взаимодействие стран независимо от характера их внутривнутриполитического устройства.

Ключевым антироссийским инструментом, имеющим перспективы быть использованным в отношении КНР и любых стран, рассчитывающих на ускоренное развитие за счёт экономики-технологической связи с Соединёнными Штатами, стали торгово-экономические, финансовые и технологические санкции. В ходе их применения произошло существенное усиление блоковой дисциплины ЕС, Японии, Республики Корея и Сингапура, присоединившихся к санкциям в отношении России. На многие другие государства, включая страны АСЕАН, США начали оказывать давление, апеллируя к вторичным санкциям¹⁵.

В то же время экономическое бремя соблюдения введённых санкций в гораздо большей степени легло на Европу¹⁶, чем на сами США. Активное использование рыночных механизмов в процессе реализации санкционных мер спровоцировало рост инфляции, дефицит энергоносителей, удобрений, продовольственный кризис и в конечном счёте высокую степень экономической турбулентности для всего мира¹⁷ [Политика санкций 2023]. В силу этих экономических обстоятельств и укоренившейся в странах АСЕАН практики балансирования

¹³ US National Security Strategy 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 28.11.2022).

¹⁴ Bose N., Nangoy F. U.S. Seeks no Conflict with China, says Biden as G20 leaders gather // Reuters. 12.11.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/biden-says-wont-veer-into-conflict-with-china-first-summit-ends-asia-2022-11-13/> (accessed: 28.11.2022).

¹⁵ Saha P. The ongoing Russia-Ukraine conflict: Impact on Southeast Asia // Observer Research Foundation. March 11, 2023. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/the-ongoing-russia-ukraine-conflict-impact-on-southeast-asia> (accessed: 30.03.2024).

¹⁶ Подобная же перспектива оказалась весьма вероятна и для Японии.

¹⁷ МИД оценил последствия антироссийских санкций для ЕС // Lenta.ru. 03.11.2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/11/03/mid-otsenil-posledstvie-antirossiyskih-sanktsiy-dlya-es/> (дата обращения: 31.03.2023).

между крупными игроками малые и средние державы в регионе не смогли себе позволить однозначного осуждения России или принципиального дистанцирования от Китая. Тем не менее они сохранили союзнические отношения с Соединёнными Штатами, хотя и вступили в полосу экономических трудностей (например, Таиланд и Филиппины), спровоцированных ранее последствиями пандемии *COVID-19*. Такое негативное развитие событий оценивалось многими в ЮВА как «системный риск»¹⁸. При этом в результате масштабного санкционного давления в отношении Москвы проблема доверия, проявлявшаяся до 2022 г. наиболее ярко в политико-стратегической плоскости, распространилась на новые измерения — политэкономическое, торговое и технологическое. Тем самым возникали дополнительные риски и экономически неоправданные стратегии, в частности идущие вразрез с экономической логикой сравнительных преимуществ попытки концентрации торговли, цепочек добавленной стоимости, производства высокотехнологических компонентов и других экономических транзакций в геополитических кластерах дружественных и союзнических стран¹⁹.

Кризис архитектуры европейской системы безопасности продемонстрировал также, что даже спустя несколько десятилетий после завершения «холодной войны» механизмы взаимной аккомодации не были выработаны ни на европейском уровне [Shevtsova 2010], ни на уровне отношений России и США [Шаклеина 2022]. При этом на уровне региональной системы институтов, центральным элементом для которой

остаётся АСЕАН, такой опыт был выработан [Байков 2023]. Открытым остаётся вопрос о способности этого интеграционного объединения продолжать имплементировать этот опыт на практике в условиях многомерной конфликтности, которая с 2022 г. начала в полной мере проецироваться на АСЕАН-центричные институты.

Институциональный и национальный уровни реакции стран Юго-Восточной Азии

Стратегическая неопределённость стала основной причиной выработки инструментария хеджирования странами Юго-Восточной Азии. Хотя рост Китая представлял для них очевидные возможности²⁰, он же грозил тем, что интересы стран региона в сфере безопасности всё в меньшей степени будут приниматься во внимание КНР, в особенности при обострении территориальных споров Пекина и отдельных стран ЮВА в Южно-Китайском море (ЮКМ). При этом вовлечённость США, позиционировавших себя гарантом безопасности своих союзников в период «холодной войны», в вопросы региональной безопасности в первой четверти XXI века приобрела амбивалентный характер. В частности, Вашингтон был готов наращивать разведывательную деятельность в ЮКМ²¹, но отнюдь не стремился напрямую и полномасштабно вмешиваться в конфликт КНР и стран региона на стороне последних в случаях его реального обострения. Этот тезис продемонстрировал китайско-филиппинский спор по поводу рифа Скарборо в 2012–2013 годах²².

¹⁸ *Kuik C.-C.* ASEAN and Ukraine: Non-Alignment via Multi-Alignment? // Taihe Institute. 03.07.2022. URL: <http://www.taiheglobal.org/Content/2022/07-03/1726334336.html> (accessed: 04.02.2024).

¹⁹ *Hardwick, S., Triggs, A.* Friend-shoring no ready-made answer to Asian supply chain resilience // East Asia Forum. 27.11.2022. URL: https://www.eastasiaforum.org/2022/11/27/friend-shoring-no-ready-made-answer-to-asian-supply-chain-resilience/?utm_medium=email&utm_campaign=newsletter-2022-11-27 (accessed: 28.11.2022).

²⁰ В 2020 г. АСЕАН совокупно вышла на позиции первого торгового партнёра КНР.

²¹ *Ryo N.* U.S. and Philippines to share real-time military intel on China // Nikkei. May 3, 2023. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/Defense/U.S.-and-Philippines-to-share-real-time-military-intel-on-China> (accessed 30.03.2023).

²² *US Alliance Obligations in the Disputes in the East and South China Seas: Issues of Applicability and Interpretations.* 01.01.2016. P. 15–23. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep14540.5?seq=1> (accessed: 04.02.2024).

Ответ на подобную стратегическую неопределённость отчасти виделся странами АСЕАН в усилении собственных институциональных возможностей. В 2012 г., выступая перед участниками «Диалога Шангри-Ла», тогдашний президент Индонезии Сусило Бамбанг Юдойоно (2004–2014) выразил уверенность, что малые и средние страны могут связать крупные державы устойчивой региональной архитектурой безопасности²³. Её центральным элементом для ЮВА в новом веке стала АСЕАН. Выдвижение на подобные позиции, согласно меткому выражению бывшего министра иностранных дел Индонезии Марти Наталегавы, долгое время работавшего с Сусило Бамбангом Юдойоно, означало, что «пешка холодной войны входит в новую роль» [Наталегава 2022: 107]. Успешность усилий интеграционного объединения по привлечению к работе региональных институтов всего спектра заинтересованных игроков рассматривалась США и их союзниками как гарантия, что АСЕАН сможет социализировать растущий Китай [Ва 2006].

После того как усилия Ассоциации на данном направлении не принесли ожидаемого результата, Вашингтон перешёл к формированию минилатеральных форматов типа *Quad* и *AUKUS*, создаваемых в обход интеграционного объединения и нацеленных на более эффективное противодействие политико-стратегической экспансии Пекина. Дискурсивным проявлением этого поворота стало принятие на вооружение Соединёнными Штатами термина «Индо-Тихоокеанский регион», позволявшего привлечь к подобным коа-

лициям такие страны, как Япония, Индия, Австралия и Новая Зеландия²⁴. При этом Россия (более активно)²⁵ и Китай (более осторожно) продолжали настаивать на использовании азиатско-тихоокеанской терминологии для обозначения географических рамок региональных процессов [Li, Tianjiao 2023].

На фоне этих действий АСЕАН пришлось маневрировать и формулировать собственную позицию по поводу конкурирующих региональных дискурсов. Её концентрированное выражение содержалось в документе под названием «Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН»²⁶, который предлагал в первую очередь политико-экономическое, а не военно-стратегическое понимание нового макрорегиона. В духе нейтрализма и стремления не занимать чью-либо позицию было выдержано и опубликованное 26 февраля 2022 г. заявление министров иностранных дел Ассоциации по поводу ситуации на Украине. Оно состояло всего из двух пунктов, выражающих озабоченность эскалацией конфликта и призывавших к использованию дипломатических мер его урегулирования²⁷.

Страны АСЕАН, занимавшие в 2022 г. посты председателей самой Ассоциации (Камбоджа), АТЭС (Таиланд) и «группы двадцати» (Индонезия), не поддержали активно продвигаемую США, ЕС и Австралией идею ограничения участия России в мероприятиях этих форматов. Решение представителей ЮВА существенным образом контрастировало с линией на ограничение дипломатических возможностей России в европейских институтах. В мае 2022 г. три страны-председательницы

²³ Shangri-La Dialogue 2012 Keynote Address: President of Indonesia // The International Institute for Strategic Studies. June 1, 2012. URL: https://www.youtube.com/watch?v=gj_D-XkzQRc (accessed: 30.03.2024).

²⁴ Indo-Pacific Strategy of the United States. February 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: 04.02.2024).

²⁵ Лавров: Концепция Индо-Тихоокеанского региона не предполагает открытости и равноправия // ТАСС. 01.04.2021. URL: <https://tass.ru/politika/11050135> (дата обращения: 31.03.2024).

²⁶ ASEAN Outlook on the Indo-Pacific // ASEAN. URL: https://asean.org/asean2020/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (accessed: 08.12.2022).

²⁷ ASEAN Foreign Minister's Statement on the Situation in Ukraine // ASEAN. 26.02.2022. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/02/ASEAN-FM-Statement-on-Ukraine-Crisis-26-Feb-Final.pdf> (accessed: 08.12.2022).

выпустили совместное заявление о недопустимости попыток превращения многосторонних институтов в площадку конфронтации и декларировали открытость для работы со всеми партнёрами²⁸.

Таким образом, сознательный отказ от исключения России из деятельности АСЕАН-центричных институтов, АТЭС и «группы двадцати» стал одним из элементов хеджирования Ассоциации. В то же время произошло повышение в ноябре 2022 г. статуса стратегического партнёрства Соединённых Штатов и Ассоциации до уровня всеобъемлющего и установление отношений секторального диалогового партнёрства с Украиной.

В год трёх председательств стран ЮВА символизм инклюзивности, диалога и учёта разных мнений оказался особенно значим в условиях, когда многосторонние институты не смогли обеспечить реального дипломатического прогресса в решении региональных и глобальных проблем. Накануне заседания «группы двадцати» президент Индонезии Джоко Видодо предпринял попытку челночной дипломатии, последовательно посетив 30 июня Москву и 1 июля 2022 г. Киев, где провёл встречи с президентами России и Украины соответственно. В рамках саммитов АСЕАН была организована встреча Дж. Байдена и Си Цзиньпина, а в итоговых документах АТЭС и «группы двадцати» практически дословно повторялась формулировка, делающая отсылку к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН ES-11/1 от 2 марта 2022 г., и констатировалось, что большинство участников указанных форматов осуждают действия России. Одновременно фиксиро-

вался факт расхождения мнений участников АТЭС и «двадцатки» по поводу оценок российских действий²⁹.

Влияние треугольника США–Китай–Россия на Ассоциацию на институциональном уровне можно проследить по нескольким направлениям. Первым является усложнение взаимодействия интеграционного объединения с тремя упомянутыми державами в рамках АСЕАН-центричных институтов. В условиях многомерной конфликтности Китая и Соединённых Штатов Ассоциация попыталась выступать площадкой для их контактов. В случае Москвы и Вашингтона эта организация фиксировала в своих документах расхождение в позициях, не доводя ситуацию до открытой конфронтации и сохраняя участие всех трёх стран в работе упомянутых институтов в максимально возможной степени. Официально заявляя о стремлении избежать конфликта, подобного тому, что разразился в Европе, ряд официальных лиц государств ЮВА призвали к укреплению таких региональных институтов, как Совещание министров обороны стран АСЕАН с диалоговыми партнёрами (СМОА+), членами которого являются все три упомянутые страны³⁰.

Вторым направлением стала общерегиональная дискуссия о хеджировании финансовых рисков, проявившихся в результате введения западных санкций в отношении России. Эта дискуссия показала, что при высокой степени долларизации экономик региона большинство из них стремятся избежать зависимости и от юаня – пока что, пожалуй, единственной реальной альтернативы западным валютам. В результа-

²⁸ Joint Press Release of the Foreign Ministries of the Kingdom of Cambodia, the Republic of Indonesia and the Kingdom of Thailand. 04.05.2022. URL: <https://www.mfaic.gov.kh/posts/2022-05-04-Press-Release-Joint-Press-Release-of-the-Foreign-Ministries-of-the-Kingdom-of-Cambodia--the-Republic-of-Indonesia--10-00-20> (accessed: 08.12.2022).

²⁹ G20 Bali Leaders' Declaration. Bali, Indonesia. 15–16 November 2022. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/en/u82esHnvQFdH0jv25AJg73rnLGEe8cK6.pdf> (accessed: 08.12.2022); 2022 Leaders' Declaration. 19.11.2022. URL: <https://www.apec.org/meeting-papers/leaders-declarations/2022/2022-leaders-declaration> (accessed: 08.12.2022).

³⁰ Asia must learn right lessons from Ukraine at this dangerous point in history: Ng Eng Hen // The Straits Times. 12.06.2022. URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/asia-must-learn-right-lessons-from-ukraine-at-this-dangerous-point-in-history-ng-eng-hen> (accessed: 04.02.2024).

те в ходе 42-го саммита АСЕАН, прошедшего 10–11 мая 2023 г. в г. Лабуан Баджо (Индонезия), страны Ассоциации приняли Декларацию о региональной взаимосвязанности в сфере финансовых расчётов и использовании в них национальных валют³¹.

Третьим направлением стало появление феномена «нового неприсоединения». Термин введён малайзийским исследователем Чан Чи Квиком³². Он сводился, с одной стороны, к неприятию радикализма западного подхода к украинскому кризису как проявления двойных стандартов по отношению к другим конфликтам. С другой стороны, в него также входило укрепление различного рода взаимосвязей в области политики, безопасности и экономики с более широким кругом внешних партнёров, в том числе с Россией и Китаем.

При общей нейтральности политического дискурса на уровне АСЕАН, отдельные страны Ассоциации по-своему оценивали изменение международной ситуации. Индонезия сохранила описание глобальной и региональной обстановки в терминах «динамического равновесия» и «внешнеполитического экуменизма», подразумевавших сознательное вовлечение в диалог разнообразного круга внешнеполитических контрагентов [Anwar 2013]. Эти идеи, проистекающие из внешней политики президента Абдурахмана Вахида (1999–2001), получили дальнейшее развитие во время правления упомянутого ранее Сусило Бамбанга Юдойоно и сохранили свою актуальность и для президента Джоко Видодо [Куклин 2023]. Внешнеполитическая фило-

софия Индонезии в концентрированном виде была также выражена в выступлении индонезийского министра обороны Прабово Субиянто в рамках «Диалога Шангри-Ла» в июле 2022 г. Он отметил, что неприсоединение к каким-либо военным блокам или альянсам является стратегическим выбором страны, при этом Джакарта стремится уважать интересы всех крупных держав в регионе³³.

Индонезия не поддержала введение санкций в отношении России, о чём неоднократно заявляли Джоко Видодо и другие официальные лица. В их выступлениях отмечалось, что санкции и введение пороговых цен на российскую нефть едва ли будут способствовать международной энергетической безопасности и стабильности³⁴. В равной степени осторожно подошли к вопросу санкций Таиланд, отметивший в 2022 г. 125-летие установления дипломатических отношений с Россией, и Камбоджа. В марте 2022 г. 25 послов европейских государств, США, Японии, Австралии и Канады попытались оказать давление на премьер-министра Таиланда Праюта Чан-очу, чтобы он выступил с осуждением российских действий на Украине. Глава правительства этой страны заявил, что Бангкок не может себе позволить собственных высказываний на эту тему, отличных от общей позиции АСЕАН³⁵. Между тем на Всемирном экономическом форуме в Давосе в мае 2022 г. премьер-министр Камбоджи Хун Сен призвал отказаться от всех санкций, введённых против Москвы. Свою позицию он объяснил эффектом рикошета: экономическая блокада России

³¹ ASEAN Leaders Declaration on Regional Payment Connectivity and LCT. 10.05.2023. URL: <https://asean2023.id/storage/news/ASEAN%20Leaders%20Declaration%20on%20Regional%20Payment%20Connectivity%20and%20LCT.pdf> (accessed: 04.02.2024).

³² *Kuik C.-C.* ASEAN and Ukraine: Non-Alignment via Multi-Alignment? // Taihe Institute. 03.07.2022. URL: <http://www.taiheglobal.org/Content/2022/07-03/1726334336.html> (accessed: 04.02.2024).

³³ Shangri La Dialogue 2022. URL: <https://www.iiss.org/events/shangri-la-dialogue/shangri-la-dialogue-2022> (accessed: 08.12.2022).

³⁴ *Ng A.* Putting a price cap on Russian oil won't solve energy supply issues, Indonesian minister says // CNBC. 15.07.2022. URL: <https://www.cnbc.com/2022/07/15/price-cap-on-russian-oil-wont-solve-energy-issues-indonesia-minister.html> (accessed: 28.11.2022).

³⁵ *Yuda M.* Prayuth shrugs off request from 25 ambassadors to condemn Russia // Nikkei. 02.03.2022. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/Ukraine-war/Prayuth-shrugs-off-request-from-25-ambassadors-to-condemn-Russia> (accessed: 28.11.2022).

ударила и по тем странам, которые её ввели, и по развивающимся государствам, не имеющим никакого отношения к конфликту и едва начавшим восстанавливаться после пандемии³⁶.

В целом позиция большинства стран АСЕАН и в политическом, и в экспертном дискурсе [Phubunlap Gunaseelan 2022] обосновывалась следующим образом. Однозначное осуждение России не соответствует их долгосрочным интересам и может затруднить обеспечение собственных национальных интересов, особенно в области продовольственной и энергетической безопасности³⁷. При этом никто из них не отказывался от демонстрации хороших отношений с США и Китаем.

Из всех стран АСЕАН наибольшее расхождение национальной позиции с общерегиональной продемонстрировали Сингапур, присоединившийся к антироссийским санкциям, и Мьянма, в условиях продолжающегося внутреннего конфликта и ограничения участия военного правительства этой страны в работе Ассоциации сделавшая выбор в пользу примыкания к Китаю и России³⁸. Нарастание взаимодействия с Москвой воспринималось ею в качестве противоядия Пекину в условиях резкого сокращения её внешнеполитических контактов не только с западными странами, но и с соседями по АСЕАН. Позицию же Сингапура можно было бы охарактеризовать как примыкание к Вашингтону, подразумевающее, помимо санкций, также полное принятие на официальном уровне дискурса о «порядке, основанном на правилах»³⁹.

Вместе с тем на экспертном уровне в Сингапуре текущий конфликт на Украине рассматривался через призму выбора внешнеполитической стратегии и оценивался по своим последствиям как подтолкнувший к однозначному примыканию к США в первую очередь Европу. Ветеран дипломатической службы Сингапура Чан Хенг Чи отмечала, что страны Юго-Восточной Азии не хотели бы следовать европейскому примеру. При всей комфортности ситуации, при которой Соединённые Штаты структурировали миропорядок с точки зрения безопасности, а Китай – в плане экономики, обострение конфликта на Украине актуализировало для стран региона необходимость поиска механизмов обеспечения «третьего» (альтернативного) пространства, не полностью подконтрольного этим двум державам⁴⁰. Изменения отношений в треугольнике под влиянием украинского вопроса, по мнению сингапурских исследователей, скорее осложняло положение Пекина из-за тесных отношений с Россией, а не затрагивало напрямую интересы стран Юго-Восточной Азии.

Иная ситуация сложилась с Вьетнамом, который из всех стран АСЕАН испытал на себе, пожалуй, непосредственное воздействие отношений трёх держав. Оно проявилось, в частности, в осторожном дистанцировании Вьетнама от России после февраля 2022 г. и попытках диверсифицировать своё политическое и военно-техническое сотрудничество, в том числе за счёт усиления связей с Соединёнными Штатами. В сентябре 2023 г. СРВ и США заяви-

³⁶ *Chheng N. Hun Sen: Stop Russia Sanctions* // The Phnom Penh Post. 24.05.2022. URL: <https://www.phnompenhpost.com/national-politics/hun-sen-stop-russia-sanctions> (accessed: 28.11.2022).

³⁷ *Philippines' Marcos Jr. open to buying Russian fuel, proposes new Myanmar approach* // The Arab News. 05.10.2022. URL: <https://arab.news/9qs9b> (accessed: 28.11.2022).

³⁸ Встреча с председателем Государственного административного совета Мьянмы Мин Аун Хлайном // Восточный экономический форум. 07.09.2022. URL: <https://forumvostok.ru/news/meeting-with-chairman-of-the-state-administration-council-of-myanmar-min-aung-hlaing/> (дата обращения: 28.11.2022).

³⁹ *Singapore wants to work with US to bolster rules-based order: DPM Lawrence Wong* // The Straits Times. October 14, 2023. URL: <https://www.straitstimes.com/world/united-states/singapore-wants-to-work-with-the-us-to-bolster-rules-based-order-dpm-lawrence-wong> (accessed: 31.03.2024).

⁴⁰ *Chee C.H. The new New World Order* // The Straits Times. 08.03.2022. URL: <https://www.straitstimes.com/opinion/ukraine-crisis-the-new-new-world-order> (accessed: 28.11.2022).

ли, что их отношения достигли всеобъемлющего стратегического партнёрства⁴¹. Ранее подобный уровень поддерживался лишь в отношениях с Российской Федерацией, КНР и Индией. Вьетнаму потребовалось предпринять оперативные внешнеполитические шаги, чтобы найти новый баланс и в отношениях с Китаем. В ходе визита Си Цзиньпина в Ханой в декабре 2023 г. две страны отметили обоюдное стремление к «Сообществу общего будущего», имеющему стратегическое значение для обоих партнёров⁴². Тем не менее во вьетнамских экспертных кругах фиксировалась многоаспектная заинтересованность в сохранении хороших отношений с Москвой и неполном примыкании к Пекину. Подобное развитие событий могло бы поставить Вьетнам в гораздо более сложное положение⁴³.

Представленный анализ позволяет выявить широкий спектр мнений, сформировавшихся на национальном уровне в Юго-Восточной Азии в качестве реакции на кризис европейской архитектуры безопасности и трансформацию отношений в треугольнике США—Китай—Россия. При сохранении дискурсивной приверженности стран региона на официальном уровне единой позиции, сформулированной в рамках АСЕАН, де-факто под влиянием роста глобальной и региональной турбулентности страны Ассоциации продемонстрировали разнонаправленные реакции и в отдельных случаях даже отклонение от курса на хеджирование внешнеполитических рисков.

* * *

Интенсификация международной напряжённости продемонстрировала, что соотношение сил в Юго-Восточной Азии даже по прошествии нескольких десятилетий после окончания «холодной войны» остаётся хрупким и неустойчивым. Вместе с тем регион продолжает существовать и развиваться, сохраняя при этом многие международно-политические болевые точки и разнообразие политического устройства. Страны ЮВА испытывают необходимость находить компромиссы между интересами различного рода игроков в условиях постоянно сохраняющейся асимметрии потенциалов в политике, экономике и сфере безопасности. Кризис европейской архитектуры региональной безопасности, несмотря на географическую отдалённость, подсветил эти особенности.

В регионе следует выделить как минимум два уровня реакции — региональный и национальный — на упомянутый кризис. На протяжении более чем двух десятилетий⁴⁴ региональный уровень позволял странам АСЕАН активно использовать институциональное балансирование и хеджирование в отношениях с крупными державами. В ситуации же наложения нескольких кризисных явлений⁴⁵ эти уровни продемонстрировали усиливающуюся разнонаправленную динамику.

На общерегиональном уровне страны Юго-Восточной Азии продолжали демонстрировать сочетание балансирования и хеджирования, что прослеживалось в опыте и итогах председательства Камбоджи

⁴¹ Joint Leaders' Statement: Elevating United States-Vietnam Relations to a Comprehensive Strategic Partnership // The White House. 11.09.2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/09/11/joint-leaders-statement-elevating-united-states-vietnam-relations-to-a-comprehensive-strategic-partnership/> (accessed: 04.02.2024).

⁴² В данном случае имеет значение использование на вьетнамском языке термина «общего будущего», а не единой судьбы, предлагаемой в китайской трактовке. Подробнее см.: *Khang Vu*. Vietnam and China Announce Major Upgrade in Relations During Xi Visit // The Diplomat. 13.12.2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/12/vietnam-and-china-announce-major-upgrade-in-relations-during-xi-visit/> (accessed: 04.02.2024).

⁴³ *Hunh Tam Sang*. The US-Russia-Vietnam Triangle: Decoding Hanoi's Strategic Balancing // The Diplomat. 01.06.2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/06/the-us-russia-vietnam-triangle-decoding-hanois-strategic-balancing/> (accessed: 04.02.2024).

⁴⁴ До политического кризиса 2021 г. в Мьянме.

⁴⁵ Мьянма, последствия пандемии и украинский вопрос.

в АСЕАН, Индонезии – в «группе двадцати», Таиланда – в АТЭС. При этом на национальном уровне произошла дивергенция. Основная часть стран шла в русле общерегионального фарватера, а Сингапур и Мьянма от хеджирования в большей степени перешли к примыканию.

Рассматривая структурные международные факторы, обуславливающие эффективность стратегий, стоит отметить, что в ситуации региональной реакции на бинарную оппозицию Китай–США хеджирование всё ещё применялось. Тем не менее, когда в этой конструкции появилась Россия, реализовать эту стратегию в полной мере не всегда представлялось возможным из-за более жёсткой линии противостояния Москвы и Вашингтона. Вместе с тем политический и экспертный консенсус в странах Юго-Восточной Азии заключается в том, что хеджирование остаётся насущной необходимостью для региона.

Политика Соединённых Штатов по отношению к своим союзникам в ЮВА стано-

вится гораздо более избирательной и подвержена флуктуациям. Наблюдаются периоды более активного вовлечения и затем потери интереса к региону. При этом присутствие Китая в Юго-Восточной Азии наращивается последовательно, независимо от последствий пандемии. Кроме того, странами АСЕАН чётко осознаётся необходимость следовать собственным экономическим интересам, обеспечение которых невозможно только за счёт сотрудничества с США и требует поддержания рабочих отношений и с КНР, и с Российской Федерацией.

Опыт аккомодации, наработанный АСЕАН, вероятно, будет особенно востребован в новых международных реалиях в противовес ЕС, так и не сумевшего овладеть инструментами сосуществования с политическими и экономически инаковыми субъектами. Брюссель предложил крайне негибкий вариант подхода к таким странам. Тем не менее вопрос заключается в способности Ассоциации продолжить имплементировать этот опыт на практике.

Список литературы

- Афанасьева Е.Н.* и др. Лаос: Справочник / Под ред. С.И. Иоанесяна. М.: Восточная литература, 1994. 277 с.
- Байков А.А.* Парадигма асеаноцентричного построения отношений в Восточной Азии// АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы / Под ред. В.М. Мазырина, Е.В. Колдуновой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023. С. 32–60.
- Байков А.А.* Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.
- Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: НОФМО, 1997. 353 с.
- Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Киреева А.А.* Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. №2. С. 37–57. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-37-57>
- Галенович Ю.М.* Россия–Китай–Америка: от соперничества к гармонии национальных интересов? М.: Русская панорама, 2006. 575 с.
- Грэм Т.* Китай–Россия–США: отношения и стратегические треугольники // Полис. Политические исследования. 2020. №6. С. 62–72. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.05>
- Истомин И.А.* Логика поведения государств в международной политике. М.: Аспект Пресс, 2018. 296 с.
- Киссинджер Г.* О Китае. М.: АСТ, 2014. 635 с.
- Королёв А.С.* Стратегии средних стран в отношении великих держав: опыт Малайзии // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 1. С. 90–104. DOI 10.17994/IT.2018.16.1.52.8
- Куклин Н.С.* Концептуальные основы внешней политики Индонезии. М.: Аспект Пресс, 2023. 152 с. Логика новой мироустройственной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. 576 с.
- Морозов Ю.В., Батюк В.И.* Стратегический треугольник США–КНР–РФ: вызовы и перспективы безопасности России. М.: ИКСА РАН, 2022. 544 с.
- Мосяков Д.В.* История Камбоджи. XX век. М.: ИВ РАН, 2010. 743 с.

- Наталегави М.* На что способна АСЕАН? Взгляд изнутри / Пер. Е.Л. Хватовой. М.: Аспект Пресс, 2022. 332 с.
- Политика санкций: цели, стратегии, инструменты. М.: НП РСМД, 2023. 536 с.
- Фомичёва Е.А.* Внешняя политика Таиланда. М.: Наука, Гл. редакция восточной литературы, 1991. 170 с.
- Шаكليни Т.А.* Россия и США в современных международных отношениях. М.: Аспект Пресс, 2022. 448 с.
- Alves A.C.D.* BRI and global development praxis: is a paradigm shift eminent? // *Research Handbook on the Belt and Road Initiative* / ed. by J. C. Liow, Hong Liu and Gong Xue. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021. P. 76–87.
- Anwar D.F.* Reinvention in Indonesia's foreign policy strategy // *East Asia Forum Quarterly*. 2013. Vol. 45. No. 4. P. 10–11.
- Ba A.* Who's socializing whom? Complex engagement in Sino-ASEAN relations// *The Pacific Review*. 2006. Vol. 19. Iss. 2. P. 157–179. doi.org/10.1080/09512740500473163
- Blank S., Lukin A., Rozman G.* Uneasy Triangle: China, Russia, and the United States in the New Global Order. Washington, DC: Center on Global Interests, 2015. 44 p.
- Busbarat P.* Thailand: A Security Outlook Clouded by Policy Dilemmas in the Changing Geopolitical Landscape // *CSCAP Regional Security Outlook 2024* / ed. by R. Huiskens. Canberra: Australian National University, 2023. P. 49–54.
- Ciorciari J., Haacke J.* Hedging in International Relations: an Introduction// *International Relations of the Asia-Pacific*. 2019 (September). Vol.19. Iss. 3. P. 367–374. https://doi.org/10.1093/irap/lcz017
- Gerstl A.* Hedging Strategies in Southeast Asia: ASEAN, Malaysia, the Philippines and Vietnam and their Relations with China. Abington: Routledge, 2022. 162 p.
- Goh E.* Great Powers and hierarchical order in Southeast Asia: Analyzing regional security strategies // *International Security*. 2008. Vol. 32. No. 3. P. 113–157. https://doi.org/10.1162/isec.2008.32.3.113
- Goh E.* Meeting the China Challenge: The U.S. in Southeast Asian Regional Security Strategies. Washington: East-West Center Washington, 2005. 66 p.
- Hass R.* Stronger: Adapting America's China Strategy in an Age of Competitive Interdependence. New York: Yale University Press, 2021. 240 p.
- Hiebert M.* Under Beijing Shadow: Southeast Asia's China Challenge. Lanham: Rowman&Littlefield, 2020. 608 p.
- Jackson V.* Power, trust, and network complexity: three logics of hedging in Asian security // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2013. Vol. 14. No. 3. P. 331–356. https://doi.org/10.1093/irap/lcu005
- Jones D.M., Jenne N.* Hedging and Grand Strategy in Southeast Asian Foreign Policy // *International Relations of the Asia Pacific*. 2022. Vol. 22. No. 1. P. 205–235. https://doi.org/10.1093/irap/lcab003
- Kausikan B.* Dodging and Hedging in Southeast Asia // *The American Interest*. 16.01.2017. URL: https://www.the-american-interest.com/2017/01/12/dodging-and-hedging-in-southeast-asia/ (accessed: 28.11.2022).
- Kausikan B.* Navigating the New Age of Great Power Competition // *Foreign Affairs*. 11.04.2023. URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/china-great-power-competition-russia-guide?utm_medium=promo_email&utm_source=lo_flows&utm_campaign=registered_user_welcome&utm_term=email_1&utm_content=20240204 (accessed: 04.02.2024).
- Krauthammer C.* The Unipolar Moment: America and the World 1990 // *Foreign Affairs*. January 1990. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1990-01-01/unipolar-moment (accessed: 28.11.2022).
- Kuik C.-C., Rozman G.* Light or Heavy Hedging. Positioning between China and the United States. Washington, DC: Korea Economic Institute of America, 2015. 10 p.
- Li L., Jiang T.* From Conceptual Idea to Strategic Reality: 'Indo-Pacific Strategy' from the Perspective of Chinese Scholars// *Asian Perspective*. 2023. Vol. 47. No. 1. P. 101–119. doi.org/10.1353/apr.2023.0004
- Martin S.B.* From Balance of Power to Balancing Behavior: The Long and Winding Road // *Perspectives on Structural Realism* / ed. by A. K. Hanami. New York: Palgrave Macmillan, 2003. P. 61–82.
- Multiple Hegemonies. Twenty-First Century International Order between Hegemony and Post-Hegemony* / ed. by Key-young Son. Seoul: Asiatic research Institute (ARI) Press Korea University, 2021. 310 p.
- Phubunlap Gunaseelan O.* The Russia-Ukraine Conflict: Implications for Thailand and ASEAN // *Points of View*. 2022. No. 3. P. 1–5.
- Poonkham J.* A Genealogy of Bamboo Diplomacy. The Politics of Thai Détente with Russia and China. Canberra: Australian National University (ANU) Press, 2022. 326 p. http://doi.org/10.22459/GBD.2022
- Rangsimaporn P.* Central Asia and Southeast Asia. Exploring the Dynamics of Greater Engagement. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. 169 p.

- Russia-China-USA: Redefining the Triangle / ed. by A. D. Voskressenski. New York: Nova Science Publishers, 1996. 240 p.
- Shevtsova L. *Lonely Power: Why Russia Has Failed to Become the West and the West is Weary of Russia*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. 394 p.
- Strangio S. *In the Dragon's Shadow. Southeast Asia in the Chinese Century*. New Haven: Yale University Press, 2020. 360 p.
- The Balance of Power in World History / ed. by S. J. Kaufman, R. Little, W. Wohlforth. Basingstoke: Palgrave, 2007. 289 p.
- Walt S. Alliance formation and the balance of world power// *International Security*. 1985 (Spring). Vol. 9, No. 4. P. 3–43.
- Urry J. The Complexities of the Global // *Theory, Culture and Society*. 2005. Vol. 22. No. 5. P. 235–254. <https://doi.org/10.1177/0263276405057201>

SOUTHEAST ASIA BETWEEN THE US, CHINA, AND RUSSIA IN SEARCH FOR AN ELUDING BALANCE

EKATERINA KOLDUNOVA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

Southeast Asia has a unique history of interaction with great powers. As a result, the countries of the region have developed a wide range of foreign policy instruments and generated different types of foreign policy behavior, including balancing and bandwagoning. All the while, the rising complexity of global and regional processes, multifaceted confrontation between the USA, Europe and Russia, as well as between the USA and China and the regional projections thereof demand a revision of balancing, inherent in ASEAN and its member states' policies. This new international situation raises questions about new types of foreign policy strategy of small and middle range countries. The existing research defines them as hedging, which implies various policy actions undertaken to avoid or limit the risk of negative scenarios. Southeast Asian states started to develop their hedging strategies in response to the strategic uncertainty caused by China's rapid rise. Hence, the focus was primarily on avoiding collateral damage emanating from US-China relations. Yet the meltdown of the European security architecture has redefined the US-China-Russia triangle and its influence on Southeast Asia. A newer version of this triangle differs from its Cold war predecessor and complicates hedging implementation as it provokes a greater divergence of regional and national reactions to the ongoing crisis. Methodologically, the article proves it by analyzing the phenomenon of hedging in the Southeast Asian context, by looking at the European security architecture crisis' implications for the region and by comparing regional and national reactions to the rising confrontation in the USA-China-Russia triangle.

Keywords:

Southeast Asia; ASEAN; USA; China; Russia; hedging; balancing; bandwagoning

References

- Afnas'eva E.N. et al. (1994). *Laos. Spravochnik* [Laos. Handbook]. Moscow: Nauka. 277 p.
- Alves A.C.D. (2021). BRI and global development praxis: is a paradigm shift eminent? In: J. C. Liow, Hong Liu, Gong Xue (eds). *Research Handbook on the Belt and Road Initiative*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 76–87.
- Anwar D.F. (2013). Reinvention in Indonesia's foreign policy strategy. *East Asia Forum Quarterly*. Vol. 45. No. 4. P. 10–11.

- Ba A. (2006) Who's socializing whom? Complex engagement in Sino-ASEAN relations. *The Pacific Review*. Vol. 19, Iss. 2. P. 157–179. doi.org/10.1080/09512740500473163
- Baykov A.A. (2012). Sravnitel'naja integracija. Praktika i modeli integracii v zarubezhnoj Evrope i Tihookeanskoj Azii [Comparative Integration. Experience and Patterns of Integration in the United Europe and Asia Pacific]. Ed. by Alexei Bogaturov. Moscow: Aspekt Press. 256 p.
- Baykov A.A. (2023). Paradigma aseanocentrichnogo postroenija otnoshenij v Vostochnoj Azii [The ASEAN-centric Paradigm of International Relations in East Asia]. In: V. Mazyrin, E. Koldunova (eds.). *ASEAN Way of Integration: Achievements, Challenges, Dilemmas*. Moscow: Aspect Press. P. 32–60.
- Blank S., Lukin A., Rozman G. (2015). *Uneasy Triangle: China, Russia, and the United States in the New Global Order*. Washington, DC: Center on Global Interests. 44 p.
- Bogaturov A.D. (1997). *Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriya i teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij v Vostochnoy Azii posle Vtoroy mirovoy vojny (1945–1995)* [Great Powers in the Pacific Ocean. History and Theory of International Relations in East Asia after the World War II (1945–1995)]. Moscow: NOFMO. 353 p.
- Busbarat P. (2023). Thailand: A Security Outlook Clouded by Policy Dilemmas in the Changing Geopolitical Landscape. In: R. Huisken (ed.). *CSCAP Regional Security Outlook 2024*. Canberra: Australian National University. P. 49–54.
- Fomicheva E.A. (1991). *Vneshnyaya politika Tailanda* [Foreign Policy of Thailand]. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 170 p.
- Galenovich Yu.M. (2006). *Rossiya-Kitay-Amerika: ot sopernichestva v garmonii natsional'nykh interesov?* [Russia-China-USA: From Competition to the Harmony of National Interests?]. Moscow: Russkaya panorama. 575 p.
- Gerstl A. (2022). *Hedging Strategies in Southeast Asia: ASEAN, Malaysia, the Philippines and Vietnam and their Relations with China*. Abington: Routledge. 162 p.
- Ciorciari J., Haacke J. (2019). Hedging in International Relations: an Introduction. *International Relations of the Asia-Pacific*. Vol. 19, Iss. 3. P. 367–374. <https://doi.org/10.1093/irap/lcz017>
- Goh E. (2008). Great Powers and hierarchical order in Southeast Asia: Analyzing regional security strategies. *International Security*. Vol. 32, No. 3. P. 113–157. <https://doi.org/10.1162/isec.2008.32.3.113>
- Goh E. (2005). *Meeting the China Challenge: The U.S. in Southeast Asian Regional Security Strategies*. Washington: East-West Center Washington. 66 p.
- Graham T. (2020) Kitai – Rossiya – SShA: otnosheniia i strategicheskie treugol'niki [China-Russia-US Relations and Strategic Triangles]. *Polis. Political Studies*. 2020. No. 6. P. 62–72. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.05>
- Hass R. (2021). *Stronger: Adapting America's China Strategy in an Age of Competitive Interdependence*. New York: Yale University Press. 240 p.
- Hiebert M. (2020). *Under Beijing Shadow: Southeast Asia's China Challenge*. Lanham: Rowman&Littlefield. 608 p.
- Istomin I.A. (2018). *Logika povedeniya gosudarstv v mezhdunarodnoy politike* [The Logic of States' Behavior in the International Politics]. Moscow: Aspekt Press. 296 p.
- Jackson V. (2013). Power, trust, and network complexity: three logics of hedging in Asian security. *International Relations of the Asia-Pacific*. Vol. 14, No. 3. P. 331–356. <https://doi.org/10.1093/irap/lcu005>
- Jones D.M., Jenne N. (2022). Hedging and Grand Strategy in Southeast Asian Foreign Policy. *International Relations of the Asia Pacific*. Vol. 22, No. 1. P. 205–235. <https://doi.org/10.1093/irap/lcab003>
- Kaufman S.J., Little R., Wohlforth W. (eds). (2007). *The Balance of Power in World History*. Basingstoke: Palgrave. 289 p.
- Kausikan B. (2017). Dodging and Hedging in Southeast Asia. *The American Interest*. URL: <https://www.the-american-interest.com/2017/01/12/dodging-and-hedging-in-southeast-asia/> (accessed: 28.11.2022).
- Kausikan B. (2023). Navigating the New Age of Great Power Competition. *Foreign Affairs*. URL: https://www.foreignaffairs.com/ united-states/china-great-power-competition-russia-guide?utm_medium=promo_email&utm_source=lo_flows&utm_campaign=registered_user_welcome&utm_term=email_1&utm_content=20240204 (accessed: 04.02.2024).
- Kissinger H. (2014). O Kitae [On China]. Moscow: AST. 635 p.
- Korolev A.S. (2018). Strategii srednikh stran v otnoshenii velikikh derzhav: opyt Malayzii [The Strategies of Middle Powers in Relations with the Great Powers: the Experience of Malaysia]. *Mezhdunarodnyye Processy*. Vol. 16, No. 1. P. 90–104. DOI 10.17994/IT.2018.16.1.52.8
- Krauthammer C. (1990). The Unipolar Moment: America and the World 1990. *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1990-01-01/unipolar-moment> (accessed: 28.11.2022).

- Kuik C.-C., Rozman G. (2015). *Light or Heavy Hedging. Positioning between China and the United States*. Washington, DC: Korea Economic Institute of America. 10 p.
- Kuklin N.S. (2023). *Kontseptual'nye osnovy vneshnei politiki Indonezii* [Conceptual foundations of Indonesia's foreign policy]. Moscow: Aspekt Press. 152 p.
- Li L., Jiang T. (2023) From Conceptual Idea to Strategic Reality: 'Indo-Pacific Strategy' from the Perspective of Chinese Scholars. *Asian Perspective*. Vol. 47. No. 1. P. 101–119. doi.org/10.1353/apr.2023.0004
- Martin S.B. (2003). From Balance of Power to Balancing Behavior: The Long and Winding Road. In: A.K. Hanami (ed.). *Perspectives on Structural Realism*. New York: Palgrave Macmillan. P. 61–82.
- Morozov Yu.V., Batyuk V.I. (2022). *Strategicheskii treugol'nik SShA-KNR-RF: vyzovy i perspektivy bezopasnosti Rossii* [Strategic triangle USA-PRC-Russia: Challenges and Prospects on Russia's Security]. Moscow: IKSA RAN. 544 p.
- Mosyakov D.V. (2010). *Istoriya Kambodzhi. XX vek* [History of Cambodia. The 20th century]. Moscow: IV RAN. 743 p.
- Natalegava M. (2022). *Na shto sposobna ASEAN? Vzglyad iznutri* [Does ASEAN Matter? A View from Within]. Translated by E. L. Khvatova. Moscow: Aspekt Press. 332 p.
- Phubunlap Gunaseelan O. (2022). The Russia-Ukraine Conflict: Implications for Thailand and ASEAN. *Points of View*. No. 3. P. 1–5.
- Politika sanktsii: tseli, strategii, instrumenty [Politics of sanctions: aims, strategies, instruments]. Moscow: NP RSMID. 536 p.
- Poonkham J. (2022). *A Genealogy of Bamboo Diplomacy. The Politics of Thai Détente with Russia and China*. Canberra: Australian National University (ANU) Press. 326 p. http://doi.org/10.22459/GBD.2022
- Rangsimaporn P. (2022). *Central Asia and Southeast Asia. Exploring the Dynamics of Greater Engagement*. Cham: Palgrave Macmillan. 169 p.
- Shakleina T.A. (2022). *Rossiya i SShA v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [Russia and the USA in the Modern International Relations]. Moscow: Aspekt Press. 448 p.
- Shevtsova L. (2010). *Lonely Power: Why Russia Has Failed to Become the West and the West is Weary of Russia*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. 210 p.
- Son Key-young. (ed.). (2021). *Multiple Hegemonies. Twenty-First Century International Order between Hegemony and Post-Hegemony*. Seoul: Asiatic research Institute (ARI) Press Korea University. 310 p.
- Strangio S. (2020). *In the Dragon's Shadow. Southeast Asia in the Chinese Century*. New Haven: Yale University Press. 360 p.
- Urry J. (2005). The Complexities of the Global. *Theory, Culture and Society*. Vol. 22. No. 5. P. 235–254. https://doi.org/10.1177/0263276405057201
- Voskressenski A.D. (ed.). (1996). *Russia-China-USA: Redefining the Triangle*. New York: Nova Science Publishers. 246 p.
- Voskressenski A.D., Koldunova E.V., Kireeva A.A. (2017). Transregional'nye i regional'nye proekty v usloviyakh «postzapadnoy» mezhdunarodnoy real'nosti [Transregional and Regional Projects in the Post-Western International Realities]. *Sravnitel'naya politika*. Vol. 8. No. 2. P. 37–57. https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-37-57
- Voskressenski A.D. (ed.). (2021). *Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav* [The logic of new world architectonics and the strategies of powers]. Moscow: Strategicheskie izyskaniya. 576 p.
- Walt S. Alliance formation and the balance of world power. *International Security*. 1985 (Spring). Vol. 9, No. 4. P. 3–43.

НАЗЫВАЯ ПАРТНЁРА УГРОЗОЙ РОССИЯ В ДОКТРИНАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ ГЕРМАНИИ (1990–2023)

АЛЕКСЕЙ ТОКАРЕВ
МИХАИЛ КУЧЕРОВ
КРИСТИНА ЕРМАК
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье разобрано содержание 13 доктринальных документов Германии с 1990 по 2023 год: коалиционные договоры, Белые книги бундесвера и Стратегия национальной безопасности. Авторы представляют модель анализа доктрин, отражающую ретроспективное и перспективное видение немецкими правящими кругами России, США, Франции и Китая. Базу данных для применения модели составляют упоминания в этих документах 176 стран, организаций и географических регионов. Используются три критерия: приоритетность, частотность и качество упоминаний стран. В совокупности их анализ позволил выявить иерархию кластеров, к которым государства могут быть отнесены, и провести разделительные линии между этими группами. Конкретные слова-маркеры говорят о восприятии Москвы и Пекина как партнёров и соперников одновременно, а Вашингтона и Парижа — как надёжных союзников, несмотря на некоторые разногласия. Отдельные категории свидетельствуют о включении стран в западную «ценностную семью» либо о нахождении за её пределами, а также о значительном весе держав на мировой арене, с чем ФРГ необходимо считаться. Данные представлены в виде таблиц, разделённых на кластеры. Верифицирована многогранность доктринального положения зарубежных партнёров: иногда они представлены во всех четырёх ипостасях. В условиях размытых границ между позитивными и негативными оценками межгосударственных отношений авторы предлагают оригинальную программу исследования немецких доктринальных документов, которая позволяет сформировать страновую иерархию германской внешней политики. В финальной части изложен дизайн возможных исследований с применением данной методологической схемы.

Ключевые слова:

российско-германские отношения; внешняя политика; доктрины; коалиционный договор; Белая книга; безопасность; контент-анализ

Обмен углеводородов на западные технологии с 1970-х годов, ведущая роль СССР в объединении Германии, признание немцами ответственности за агрессивную наступательную войну способствовали построению дружественных отно-

шений между двумя странами. Они не были союзническими, но сохранялись как партнёрские, в том числе благодаря уникальному «институту друзей» — друг Борис и друг Гельмут, друг Владимир и друг Герхард¹.

¹ «Друг Гельмут»: как канцлеру ФРГ удавалось найти общий язык со всеми лидерами России // ТАСС. 2017. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4344072> (дата обращения: 28.04.2024).

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.02.2024

Дата принятия к публикации: 29.03.2024

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: a.tokarev@inno.mgimo.ru

Наряду с Францией ФРГ после 1990 г. была основным европейским партнёром Москвы. До февраля 2022 года, несмотря на растущее взаимное недоверие, продолжался диалог по урегулированию ситуации на Украине. Немецкий бизнес активно участвовал в стратегических для российского государства отраслях, включая строительство железных дорог², производство двигателей и подвижного состава. Германия сохраняла устойчивое второе (после Китая) место во внешнеэкономическом обороте России. После 2022 г. внешнеэкономические связи Москвы и Берлина стремительно обрывались. С отказом от российских углеводородов и уничтожением «Северного потока» импорт России в Германию в 2023 г. (3,7 млрд евро) упал на 90 % по сравнению с 2022 годом (36,4 млрд евро)³.

Расхождения как на межстрановом, так и на межличностном уровне ярко проявились после 2013 года. И канцлер А. Меркель (2005–2021), и президент США Б. Обама (2009–2017) просили президента В. Путина надавить на В. Януковича при подписании соглашения от 21 февраля 2014 г. для деэскалации внутриукраинского конфликта. Глава МИД ФРГ Ф.-В. Штайнмайер (2013–2017) выступал одним из гарантов реализации данного соглашения, в итоге подписанного президентом Януковичем после звонка из Москвы⁴. Гарантии Германии, Польши и Франции оказались ничтожными – вооружённая оппозиция пошла на штурм, президент сбежал из страны, главу государства назначили в обход конституции, в западных и центральных регионах Украины начались захваты органов власти.

После перетекания противостояния внутри Украины на восток ФРГ не вос-

пользовалась возможностью предотвратить эскалацию конфликта, хотя отдельные дипломатические шаги были сделаны. Несмотря на постоянное участие России в «нормандском формате» и готовность прекратить патронаж донецкой и луганской сепаратистских имплементации обоих Минских документов, Москва не видела со стороны Берлина и Парижа встречного движения. А. Меркель и президент Франции Ф. Олланд (2012–2017) после ухода из активной политики высказались в отношении Минских соглашений схожим образом. Курс двух стран сводился к затягиванию процесса, «чтобы дать Украине время на вооружение», но не реальному разрешению противоречий⁵.

После начала СВО германский истеблишмент взял курс на солидаризацию с Киевом и западными союзниками, а в немецком экспертном сообществе сформировался прочный антироссийский консенсус, в соответствии с которым политика Москвы в XXI веке воспринимается как попытка разрушить архитектуру европейской безопасности [Соколов, Воронников 2023: 16].

33 года отношений постсоветской России и Германии вместили в себя множество форм межгосударственных отношений. От стратегического политического партнёрства и теснейшего экономического и технологического взаимодействия, дополненных эффективной «химией отношений» между лидерами, до введения санкций и разрыва товарных и логистических цепочек, поставок вооружений стороне, воюющей с Россией, кризисов доверия и просто потери уважения между политиками.

Изменение немецкого внешнеполитического курса было формально закреплено.

² Консорциум немецких компаний готов участвовать в проекте ВСМ Москва-Петербург // Известия. 2019. URL: <https://iz.ru/915020/2019-08-28/konsortcium-nemetckikh-kompanii-gotov-uchastvovat-v-proekte-vsm-moskva-peterburg> (дата обращения: 28.04.2024).

³ Импорт из России в Германию сократился в 2023 году на 90% // ТАСС. 2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19981429> (дата обращения: 28.04.2024).

⁴ СМИ: Пойти на уступки оппозиции Януковича убедил Путин // RBC. RU. 2014. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/03/2014/570418c99a794761c0ce7796> (дата обращения: 28.04.2024).

⁵ Франсуа Олланд подтвердил слова Меркель о Минских соглашениях // BFM. RU. 2022. URL: <https://www.bfm.ru/news/516182> (дата обращения: 28.04.2024).

В первой в истории ФРГ Стратегии национальной безопасности, вышедшей в июне 2023 года, Россия названа «самой серьёзной угрозой миру и безопасности на евроатлантическом пространстве». Сотрудничество между двумя странами оказалось разрушенным во всех ключевых областях. При этом Россия остаётся для Европы и Германии важнейшим игроком, любые попытки маргинализации которого бессмысленны. Как подобная двойственная природа отношений отражается в стратегических документах?

Научная проблема и исследовательские вопросы

Восприятие государствами себя и контрагентов на международной арене закрепляется в доктринальных документах, где обозначаются цели и задачи внешней политики. Будучи первоисточником внешнеполитических установок государств, эти документы не только транслируют глобальные и региональные приоритеты стран, но и отражают мышление элит. С одной стороны, каждый такой текст предлагает рефлексию уже прошедших событий. С другой – обозначает образ желаемого будущего, пусть и краткосрочного, и шаги, с помощью которых руководство страны намерено к нему прийти. Доктрины не всегда соответствуют реальной политике государств, хотя семиотика⁶ говорит об обратном. М. Эдельман называет язык интегральным элементом политической сцены, формирующим значение событий и роли, которые признаются всем обществом [Edelman 1972: 71]. Место России в немецких доктринах, его характеристика и изменение в 1990–2023 годах изучены недостаточно. В приведённых ниже в обзоре литературы работах если Российская Федерация и упоминается, то не сопоставляется с восприятием Германией других контрагентов.

Доктринальные документы уместно рассматривать в рамках теории дискурса. Работы этого толка иллюстрируют взаи-

мосвязь между текстовыми и реальными социальными практиками и её влияние на действия людей в физическом мире, равно как и на их мысли [George 1994: 191]. Не стоит при этом рассчитывать на большой прогностический потенциал доктрин. Тексты ретроспективны и во многом отражают оценки, основанные на событиях прошлого. Данное направление исследований критикуют, в частности, за попытки изучать политические явления через дискурсы. Любое стремление «закрепить» дискурс и идентичность, которую он создаёт, всегда успешно лишь отчасти. Несовершенная природа дискурсов, их взаимопересечения, отсутствие чётких границ оставляют слишком большое пространство для интерпретаций [Milliken 1999: 230]. Иными словами, доминирующий в конкретный момент дискурс может «перекрыть и заглушить» все остальные. В основном по этой причине выводы подобных работ могут оказаться лишь частично правдивыми [Doty 1996: 6]. Официальные документы, будучи чётко формализованными и изменяющимися по установленным процедурам, в наименьшей степени подвержены воздействию альтернативных дискурсов, поэтому рассматриваются нами как первоисточники внешней политики.

В настоящей статье были проанализированы 13 текстов 1990–2023 годов. Большое количество опубликованных за этот период документов показывает, что Германии приходится регулярно отвечать на вопрос о своём месте в мире. Нельзя сказать, что немецкие внешнеполитические документы дают жёсткую иерархию друзей и врагов. Без исследования текстов невозможно ответить на два вопроса:

1. Как и на основе каких критериев можно кластеризовать государства в доктринальных документах ФРГ?

2. Какое место в этих доктринальных кластерах занимает Россия?

Для сравнения с показателями России мы берём Францию как главного европей-

⁶ Раздел науки, изучающий язык и транслируемые с его помощью смыслы.

ского союзника Германии, США – как главного мирового союзника, КНР – как главного стратпартнёра в Евразии (после резкой редукации отношений с Россией). Фокус работы сосредоточен на России, но анализ упоминаемости ещё трёх государств позволяет рассмотреть отношения с нашей страной в сравнительной перспективе. Для ответа на исследовательские вопросы мы собрали базу данных, состоящую из упоминаний в германских доктринах стран мира, а затем на основе присвоенных им слов-маркеров распределили государства по группам.

Историография российско-германского взаимодействия

Место России во внешней политике ФРГ – предмет исследований многих специалистов. Литературу по российско-германским отношениям можно разделить на два блока: взаимодействие Берлина с Москвой, в том числе от лица ЕС, и положение Российской Федерации в доктринальных документах Германии.

После 1990 года, отмечают учёные-международники, отношение к России формировалось с опорой на прагматизм [Девятков 2016; Westphal 2008]. Акцентируется влияние энергетики, которая создавала почву для развития двусторонних связей. Расширение сети российско-германских контактов при выстраивании связей России и Европы также анализируют в своих исследованиях Н. Павлов, Н. Меден, М. Сидди, М. Дембинска и А. Умланд [Павлов 2012; Меден 2017; Siddi 2018; Dembinska 2020; Umland 2022].

Специалисты-международники указывают на преимственность во внешней политике Германии до 2011 года [Mello 2021; Hamzaoglu 2022]. С. Сабо рассматривает роль России в выстраивании германо-американских отношений [Szabo 2018].

Через ретроспективный анализ автор сравнивает политику элит в период «холодной войны» и состояние отношений в пост-биполярный период в стратегическом треугольнике Германия–США–Россия. Отмечается нарастающая зависимость Берлина в выработке внешнеполитического курса по отношению к Москве от позиции ЕС⁷.

Влияние украинского кризиса на трансформацию российско-германских связей стало популярным направлением с конца 2010-х годов. Несмотря на нарастание политических противоречий, учёные обращают внимание на результативный диалог в области бизнеса, культуры и науки [Крылова 2020; Грачёва 2021]. Э. Флэминк обращает внимание на выстраивание культурных связей Германии с восточным соседом в формате городов-побратимов [Maerminck 2021]. К. Потапенко и Л. Пузынина исследуют сотрудничество двух стран в период пандемии COVID-19 [Потапенко, Пузынина 2021].

Место России в доктринальных документах ФРГ затрагивается в работах П. Сугоняева и Н. Власова [Сугоняев 2020; Власов 2018]. Они анализируют, какие успехи были достигнуты Москвой и Берлином с учётом проблем на уровне двусторонних отношений. Н. Ивкина на основании контент-анализа докладов Мюнхенских конференций, публиковавшихся с 2015 по 2022 год, определила индекс агрессивности по отношению к Москве⁸. Разбор документов присутствует в исследовании Д. Липинского и А. Мусаткиной. Они рассматривают социальный и гуманистический аспекты в текстах, посвящённых национальной безопасности России и Германии [Липинский, Мусаткина 2019]. На маргинализацию Москвы в Стратегии национальной безопасности ФРГ 2023 г. указал в своей работе В. Белозёров [Белозёров 2023].

⁷ Pedersen T. From «Wandel durch Handel» to «Zeitenwende»: a study of gaps and continuity in German defense and security policy // NTNU Open. 2022. P. 16–20.

⁸ Ивкина Н. О чём молчат Мюнхенские конференции XXI в. // РСМД. 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/o-chem-molchat-myunkhenskie-konferentsii-xxi-veka/> (дата обращения: 06.10.2023).

Начало российской специальной военной операции на Украине в 2022 году, по мнению Дж. Лафа, определило резкую смену взглядов немецких элит [Lough 2022]. А. Бендик, Б. Блюменау и Т. Педерсен исследуют вызовы, перед которыми стоит ФРГ на современном этапе, и возможное будущее политики страны в области безопасности после речи О. Шольца о «Zeitenwende» («Смене эпох») [Bendiek 2022; Blumenau 2022]⁹.

Практический и концептуальный базис германской внешней политики рассматривают Ф. Трунов, С. Погорельская, А. Синдеев. Спектр вопросов для анализа включает особенности иммиграционной политики ФРГ [Погорельская 2010]. Учёные затрагивают и реформы вооружённых сил. Синдеев выявляет особенности принятия решений по вопросам обороны и безопасности [Синдеев 2023]. Использование вооружённых сил Германии за рубежом анализирует Ф. Трунов [Трунов 2023]. Доктринальные документы ФРГ используются как вспомогательный источник. На основе качественного анализа В. Белов, М. Грачёва и А. Иванова проводят сравнение Белых книг 2006 и 2016 годов [Белов и др. 2017]. В трудах А. Синдеева, Ф. Трунова и С. Погорельской основу источников составляют двусторонние и многосторонние соглашения, рамочные договоры, внутренние документы государственных органов и акты международных организаций.

Среди лакун, сохраняющихся в научном дискурсе о восприятии германскими элитами России, заметна низкая доля работ о доктринах. В большинстве исследований акцент сделан на политических действиях и решениях, а не их первоисточниках. Авторы заполняют этот пробел, комбинируя количественные и качественные методы, чтобы проследить изменение внешнеполитического курса ФРГ по отношению к России в зависимости от мировых и региональных тенденций.

Методология исследования

Для отслеживания положения Российской Федерации в стратегических концепциях Германии были отобраны основополагающие тексты 1990–2023 годов, связанные с дипломатией, политикой обороны и безопасности. Авторы проанализировали представленность в них России по трём критериям: частота, приоритетность и качество упоминаний. В базу данных попали 13 документов: девять коалиционных договоров, три версии Белых книг бундесвера и Стратегия национальной безопасности ФРГ 2023 г. (табл. 1). Это наиболее значимые внешнеполитические доктрины объединённой Германии. Другие тексты – Руководящие принципы оборонной политики (РПОП), Концепции бундесвера, план действий «Гуманитарное предотвращение кризисов, разрешение конфликтов и мирная консолидация» – более узкие по содержанию.

РПОП разрабатывает штаб планирования федерального министра обороны. В отличие от Белых книг, эти документы формально не согласовываются с другими министерствами и не утверждаются федеральным правительством. В РПОП фиксируются ценности, цели и интересы бундесвера, в них также упоминаются возможности и ограничения вооружённых сил ФРГ. Концепции бундесвера сконцентрированы на принципах развёртывания войск, борьбе с угрозами на земле, море, в воздухе и киберпространстве. План действий «Гуманитарное предотвращение кризисов, разрешение конфликтов и мирная консолидация» сосредоточен в основном на невоенных инструментах поддержания мира в странах с нестабильной обстановкой. Три упомянутые выше группы доктрин характеризуют скорее насущные задачи государственных ведомств, нежели стратегическое внешнеполитическое планирование, либо отражают отдельные аспекты германского присутствия в мире, поэтому объектами анализа в этой работе не стали.

⁹ Pedersen T. From «Wandel durch Handel» to «Zeitenwende»: a study of gaps and continuity in German defense and security policy // NTNU Open. 2022. P. 36.

Таблица 1
Выборка документов

Документ	Год издания
коалиционный договор	1990
Белая книга	1994
коалиционный договор	1994
коалиционный договор	1998
коалиционный договор	2002
коалиционный договор	2005
Белая книга	2006
коалиционный договор	2009
коалиционный договор	2013
Белая книга	2016
коалиционный договор	2018
коалиционный договор	2021
Стратегия национальной безопасности	2023

Источник: составлено авторами.

Авторы также не использовали основополагающие для Берлина международные соглашения – например, Договоры об окончательном урегулировании в отношении Германии и о добрососедстве, партнёрстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ 1990 года. При всей их значимости для восприятия Германии в мире и её позиционирования за рубежом они не позволяют провести ни кросс-национальное, ни кросс-темпоральное сравнение.

Каждый документ был проанализирован по двум количественным и одному качественному критериям:

1. Приоритетность упоминаний. Авторы допускают, что наиболее значимые для Германии страны встречаются на первых страницах документов, а наименее важные – в конце. Вместе с тем заметна необъективность такого узкого подхода. В 2006 г. Ливан упоминался раньше США, России, Китая, Франции и всех других европейских союзников ФРГ. Это связано с тем, что Германия тогда в рамках миссии ООН направила к берегам страны военные корабли для борьбы с контрабандой оружия.

2. Частота упоминаний. Чем большую важность представляет объект, тем большее число раз он будет упоминаться. Вместе с тем и этот параметр имеет ограничения: в документах 2002–2023 годов Африка встречалась чаще Франции, а в 2018 г. континент занял третье место после ЕС и ООН, оставив все остальные страны, регионы и объединения позади. Отчасти это может быть связано с растущей ролью Африки в мировых делах. Многие объекты упоминались одинаковое число раз – в таких случаях они расставлялись по приоритетности.

3. Характер упоминаний. Поскольку в германских доктринах отсутствует чёткая иерархия, по которой определялся бы формат взаимодействия с другими странами, авторы на основе нечастотного контент-анализа выработали исследовательскую модель. Были выбраны основные слова-маркеры, которые чаще всего используются в документах при обозначении 176 контрагентов Германии: например, «друг», «партнёр» или «угроза». Собрав данные о том, как в документах описываются 118 государств, 34 географических региона и 24 наднациональные организации, полученные формулировки авторы распределили по семи категориям. В настоящем исследовании представлена работа по малой части базы данных – четырём государствам.

В дальнейшем выделялись ключевые слова, чаще всего применяемые к разным объектам. Учитывалось не только ядро, но и слова-усилители – например, «первостепенный», «самый важный», «ведущий» (табл. 2). Ввиду неточности последнего критерия границы кластеров получились размытыми. В частности, для категории «партнёр» характерны маркеры «сотрудничество» и «взаимодействие», но если упоминания объектов усиливались словами «долгосрочная стратегия», «стратегически значимый» и «привилегированный партнёр», то они попадали в разряд «стратегических партнёров». В то же время дополнения «общие ценности», «демократия», «права человека», «верховенство права» и «порядок, основанный на правилах» пере-

Таблица 2
Клusters стран и маркеры

Актеры-цели	Маркеры	Описание	Примеры
Константы внешней политики	Столп, основа внешней политики, незаменимый/ближайший/самый важный партнёр/друг, главный партнёр, первостепенное значение, якорь, гарант, национальный интерес, центральный/важный инструмент, краеугольный камень, ведущая роль, незаменимая/единственная/ключевая/исключительная организация, отвечать на глобальные вызовы, гарант, движущая сила, уникальный, мотор, традиционный/многолетний партнёр, давно установленные отношения	Наднациональные блоки, страны и регионы, упоминаемые как основы внешней политики во всех отобранных доктринальных документах, кроме коалиционного договора 1990 г.	Евросоюз, НАТО, Франция, трансатлантическое партнёрство (ЕС + США + Британия + Канада)
Основы внешней политики	Те же, что у констант	Организации, государства и регионы, которые Германия считает центральными для поддержания миропорядка и европейской региональной системы международных отношений. Чаще всего описываются в документах как незаменимые институты или самые важные партнёры ФРГ во внешней политике. Отличаются от констант частотой упоминаний: встречаются в таком статусе не во всех документах	Евросоюз, НАТО, Франция, США, трансатлантическое партнёрство (ЕС + США + Британия + Канада), Польша, ООН, ОБСЕ
Стратегические партнёры	Стратегический/привилегированный партнёр, долгосрочная стратегия партнёрства, большой/важный/значимый партнёр, стратегическое значение	Страны, не входящие в ЕС и НАТО, которые Германия воспринимает в качестве стратегических партнёров	Россия, Китай, Индия
Партнёры	Партнёр, сотрудничество, стремление укреплять сотрудничество	Регионы, интеграционные объединения и страны, с которыми Германия сотрудничает в рамках двусторонних отношений или от лица ЕС	Африка, АСЕАН, Латинская Америка
Важные игроки	Важный/значимый, решающая роль, большой политический вес, огромное значение, передовой	Страны, которые в документах отмечаются как игроки, имеющие важное значение в международных отношениях	Россия, Турция

Продолжение таблицы 2

Актеры-цели	Маркеры	Описание	Примеры
Ценностные партнёры	Общие ценности, ценностное партнёрство, права человека, демократия, правовое государство, защита меньшинств, порядок, основанный на правилах	Государства, организации и регионы, в которых, по мнению германских политиков, доминируют идеологические установки западных демократий	США, ОБСЕ, Япония, Южная Корея
Соперники	Соперник, противник, системный соперник, угроза, вызов	Страна соперничает с ФРГ и ЕС по отдельным направлениям. Есть прямые расхождения в интересах. В документах декларируется необходимость ей противодействовать	Россия, Китай, Иран
Актеры-средства			
Инструменты решения глобальных и региональных проблем	Важная площадка, важный инструмент, устойчивое развитие, переговоры, стандарты, правила, необходимость совершенствовать	Перечисленные в доктринах международные организации и упомянутые конкретные цели Германии как члена этих структур	ВТО, МВФ, «группа семи (восемь)», «группа двадцати», Всемирный банк
Евроинтеграция	Переговоры о вступлении, найти место в Европе, копенгагенские критерии	Страны, упоминаемые в доктринах в качестве действующих или потенциальных кандидатов на вступление в ЕС	Черногория, Северная Македония, Украина
Безопасность	Военные учения, базы, совместные корпуса, расположение войск, борьба с терроризмом	Упоминается сотрудничество в военной сфере и области безопасности	США, Польша, Испания, Британия
Приграничное сотрудничество	Страны-соседи	Описываются вопросы приграничного взаимодействия с близлежащими странами	Дания, Нидерланды, Чехия
Экономическое сотрудничество	Торговля, инвестиции, бизнес, товарооборот	Германия видит страну/регион торговым партнёром или объектом инвестиций. Представители страны/региона также могут вкладывать средства в немецкую экономику	Китай, Латинская Америка
Историческая память	Исторические обязательства, особая ответственность, захоронения	Курс по отношению к стране тесно вплетён в политику памяти современной ФРГ	Израиль, Россия
Устойчивое развитие	Устойчивость, стабилизация, экономическое развитие, проблемы развития, преступность, гуманитарная помощь	В стране/регионе есть проблемы, которые ведут к внутренней нестабильности и кризисам: преступность, коррупция, слабые государственные институты. К этому же кластеру относятся вопросы сотрудничества в сферах защиты климата, зелёной энергетики	Африка, Азия, Латинская Америка

Окончание таблицы 2

Актеры-средства	Маркеры	Описание	Примеры
Миграция	Мигранты, миграционный кризис, беженцы	Жители страны/региона уезжают в Европу в поисках лучшей жизни. Либо эти государства транзитные: в них беженцы временно останавливаются на пути в европейские страны	Алжир, Марокко, Тунис
Критика внутренней и внешней политики	Несоблюдение прав человека, отсутствие верховенства права, диктатура, необходимы реформы, нужна рыночная экономика, нарушение территориальной целостности	В документах есть ценностная критика страны со стороны Берлина – обвинение в несоблюдении прав человека, отсутствии верховенства права	Белоруссия, Иран
Вооружённый конфликт или внутренняя нестабильность	Война, вооружённый конфликт, гуманитарная катастрофа, беженцы, потрясения, переворот	Описывается политика Германии в связи с конфликтом и вызванной им гуманитарной катастрофой в данной стране	Сирия, Ливия, Ливан, Афганистан
Вопросы, не касающиеся широкого внешнеполитического контекста	Сокращение бюрократии, борьба с наркоторговлей, система предупреждения цунами, площадка для проведения конференции	Государства упоминаются как примеры успешных внутренних практик либо как площадки для решения глобальных и региональных проблем	Нидерланды Швейцария, Индонезия

Источник: составлено авторами.

водили объект в группу «ценностных партнёров». Хотя периферийная часть каждого из кластеров может быть пересмотрена, их «сердцевина» остаётся неизменной. С аналогичной проблемой сталкивались исследователи М. Гросс и С. Краусс [Gross, Krauss 2019]: они стремились поместить каждый объект в одну категорию, то есть обеспечить целостность ядра. Благодаря этому границы между категориями получились максимально отчётливыми.

В то же время стратегические документы не являются отображением строгих, например физических, систем, в которых следствие, как правило, жёстко привязано к условию. Страны, упоминаемые несколько документов подряд в качестве ключевых союзников, могут не получить подобный статус в актуальной версии доктрины. Означает ли это резкое ухудшение отношений? Или же при анализе стратегических документов необходимо помнить о недо-

статочной строгости дискурсивного изменения международных отношений?

Второй вариант представляется более обоснованным, поэтому качественный критерий выступает основным. В табл. 2 представлены выделенные маркеры, при помощи которых авторы соотносили акторов и кластеры. Отдельно были прописаны условно инструментальные субъекты. Они не являются целью сами по себе, как большие державы, но выступают как механизмы для решения значимых проблем (табл. 4). Данный раздел был назван «акторы-средства». Наличие актора среди кластеров ключевых стран не закрывало ему попадание в последний раздел.

Слова-маркеры авторы отбирали вручную. Во время анализа каждого из 13 документов сначала были выделены объекты (страны, регионы и международные организации), а затем выписаны лексические конструкции, с помощью которых авторы

Таблица 3
Иерархия кластеров

Позитивные	Константа
	Основа ВП
	Страт. партнёр
	Партнёр
Нейтральные	Ценностный партнёр
	Сосед
Негативные	Важный игрок
	Угроза

Источник: составлено авторами.

документов давали им характеристику. Слова и словосочетания были сгруппированы в кластеры на базе их смысловой схожести.

Условно все категории авторы разделили на позитивные, нейтральные и негативные (табл. 3).

Результаты исследования по трём критериям авторы сгруппировали и вывели для каждой из стран отдельно (табл. 4–7). Количественные параметры представлены в виде цифр, качественные – в форме ячеек со статусами.

Германскому видению России свойственны две укоренившиеся установки, которые не меняются с течением времени.

Во-первых, правящие круги воспринимают Москву как важного игрока в сфере безопасности. Несмотря на качественное изменение отношений, вызванное кризисами или сменой элит, тематика разоружения и урегулирования конфликтов постоянно фигурирует в российско-германском взаимодействии. В то же время маркер «важный игрок» отсутствовал лишь в 1990, 1998 и 2002 годах. Контроль над ядерным оружием, урегулирование спора вокруг

иранской ядерной программы и украинского кризиса, борьба с терроризмом, уверены представители германского истеблишмента, невозможно обсуждать без России. С 2014 г. наблюдается прямой или косвенный посыл о необходимости договариваться с Российской Федерацией при любой конфигурации в области безопасности. В коалиционном договоре 2021 г. отмечалось, что ФРГ всячески поддерживает российско-американские переговоры о разоружении¹⁰, а из СНБ 2023 г. следует, что «ни Германия, ни НАТО не ищут конфронтации с Россией»¹¹.

Во-вторых, в каждом стратегическом документе ФРГ после 1990 г. подчёркивается ценностная дистанция. Германские политики подвергают критике восточного соседа за «нарушения прав человека», «несоблюдение верховенства права», «низкие темпы реформ», а после 2014 г. – за «нарушение территориальной целостности Украины». Заметно, что немецкий истеблишмент никогда не видел Россию частью единой евроатлантической семьи. Маркер «ценностный партнёр», которым германские чиновники обозначают многие западные, но идеологически близкие к ним государства, ни разу не применялся к Москве.

В отношении к России имели место и ситуативные изменения. Наивысший статус у Российской Федерации был в 1994 г. – в Белой книге того года отмечалась её центральная роль в обеспечении европейской безопасности на фоне личного содействия М. Горбачёва объединению Германии и вывода ГСВГ. Страна упоминалась 82 раза, при том что во всех отобранных документах совокупно России отведено 224 упоминания.

Помимо резкого роста в середине 1990-х годов, вплоть до 2013 г. число упоминаний

¹⁰ Koalitionsvertrag 2021. Mehr Fortschritt wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. 2021. URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2021-2025.pdf. S. 115. (Abrufdatum: 27.04.2024).

¹¹ Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. 2023. S. 45. URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/5636374/38287252c5442b786ac5d0036ebb237b/nationale-sicherheitsstrategie-data.pdf> (Abrufdatum: 27.04.2024).

Таблица 6
Матрица Франции

Франция	КС 1990	БК 1994	КС 1994	КС 1998	КС 2002	КС 2005	БК 2006	КС 2009	КС 2013	БК 2016	КС 2018	КС 2021	СНБ 2023
Приоритетность	–	9	5	12	6	19	52	15	26	30	6	29	11
Частота	–	28	1	3	3	2	7	1	6	8	23	3	5
Качество		Константа	Константа	Сосед	Константа	Сосед	Константа	Сосед	Константа	Константа	Константа	Константа	Сосед
		Важный игрок	Константа	Константа	Важный игрок	Константа	Важный игрок	Константа	Важный игрок	Ценностный партнёр	Константа	Константа	Константа
				Важный игрок	Важный игрок	Важный игрок	Важный игрок						
Франция как актор-средство	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Источник: составлено авторами.

восточного соседа, кроме небольшого падения в 2009 г., планомерно увеличивалось (рис. 1). Вместе с тем в 2005 и 2009 годах речь шла о стратегическом партнёрстве с Москвой. Конфликт России с Грузией в 2008 г. качественно не повлиял на положение страны в проанализированных документах, хотя и оставил количественный след: Россия по-прежнему называлась стратегическим партнёром и важным игроком, при этом упоминалась в два раза реже (см. табл. 4). Число упоминаний с 2016 по 2021 г. снижалось, ухудшились и качественные характеристики образа России – в этот период по мере обострения ситуации на Украине политика Москвы всё сильнее воспринималась как вызов «порядку, основанному на правилах». В германских стра-

тегиях появились формулировки о «нарушении международного права и территориальной целостности». Водоразделом можно назвать 2014 г.: доктринальные документы начали открыто транслировать тезис о неприемлемости российского политического курса России и отклонении его от нормы (в понимании ФРГ).

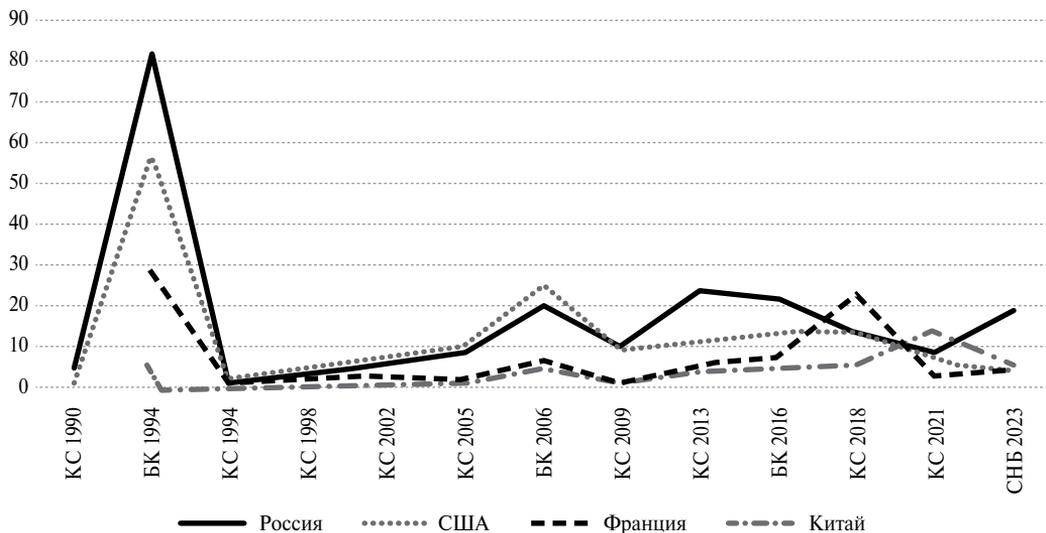
В 2013–2021 годах заметна амбивалентность – образу Российской Федерации придавались как позитивные, так и негативные черты. Стремление сдерживать Россию дополнялось признанием, что Москву и Берлин, как и ранее, связывает спектр общих интересов. Авторы документов видели себя в роли тех, кто имеет право ставить ультиматумы. Они писали о готовности к конструктивному диалогу с рос-

Таблица 7
Матрица Китая

Китай	КС	КС	КС	КС	КС	КС	КС	КС	КС	КС	КС	КС	СНБ
	1990	1994	1994	1998	2002	2005	2006	2009	2013	2016	2018	2021	2023
Приоритетность	-	-	-	-	-	39	102	26	44	10	4	4	13
Частота	-	-	-	-	-	2	5	2	4	5	6	14	6
Качество		Важный игрок	Важный игрок			Страт. партнёр	Страт. партнёр	Партнёр	Страт. партнёр	Партнёр	Страт. партнёр	Партнёр	Партнёр
Китай как актор-средство	-		-	-	-	Экономическое сотрудничество, критика внутренней и внешней политики	Безопасность, экономическое сотрудничество	Безопасность	Безопасность, экономическое сотрудничество, критика внутренней и внешней политики	Безопасность	Экономическое сотрудничество, критика внутренней и внешней политики	Безопасность, экономическое сотрудничество, критика внутренней и внешней политики	Безопасность, экономическое сотрудничество, критика внутренней и внешней политики

Источник: составлено авторами.

Рисунок 1
Количество упоминаний сравниваемых стран

Источник: составлено авторами.

сийскими коллегами, если последние выполняют необходимые им условия: перестанут «подрывать систему европейской безопасности», будут «уважать права человека и соблюдать нормы международного права». В первую очередь речь шла о событиях на Украине, виновницей которых в Берлине считали Москву. Для этого периода характерны упоминания страны как важного соседа ЕС – ранее эта нейтральная категория не использовалась применительно к Москве. В СНБ 2023 года, несмотря на максимальное дистанцирование от Российской Федерации, говорится, что прозрачные каналы коммуникации по вопросам контроля над вооружениями должны оставаться открытыми.

Москва всегда присутствовала не только в группе «акторы-цели», но и, за исключением 1994 года, пополняла ряды «акторов-средств». Значимая роль страны в обеспечении безопасности и параллельная критика её политического курса формировали образ России в доктринальных документах на протяжении трёх десятилетий. Экономическое взаимодействие акценти-

руется лишь в пяти документах, а об участии Москвы в военных конфликтах говорится два раза – в 2005 г. (Чечня) и в 2023 г. (Украина).

Историческая память, будучи одним из центральных компонентов взаимодействия между противостоявшими друг другу в двух мировых войнах народами, в стратегических документах отражена эпизодически. Соответствующие маркеры встречаются лишь в четырёх текстах, принятых в 2005–2013 годах. Содержательно в них затрагивают не ущерб, нанесённый СССР гитлеровской Германией, а интеграцию и поддержку этнических немцев на территории постсоветских стран. В двух текстах поднимается вопрос о возврате культурных ценностей, вывезенных из Германии в Советский Союз властями ГДР.

Примечательно, что первой Россия упоминалась лишь в 1994 и 2023 годах, но коннотация в этих документах зеркально противоположная: от «основы внешней политики» к «угрозе», при этом оба раза «важный игрок» (см. табл. 4). Это наблюдение вновь подтверждает нецелесообразность

Таблица 8
Доктринальная матрица

Константы													
ОВП													
Стратегические партнёры													
Партнёры													
Ценностные партнёры													
Соседи													
Важные игроки													
	КС 1990	БК 1994	КС 1994	КС 1998	КС 2002	КС 2005	БК 2006	КС 2009	КС 2013	БК 2016	КС 2018	КС 2021	СНБ 2023
Угрозы													

Источник: составлено авторами.

использования лишь одного критерия анализа, что не приводит к пониманию общей картины.

Матрицы доктрин: сравнительный анализ

Авторы сравнивают положение России в германских доктринальных документах с другими важными игроками – Соединёнными Штатами, Францией и Китаем. Москва, Вашингтон и Пекин несут ответственность за глобальную безопасность, в том числе ядерную. США и КНР также являются крупнейшими экономиками планеты и стабильно занимают первые места по объёму ВВП. Франция – главный европейский партнёр ФРГ: Берлин и Париж образуют тандем, который, несмотря на разногласия по многим политическим вопросам и в рамках НАТО и ЕС, остаётся движущей силой европейской интеграции.

В табл. 8 данные по качественному критерию для четырёх государств были сведены воедино. Очевидно разделение США, Франции, России и Китая на две группы. Первые два государства удостоились попадания в высшие категории – константы и основы внешней политики. Они же, в отличие от РФ и КНР, близки ФРГ идеологически и являются для неё ценностными партнёрами. Россия и Китай в 2016 и 2018 годах соответственно сочетали в себе позитивные и негативные маркеры. Москва с 2023 г. и вовсе стала лишь угрозой без

какой-либо положительной характеристики. Все четыре страны при этом остаются важными для Берлина игроками, что во многом подтверждает верность их выбора в качестве объектов анализа.

США и Францию Германия видит надёжными опорами во внешней политике. Статус константы стабильно сохраняется за Пятой республикой. Несмотря на ситуативные разногласия по вопросам европейской политики, Берлин признаёт своего соседа влиятельным игроком на мировой арене и драйвером евроинтеграции. Вместе с тем ценностный компонент двусторонних отношений отмечается только в Белой книге 2016 г. В документе подчёркивается совместное участие в региональной группе «Веймарский треугольник», группе «евротройка + 3» по СВПД и «нормандском формате» по урегулированию украинского кризиса.

Вашингтон удерживает позиции ключевого неевропейского партнёра ФРГ. Исключением стали 1990 и 2013 годы, когда заокеанский союзник опустился до позиции «партнёр». Первый рубеж связан с объединением Германии – выстраивание тесных связей только предстояло переосмыслить. В 2013 г. появилась информация о прослушивании американскими спецслужбами мобильного телефона канцлера А. Меркель. В заявлении главы германского правительства от 23 октября 2013 г.

отмечалось: «Это было серьёзным нарушением доверия»¹². В рассматриваемых документах после этого инцидента США второй раз не попали в кластеры констант и основ внешней политики. Общие ценности и влияние США в мире способствуют укреплению германо-американских отношений. Их фундамент – сотрудничество в военной сфере и области безопасности с опорой на экономику.

Роль Китая во внешней политике Германии оформлялась параллельно усилению позиций Пекина в мировом масштабе. КНР, будучи в тени германских внешнеполитических приоритетов в 1990–2002 годах¹³, стартовала с позиции стратегического партнёра. Между тем в Белой книге 1994 г. Берлин призывает за Пекином потенциал влиятельной державы, что делает его «важным игроком». Эта характеристика продолжает сохраняться за КНР, невзирая на её последующую маркировку как «угрозу» и «стратегического соперника». Аналогичный подход используется в отношении России.

Подвергая критике внешнюю политику обеих стран, Германия стабильно отдаёт приоритет военному и экономическому сотрудничеству. Статус «важного игрока» закрепился за двумя державами параллельно в период нахождения на посту канцлера Г. Коля в 1994 г. Тем не менее во время пребывания Г. Шрёдера (1998–2005) на посту канцлера КНР не упоминалась в доктринальных документах. Возможно, тогда Берлин не придавал большого значения Пекину, глобальные амбиции которого были не столь заметны, как в легислатуру Си Цзиньпина. Стратегическую направленность отношения ФРГ с Китаем и

Россией начали приобретать с момента прихода А. Меркель на пост канцлера в 2005 году. Статус «стратегический партнёр» стал первой качественной характеристикой германо-китайских отношений.

Западный вектор германской внешней политики сохранял устойчивые ключевые позиции. Как итог, Москва (с 2016 г.) и Пекин (с 2018 г.) получили также статус «угрозы». В первом случае это связано с «Крымской весной» и началом украинского кризиса: «Россия открыто ставит под сомнение европейский порядок. Это имеет глубокие последствия для безопасности Европы и Германии», – говорится в Белой книге 2016 года¹⁴. Во втором – с экономической экспансией Пекина и его все более активным участием в глобальных делах: «Инициатива “Пояса и пути” служит примером как возможностей, так и рисков», – следует из коалиционного договора 2018 года¹⁵. Тенденция сохранилась после вступления О. Шольца на должность канцлера в 2021 году, хотя Китай остаётся для Берлина «партнёром» и сегодня, а Россия имела такой статус до 2023 года, не получив после начала СВО ни одного позитивного упоминания. Тем самым проявляется противоречие, связанное с вариативностью немецкой политики в отношении незападных держав. Понимание выгод от предметного сотрудничества в отдельных областях сопровождается амбивалентный подход Германии к КНР и России. Во внешнеполитической традиции ФРГ, что ясно отражено в доктринах, также принято делить зарубежных контрагентов на западных и незападных.

Сравнение восприятия немецкими элитами России и других государств позволяет

¹² Schwarz P. The NSA affair strains German-American relations // WWSWS. 2013. URL: <https://www.wsws.org/de/articles/2013/11/01/nsa-n01.html> (accessed: 07.10.2024).

¹³ За исключением 1994 г.

¹⁴ Weissbuch 2016. Bundesministerium der Verteidigung. 2016. S. 21. URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/13708/015be272f8c0098f1537a491676bfc31/weissbuch2016-barrierefrei-data.pdf> (Abrufdatum: 02.04.2024).

¹⁵ Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land/ Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. SPD. 2018. S. 153. URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2018-2021.docx (Abrufdatum: 02.04.2024).

установить координаты Москвы на карте германской внешней политики. Становится очевидным, что по большинству маркеров её положение схоже с позицией Китая, а США и Франция для ФРГ куда более близкие, понятные и предсказуемые партнёры, чем РФ. При этом в Берлине признают большой политический вес на мировой арене всех четырёх государств.

* * *

В заключение мы не только опишем результаты по каждому параметру и сравним положение четырёх стран между собой, но и попытаемся оценить, насколько релевантна для решения исследовательских вопросов и перспективна наша схема анализа.

Критерий приоритетности демонстрирует ряд резких перепадов. На первом месте Россия находилась в 1994 году, что укладывается в её позитивное в тот момент восприятие как страны, «давшей свободу европейским народам». В 2023 г. Москву назвали первоочередной угрозой для Европы. Необъяснимым образом в 2021 г. Российская Федерация оказалась на 43-м месте, хотя в 2018 г. занимала пятое. Парadoxально, но в том же году США были на 29-й позиции, Франция – на 13-й, а Китай, обогнав всех остальных игроков, занял четвертое место. Соединённые Штаты наивысшее за 34 года положение получили в 2018 г., оказавшись на третьем месте. Это кажется нелогичным, так как президент Дональд Трамп (2017–2021) в то время стремился убедить своих европейских союзников самим укреплять собственную безопасность вместо опоры на американские гарантии. Одновременно тогдашний американский лидер предъявлял Германии претензии о недостаточных перечислениях средств в бюджет НАТО¹⁶. В остальные годы скачков не было – Вашингтон стабильно занимал 6–15-е место. Позиции

Франции, напротив, характеризуются большой амплитудой. Если в 1994, 2002 и 2018 годах Париж находился на пятом и дважды на шестом местах соответственно, то в 2006, 2013, 2016, 2021 годах он располагался на 52-й, 26-й, 30-й и 29-й позициях. Китай в 2013–2021 годах упоминался в каждом новом документе раньше, чем в предыдущем, что говорит о повышении его значимости для Берлина на фоне укрепления китайской экономики. До этого времени Пекин не поднимался выше 26-го места, а в 2006 г. находился на 102-й строчке.

Критерий приоритетности имеет низкий уровень значимости. Если второ- и даже третьестепенность для Германии КНР вполне понятна, то нахождение в разные годы на полярных позициях Франции – это нехарактерное для внешнеполитической традиции ФРГ падение её статуса. Как минимум, для дальнейшей работы с моделью по исследованию доктринальных документов целесообразно поставить вопрос об обоснованности использования критерия первенства.

Критерий частотности показывает, что в 1994 г. Германия была очарована Россией: 82 рекордных по числу упоминаний. Для сравнения: США в то время встречались 57 раз, Франция – 28, Китай – 3. В тот год Германия отмечала вывод со своей территории Западной группировки российских войск¹⁷. Радость усилилась: Г. Коль уговорил Б. Ельцина завершить вывод на четыре месяца раньше срока. За этим пиком последовал спад, но Берлин придавал всё большее значение Москве вплоть до 2013 г. Лишь в 2009 г. число упоминаний упало с 20 до 10 по сравнению с предыдущим документом, что могло быть связано с обострением российско-грузинского конфликта. Позиции А. Меркель и Д. Медведева тогда разошлись. Президент Российской Федерации больше не считал возможным мирное сосуществование грузин, осетин и

¹⁶ *Delfs A., Viscusi G.* Merkel Says Europe Can't Count on U.S. Military Umbrella Anymore // Bloomberg. Politics. 2018. URL: <https://www.bloomberg.com/politics/articles/2018-05-10/merkel-says-europe-can-t-count-on-u-s-military-umbrella-anymore> (accessed: 06.01.2024).

¹⁷ Она была самой многочисленной и состояла из более чем полумиллиона военнослужащих.

абхазов в одном государстве, в то время как канцлер ФРГ апеллировала к сохранению территориальной целостности Грузии и поддержала её вступление в НАТО¹⁸.

В 2013–2021 годах число упоминаний России последовательно снижалось на фоне обострения ситуации на Украине, но в 2023 г. выросло в два раза по сравнению с 2021 годом. Если до СВО рост интенсивности конфликтов приводил к меньшему числу упоминаний, то после её начала о России стали говорить больше. Действия Москвы на Украине западные страны воспринимают как попытку фундаментально пересмотреть архитектуру европейской безопасности, из-за чего внимание к Москве кратно выросло. По количеству упоминаний Россия в среднем уверенно занимает второе место, уступая лишь США, которые обгоняли её по этому параметру во всех документах¹⁹.

В 1994 г. показатели США достигли пика (57 упоминаний), а затем, после кратковременного падения, до 2006 г. росли. В 2009 г. произошёл спад, сменившийся продолжившимся до 2018 г. ростом. Уменьшение представленности Соединённых Штатов на рубеже десятилетий не соответствует тогдашним настроениям. В 2009 г. А. Меркель стала первым немецким политиком, выступившим перед Конгрессом и назвавшим заокеанскую державу «страной безграничных возможностей, которой немцы очень многим обязаны»²⁰. В 2018–2023 годах США упоминались всё меньше. Пик показателей Франции – в 1994 и 2018 годах. Последний взлёт может быть связан с идущими в период президентства в США Д. Трампа дебатами о необходимости создать европейскую армию – А. Меркель и Э. Макрон поддер-

жали эту идею²¹. В остальные годы показатели США и Франции оставались стабильными. Почти в унисон с данными критериями приоритетности в 2009–2021 годах рос интерес к Китаю. С 2009 г. количество упоминаний выросло с 2 до 14. В предыдущие годы Пекин встречался в каждом из документов не больше пяти раз либо отсутствовал.

Качественный параметр выглядит куда более объективным. За 34 года Россия прошла длинный путь от «основы внешней политики» к «угрозе». В последних четырёх документах, принятых после возникновения в 2014 г. серьёзных разногласий между странами по Украине, образ несущего опасность государства прочно закрепился за восточным соседом. По этим же причинам в 2023 г. впервые исчезли любые позитивные маркеры – о партнёрских связях речь не идёт. Во многом восприятие Москвы близко к статусу Пекина – обе страны в Берлине всегда видели «важными игроками», а с 2018 г. КНР также стала в глазах немецких политиков «угрозой».

Вместе с тем существуют определённые различия. Если Россию с Германией связывает долгий путь взаимодействия и страна встречается во всех доктринах, то КНР в 1990–2002 годах, за исключением 1994 года, не упоминалась. Германские элиты говорят о стратегическом партнёрстве с Пекином, а в 2023 году, в отличие от курса на дистанцирование в отношении Москвы, Китай сохранил роль «партнёра». Франция и США качественно попадают в другую группу – оба государства занимают высшую строчку в иерархии внешних игроков. Вашингтон не получил уровень «константы» из-за ситуативного понижения своего статуса до «партнёра» в 1990 и

¹⁸ А. Меркель поддержала вступление Грузии в НАТО // РБК. Политика. 2008. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/08/2008/5703ce5d9a79473dc8148502?from=copy> (дата обращения: 06.01.2024).

¹⁹ Кроме 1990, 1994, 2013, 2016, 2021 и 2023 годов.

²⁰ German Chancellor Merkel addresses Congress // CNN. 2009. URL: <https://edition.cnn.com/2009/POLITICS/11/03/merkel.congress/index.html> (accessed: 06.01.2024).

²¹ *Bennhold K., Erlanger S.* Merkel Joins Macron in Calling for a European Army 'One Day' // The New York Times. 2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/11/13/world/europe/merkel-macron-european-army.html> (accessed: 06.01.2024).

2013 годах. В первом случае это можно объяснить становлением новообразованного единого германского государства, внешнеполитический курс которого находился на стадии разработки, во втором – скандалом с прослушиванием телефона А. Меркель американскими спецслужбами. Общим странам присваивался маркер «ценностный партнёр», что говорит о видении их Германией как части единой цивилизации.

Все четыре государства являются «важными игроками» для Берлина, что подтверждает релевантность выбора их как объектов исследования и высокое влияние данной группы на принятие глобально значимых решений.

Модель исследования стратегических документов, изложенная в этой статье, может применяться для анализа внешнеполитических источников любого государства мира. Она демонстрирует неоднозначность и сложность доктринального дискурса. Например, «партнёры» одновременно могут маркироваться как «угрозы», что не мешает им оставаться «важными игроками» и «соседями». Россия совмещала в себе эти четыре ипостаси в 2016 и 2018 годах.

Спорна и необходимость выделять категорию «соседей»: она ситуативна, и в её использовании в доктринах авторы не увидели логики. Франции данный маркер присваивался лишь в четырёх случаях, России – в трёх, а в 2018 г. к ним добавились США. Анализ также показал, что есть и несовместимые маркеры. Ни одна из стран ни разу не обозначалась как «ценностный партнёр» и «угроза» одновременно, что подчёркивает фундаментальность и глубокую укоренённость в германской внешней политике нормативного фактора.

Лишь исследование на основе двух критериев в совокупности позволяет детально проанализировать изменения образа государства и оценить, какие события во внутренней и внешней политике влияют на эту динамику. Критерий первенства показал свою нерелевантность для решения

исследовательских задач. Хотя он создаёт новый объём знаний о германской внешней политике, его недостатком является слабое содержание. Он может показать стилистические особенности конкретных составителей доктринальных документов, но не позволяет формулировать чёткие суждения о самом описываемом предмете. Объяснительная гипотеза, выдвинутая на начальном этапе²², не подтвердилась.

Предложенная исследовательская модель может быть усилена при следующих действиях. *Во-первых*, речь идёт о кластеризации выделяемых маркеров: условно «ценностные партнёры», «основы внешней политики» и «стратегические партнёры» объединяются в позитивный кластер, а «важные игроки» и «соседи» – в нейтральный. «Угрозы» образуют самостоятельный кластер. На выборке в четыре страны кластеризация может казаться плеоназмом, но если расширить число рассматриваемых объектов, то базы данных на 118 членов ООН, 24 организации и 34 географических региона достаточно для кластеризации.

Во-вторых, на следующих этапах возможно использовать медиаметрию в качестве замены критерия первенства. Автоматизированным образом вычисляются объёмы текста, посвящённого каждой из стран/организаций/регионов. Данные измерения позволили бы нюансировать те случаи, когда, например, Франция употребляется в тексте дважды (и по частоте упоминаний сильно уступает России), при этом первой посвящено четыре абзаца плотного текста, а второй – несколько предложений с упоминанием угроз. *В-третьих*, новым инструментом мог бы стать сентимент-анализ, проводимый на небольшой выборке вручную. Для конкретных языковых единиц возможно рассчитать индекс агрессивности с корпусом речей А. Меркель.

Собранная база данных открывает перспективы для новых научных исследова-

²² «Чем раньше в тексте появляется конкретное упоминание страны или организации, тем она важнее».

ний. Одно из таких направлений – сравнение доктринальных статусов государств с их упоминаниями в публичных выступлениях политиков для выявления разницы между двумя типами дискурса. Второй вектор – изучение партийных программ, которое позволит определить как сходства и различия их установок в отношении зарубежных партнёров, так и вычленение «пар-

тийного фактора» из коалиционных соглашений. Соотнесение данных из стратегических документов с объёмами торговли, инвестиций или иными метриками экономического сотрудничества, в свою очередь, дало бы возможность найти потенциальную корреляцию между уровнем восприятия других государств и реальным взаимодействием с ними.

Список литературы

- Басов Ф.А.* Концептуальный вакуум: российское направление внешней политики четвёртого кабинета А. Меркель // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. №1. С. 59–69.
- Белозёров В.К.* Германия конструирует стратегическую культуру // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 5. С. 166–177.
- Власов Н.А.* Россия в политике безопасности ФРГ на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. Т. 11. № 2. С. 184–199. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2018.205
- Германия. 2016 / Отв ред. В.Б. Белов. М.: Ин-т Европы РАН, 2017. 130 с.
- Грачёва М.В.* Развитие немецкого бизнеса в России в 2020–2021 гг: мнение топ-менеджеров // Российский экономический барометр. 2021. № 1(81). С. 11–20. DOI: 10.20542/2307-0390-2021-1-11-20
- Девятков А.В.* Прагматизм немецкой Ostpolitik: возможности и вызовы для России // Перспективы. 2016. № 6 (2). С. 45–59.
- Крылова Е.А.* Научная дипломатия как шанс для российско-германского сотрудничества // Молодой учёный. 2020. №42 (332). URL: <https://moluch.ru/archive/332/74176/> (дата обращения: 14.10.2020).
- Липинский Д.А., Мусаткина А.А.* Социальная и гуманистическая направленность в стратегиях национальной безопасности России и Германии: сравнительный политико-правовой анализ // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 3. С. 58–73.
- Меден Н.К.* Германия–Россия: две страны, две нации, совместная история. Размышления в связи с выходом новой книги российского историка / Н. К. Меден, А. М. Филитов // Журнал «История». 2017. № 9(63). С. 5. EDN ZXQZRX
- Павлов Н.В.* История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М.: Международные отношения, 2012. 800 с.
- Погорельская С.В.* Влияние иммигрантов на немецкое общество: Взаимная интеграция // Актуальные проблемы Европы. 2010. № 4. С. 34–70.
- Потапенко К.С., Пузынина Л.А.* Russland und Deutschland: Zusammenarbeit unter den Bedingungen der Sanktionen und der Corona Virus-Infektion // Сборник трудов научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов Новосибирского ГАУ. 2021. С. 915–916.
- Рубинский Ю.И., Синдеев А.А.* Франко-германский тандем: настройка на будущее // Аналитические записки Института Европы РАН. 2022. Т. 4. № 29 (296). С. 52–58. DOI: 10.15211/analytics42920225258
- Синдеев А.А.* Новые идеи СДПГ в политике безопасности и обороны // Историческая германистика: актуальные проблемы современных исследований: Сб. научных статей и материалов / Под ред. В.А. Космача. Псков: Логос, 2023. С. 308–317.
- Соколов А.П., Воротников В.В., Давыдов А.Д.* Изменение через отдаление: правительство Олафа Шольца и российско-германские отношения. М.: МГИМО-Университет, 2023. 40 с.
- Сугоняев П.М.* Доктринальные документы России и Германии о двусторонних отношениях // ГОСРЕГ: государственное регулирование общественных отношений. 2020. №1(31). С. 98–106.
- Трунов Ф.О.* Кризис военного присутствия ФРГ на международной арене в начале 2020-х гг. // Россия и современный мир. 2023. № 4. С. 136–153.
- Bersenev A.* Putin-Versteher: An analysis of German anti-establishment parties' policy narratives towards the Russian government: Master Thesis. Enschede: University of Twente, 2022. 98 p.
- Blumenau B.* Break conventions? Zeitenwende and the traditional pillars of German foreign policy // International Affairs. 2022. Vol. 98. No. 6. P. 1895–1913. DOI: 10.1093/ia/iiaac166

- Dembińska M., Mérand F., Shtaltovna A.* Conflict and cooperation between Europe and Russia: the autonomy of the local // *East European Politics*. 2020. Vol. 36. No. 4. P. 477–498. DOI: 10.1080/21599165.2020.1784145
- Doty R.* *Imperial Encounters*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. 213 p.
- Dyson T.* Energy Security and Germany's Response to Russian Revisionism: the Dangers of Civil Power // *German politics*. 2016. Vol. 25. No. 4. P. 500–518. DOI: 10.1080/09644008.2015.1133607
- Edelman M.* *The symbolic uses of politics*. Urbana: University of Illinois press, 1972. 201 p.
- George J.* *Discourses of Global Politics. A Critical (Re)Introduction to International Relations*. Boulder: Lynne Rienner, 1994. 226 p.
- Gross M., Krauss S.* Topic Coverage of Coalition Agreements in Multi-Level Settings: The Case of Germany // *German Politics*. 2019. Vol. 30. No. 2. P. 227–248. DOI: 10.1080/09644008.2019.1658077
- Hamzaoglu H.* Post-Cold War Russian-German Relations: The New Balance of Powers in Europe? // *The Journal of Social Science*. 2022. Vol. 6. No. 12. P. 223–233. DOI: 10.30520/tjsosci.1138650
- Lough, J.* The Re-calibration of Germany's Russia Policy // *The Conference on Russia Papers / ed. by S. Šraders*. Tartu: University of Tartu Press, 2023. P. 33–45.
- Mello P.* (2021). *German Foreign Policy. Foreign Policy Change in European Union Countries Since 1991*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, P. 1–23. DOI: 10.1007/978-3-030-68218-7_7
- Milliken J.* The Study of Discourse in International Relations // *European Journal of International Relations*. 1999. Vol. 5. No. 2. P. 225–254. DOI: 10.1177/135406619900500200
- Siddi M.* A controversial hegemon? Germany's leadership in EU relations with Russia // *German politics*. 2018. Vol. 29. No. 1. P. 97–114. DOI: 10.1080/09644008.2018.1551485
- Szabo S.* Different approaches to Russia: the German-American-Russian strategic triangle // *German politics*. 2018. Vol. 27. No. 2. P. 230–243. DOI: doi.org/10.1080/09644008.2018.1446081
- Umland A.* Germany's Russia Policy in Light of the Ukraine Conflict: Interdependence Theory and Ostpolitik // *ORBIS*. 2022. Vol. 66. No. 1. P. 78–94. DOI: 10.1016/j.orbis.2021.11.007
- Vlaemink E.* *City Relations Between Hamburg and St. Petersburg: A State of Play // Побратимство городов: состояние, возможности развития, вызовы, приоритеты. Международная научно-практическая конференция (Москва, Тюмень, 23–24 апреля 2021). Тюмень: ТюмГУ, 2021. С. 7–13.*
- Westphal K.* Germany and the EU-Russia energy dialogue // *The EU-Russian Energy Dialogue: Europe's Future Energy Security / ed. by P. Aalto*. Aldershot: Ashgate Press, 2008. P. 93–118.

LABELING PARTNER AS A THREAT

RUSSIA IN GERMAN DOCTRINAL DOCUMENTS (1990–2023)

ALEXEY TOKAREV
MIKHAIL KUCHEROV
KRISTINA ERMAK
MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The article examines 13 doctrinal documents of Germany from 1990 to 2023: coalition agreements, Bundeswehr White Papers and National Security Strategy. The authors presented an analysis model reflecting German elites' both retrospective and perspective vision of Russia, the USA, France and China. The database for the application of the model consists of the references in these documents to 176 countries, organizations and regions. Three criteria were applied: priority, frequency and quality of objects' mentions. Taken together, their analysis made it possible to create the hierarchy of clusters into which states can be classified. Specific marker words indicate the perception of Moscow and Beijing as partners

and rivals at the same time. When it comes to Washington and Paris, they are deemed reliable allies. Certain categories show the states' inclusion in the Western "family of values" or their non-belonging to it, as well as their significant weight on the global arena, which Germany must take into account. The data is presented in tables divided into clusters. The complexity and versatility of foreign partners' doctrinal position has become obvious: in some cases they combine four dimensions. Each object was considered not only as an "actor-goal", but also as an "actor-means". In the context of blurred boundaries between positive and negative definitions of interstate relations, the authors propose a research programme for studying German doctrinal documents. This approach forms a country hierarchy of German foreign policy. The final part encompasses the design of potential studies conducted on the basis of this methodological scheme.

Keywords:

Russian-German relations; foreign policy; doctrines; security; content-analysis

References

- Basov F.A. (2019). Kontseptual'nyy vakuum: rossiyskoe napravlenie vneshney politiki chetvertogo kabineta A. Merkel' [Conceptual vacuum: Russian direction of the A. Merkel's fourth cabinet]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*. No. 1. P. 59–69.
- Belov V.B. (ed.) (2017). *Germaniya. 2016* [Germany. 2016]. Moscow: Institut Evropy RAN. 130 p.
- Belozerov V.K. (2023). Germaniya konstruiuet strategicheskuyu kulturu [Germany is constructing a strategic culture]. *Rossiya v global'noy politike*. Vol. 21. No. 5. P. 166–177.
- Bendiek A., Bossong R. (2022). «Hybrid threats»: from a strategic compass to a national security strategy. Berlin: Foundation for Science and Politics (SWP). 9 p. DOI: 10.18449/2022A40
- Bersenev A. (2022). *Putin-Versteher: An analysis of German anti-establishment parties' policy narratives towards the Russian government: Master Thesis*. Enschede: University of Twente. 98 p.
- Blumenau B. (2022). Break conventions? Zeitenwende and the traditional pillars of German foreign policy. *International Affairs*. Vol. 98. No. 6. P. 1895–1913. DOI: 10.1093/ia/iiaac166
- Dembińska M., Mérand F., Shtaltovna A. (2020). Conflict and Cooperation Between Europe and Russia: the Autonomy of the Local. *East European Politics*. Vol. 36. No. 4. P. 477–498. DOI: 10.1080/21599165.2020.1784145
- Devyatkov A.V. (2016). Pragmatizm nemetskoy Ostpolitik: vozmozhnosti i vyzovy dlya Rossii [The pragmatism of Germany's Ostpolitik: opportunities and challenges for Russia]. *Perspektivy*. № 6 (2). P. 45–59.
- Doty R. (1997). *Imperial Encounters*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 213 p.
- Dyson T. (2016). Energy Security and Germany's Response to Russian Revisionism: the Dangers of Civil Power. *German politics*. Vol. 25. No. 4. P. 500–518. DOI: 10.1080/09644008.2015.1133607
- Edelman M. (1972). *The symbolic uses of politics*. Urbana: University of Illinois press. 201 p.
- George J. (1994). *Discourses of Global Politics. A Critical (Re)Introduction to International Relations*. Boulder: Lynne Rienner. 226 p.
- Gracheva M.V. (2021). Razvitiye nemetskogo biznesa v Rossii v 2020–2021 godakh: mnenie top-menedzherov [Development of German business in Russia in 2020–2021: opinion of top managers]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy barometr*. No. 1(81). P. 11–20. DOI: 10.20542/2307-0390-2021-1-11-20
- Gross M., Krauss S. (2019). Topic Coverage of Coalition Agreements in Multi-Level Settings: The Case of Germany. *German Politics*. 2019. Vol. 30. No. 2. P. 227–248. DOI: 10.1080/09644008.2019.1658077
- Hamzaoglu H. (2022). Post-Cold War Russian-German Relations: The New Balance of Powers in Europe? *The Journal of Social Science*. Vol. 6. No. 12. P. 223–233. DOI: 10.30520/tjsosci.1138650
- Lough J. The Re-calibration of Germany's Russia Policy // The Conference on Russia Papers / ed. by S. Šraders. Tartu: University of Tartu Press, 2023. P. 33–45.
- Krylova E.A. (2020). Nauchnaya diplomatiya kak shans dlya rossiysko-germanskogo sotrudnichestva [Scientific diplomacy as an opportunity for Russian-German cooperation]. *Malodoy uchenyy*. No. 42 (332). URL: <https://moluch.ru/archive/332/74176/> (accessed: 14.10.2020).
- Lipinsky D.A., Musatkina A.A. (2019). Sotsial'naya i gumanisticheskaya napravlenost' v strategiyakh natsional'noi bezopasnosti Rossii i Germanii: sravnitel'nyĭ politiko-pravovoi analiz [Social and humanistic orientation in the national security strategies of Russia and Germany: comparative political and legal analysis]. *Sravnitel'naya politika*. Vol. 10. No. 3. P. 58–73.
- Meden N.K. Filitov A.M. (2017). Germaniya-Rossiya: dve strany, dve natsyi, sovместnaya istoriya. Razmyshleniya v svyazi s vykhodom novoy knigi rossiyskogo istorika [Germany and Russia: two

- countries, two nations, common history. Reflections on the release of a new book by a Russian historian]. *Zhurnal "Istoriya"*. No. 9(63). C. 5. EDN ZXQZRX
- Mello P. (2021). German Foreign Policy. *Foreign Policy Change in European Union Countries Since 1991*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, P. 1–23. DOI: 10.1007/978-3-030-68218-7_7
- Milliken J. (1999). The Study of Discourse in International Relations. *European Journal of International Relations*. Vol. 5. No. 2. P. 225–254. DOI: 10.1177/135406619900500200
- Pavlov N.V. (2012). *Istoriya vneshney politiki Germanii ot Bismarka do Merkel'* [History of German foreign policy from Bismarck to Merkel]. Moscow: International Relations. 800 p.
- Pogorelskaya S.V. (2010). Vliyaniye immigrantov na nemetskoye obshchestvo: Vzaimnaya integratsiya [The Influence of Immigrants on German Society: Mutual Integration]. *Aktualnye problemy Evropy*. No. 4. P. 34–70.
- Potapenko K.S., Puzynina L.A. Russland und Deutschland: Zusammenarbeit unter den Bedingungen der Sanktionen und der Corona Virus-Infektion // Proceedings of the scientific and practical conference of teachers, graduate students, undergraduates and students of Novosibirsk GAU. 2021. P. 915–916.
- Rubinsky Yu.I., Sindeev A.A. (2022). Franko-germanskiy tandem: nastroyka na budushchee [Franco-German Tandem: Setting up for the Future]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*. Vol. 4. No. 29 (296). P. 52–58. DOI: 10.15211/analytics42920225258
- Siddi M.A. (2018). A controversial hegemon? Germany's leadership in EU relations with Russia. *German politics*. Vol. 29. No. 1. P. 97–114. DOI: 10.1080/09644008.2018.1551485
- Sindeev A.A. (2023). Novye idei SDPG v politike bezopasnosti i oborony [New Ideas of the SPD in Security and Defense Policy]. In: V. A. Kosmach (ed.) *Istoricheskaya germanistika: aktualnye problemy sovremennykh issledovaniy: sb. nauchnykh statey i materialov* [Historical Germanistics: Actual problems of Modern Research: Collection of Scientific Articles and Materials]. Pskov: Logos. P. 308–317.
- Sokolov A.P., Vorotnikov V.V., Davydov A.D. (2023). *Izmenenie cherez otdalenie: pravitel'stvo Olafa Sholtza i rossiysko-germanskie otnosheniya* [Change Through Distancing: Olaf Scholz's Government and Russian-German Relations]. Moscow: MGIMO-Universitet. 40 p.
- Sugonyaev P.M. (2020). Doktrinalnye dokumenty Rossii i Germanii o dvustoronnikh otnosheniyakh [Doctrinal Documents of Russia and Germany on Bilateral Relations]. *GOSREG: gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy*. No. 1 (31). P. 98–106.
- Szabo S. (2018). Different approaches to Russia: the German-American-Russian strategic triangle. *German politics*. Vol. 27. No. 2. P. 230–243. DOI: doi.org/10.1080/09644008.2018.1446081
- Trunov F.O. (2023). Krizis voennogo prisutstviya FRG na mezhdunarodnoy arene v nachale 2020-kh godov [The Crisis of the German Military Presence in the International Arena in the Early 2020s]. *Rossiya i sovremennyy mir*. No. 4. P. 136–153.
- Umland A. (2022). Germany's Russia Policy in Light of the Ukraine Conflict: Interdependence Theory and Ostpolitik. *ORBIS*. Vol. 66. No. 1. P. 78–94. DOI: 10.1016/j.orbis.2021.11.007
- Vlaemink E. (2021). City Relations Between Hamburg and St. Petersburg: A State of Play. *Pobratimstvo gorodov: sostoyaniye, vozmozhnosti razvitiya, vyzovy, priorityety. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [Collection of the International Conference "Twinning of cities: state, development opportunities, challenges, priorities"] (Moscow, Tyumen, April 23–24 2021). Tyumen: TSU. P. 7–13.
- Vlasov N.A. (2018). Rossiya v politike bezopasnosti FRG na sovremennom etape [Russia in the security policy of Germany at present]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnyye otnosheniya*. Vol. 11. No. 2. P. 184–199. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2018.205
- Westphal K. (2008). Germany and the EU-Russia energy dialogue. In: P. Aalto (ed.) *The EU-Russian Energy Dialogue: Europe's Future Energy Security*. Aldershot: Ashgate Press. P. 93–118.

ХОЛОДНО – О ГОРЯЧЕМ

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КРИЗИСЫ 2020-х ГОДОВ КАК ИНСТРУМЕНТ АНТИРОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ЗАПАДА

МАРК ЭНТИН

МГИМО МИД России, Москва, Россия

ЕКАТЕРИНА ЭНТИНА

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

СОФЬЯ БАБКИНА

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Западные официальные лица и СМИ обвиняют Россию в ухудшении ситуации на мировом продовольственном и энергетическом рынках в связи с проводимой ею специальной военной операцией на Украине. В дополнение к имеющимся ограничениям финансового, дипломатического, политического и другого характера Запад ведёт антироссийскую информационную кампанию, в частности возлагая на Российскую Федерацию основную вину за глобальный продовольственный и энергетический кризисы. На практике в отдельных государствах, регионах мира и в глобальном масштабе кризисные явления наблюдались и до начала СВО, трансформируясь, обостряясь и смягчаясь – в зависимости от совокупности причин. Авторы не отрицают определённое влияние геополитических событий начала 2020-х годов на стабильность энергетической и продовольственной систем, но полагают, что его реальный эффект гораздо ниже, чем утверждают страны Запада. Выгода от спекуляций на локальных и глобальных рынках продовольствия и энергоносителей, эффективность мер «группы семи» по контролю за ценами и ценообразованием, намерение и дальше наращивать санкционное давление на российский топливно-энергетический комплекс, запуск пилотных механизмов по взиманию своего рода ренты с мирового ТЭК в свою пользу, закрепление целей декарбонизации мировой экономики в обязывающих нормативных актах на национальном, региональном и глобальном уровнях – всё это указывает на последовательный характер антироссийских реакционных мер Запада. В перспективе они могут быть использованы против других субъектов мировой политики для достижения западными странами собственных политических и экономических целей. В практическом смысле эти действия обуславливают необходимость консолидации усилий и изменения стратегии России и дружественных ей государств в отношении стран Запада для снижения зависимости от их информационной повестки дня и политических действий по провоцированию кризисов в разных сферах.

Ключевые слова:

продовольственный кризис; энергетический кризис; секьюритизация; рынок удобрений; США; ЕС; антироссийские санкции

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.07.2023

Дата принятия к публикации: 25.01.2024

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: entinmark@gmail.com

С середины 2022 г. на новый уровень вышло обсуждение причин мирового продовольственного и энергетического кризисов. Несмотря на глубинный характер первоисточков сложившейся ситуации на зерновом рынке и в сфере энергетики, США, ЕС и их союзники обвиняют Россию в волатильности цен на продовольствие и энергоресурсы, а также в формировании дефицита продовольственных товаров в связи с проводимой ею специальной военной операцией на Украине (СВО). Хотя российские поставщики играют важную роль на энергетическом и зерновом рынке, скачки цен были представлены западными странами как глобальные кризисы, начавшиеся по вине Москвы. Между тем волатильность объясняется совокупностью причин, истоки которых уходят в проблемы более глобального и комплексного характера конца 2010-х – начала 2020-х годов. Речь идёт о климатической повестке отдельных государств-членов и ЕС в целом, колебаниях нефтяных котировок в связи с решениями ОПЕК+, росте численности населения, последствиях пандемии коронавируса и её влиянии на цепочки поставок.

В основе риторики Вашингтона и Брюсселя лежит стремление решить собственные взаимосвязанные внутривластные и внешнеполитические задачи. Непосредственно в 2022 г. ответственность за рост цен на продовольствие и энергоресурсы, а также общее ухудшение ситуации на рынках была возложена на Россию, чтобы дискредитировать страну и консолидировать Запад для создания атмосферы солидарности с Украиной.

Тематика энергетического и продовольственного кризисов, возникших на стыке 2021 и 2022 годов, практически не получила отражения в академической литературе, а те публикации, которые появля-

ются, в основном следуют официальному дискурсу западных стран. Причины сложившегося положения лежат не только в коротком временном промежутке с момента рассматриваемых событий, но и в сверхполитизации тематики на уровне институтов, организаций и официальных представителей отдельных государств, затрудняющей объективный анализ; дефиците неполитизированных статистических данных для проведения объективного исследования; отсутствии универсальной трактовки энергетического и продовольственного кризисов, а также параметров оценки кризисов.

Взаимосвязь энергетического и продовольственного кризисов и внешней политики России и специальной военной операции на Украине ограничивается в основном докладами институтов Европейского союза¹, профильных структурных подразделений ООН, а также государственных исследовательских центров западных стран [Ferris 2023, Gross 2023]², при этом также встречаются академические публикации [Ben Hassen, El Bilali 2022; Zheng 2023; Qi 2023]. Среди недавних отечественных работ по этой теме можно отметить аналитические доклады Е.Я. Араповой и Е.А. Масловой, Е.А. Сергеева и В.В. Воротникова, а также статьи Ю.В. Боровского, А.А. Бакулиной и И. А. Бакулина, непосредственно рассматривающие сценарии развития и угрозы глобального продовольственного кризиса [Арапова, Маслова 2022; Сергеев, Воротников 2023; Боровский 2022; Бакулина, Бакулин 2023].

Цель статьи – определить, является ли усугубление продовольственного и энергетического кризисов 2020-х годов частью общего антироссийского курса западных стран, усилившегося после начала СВО. Её решение предполагает рассмотрение энергетической и продовольственной безо-

¹ См., например: *Caprille A.* Russia's war on Ukraine: Impact on food security and EU response // European Parliamentary Research Service. April 2022. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2022/729367/EPRS_ATAG\(2022\)729367_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2022/729367/EPRS_ATAG(2022)729367_EN.pdf) (accessed: 23.01.2024).

² *Hillebrand E. (Ed.).* Energy Without Russia. How Europe Has Reacted to the Supply Crisis after the Attack on Ukraine // Friedrich-Ebert-Stiftung. 20.11.2023. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueroes/budapest/20680-20231120.pdf> (accessed: 23.01.2024).

пасности через призму теории секьюритизации.

Анализ, таким образом, начинается с представления теоретического аппарата, используемого в статье. Далее будут изложены концептуализация и параметры оценки продовольственной и энергетической безопасности и кризисов соответственно. Необходимо также провести оценку состояния в этих двух сферах до СВО и выделить изменения, произошедшие к весне 2023 года, а также определить реальную долю и влияние Москвы и Киева на энергетический и продовольственный рынки. На основе проводимого исследования авторы предлагают ряд практических рекомендаций для России по реагированию на политику Соединённых Штатов и ЕС, порождающую обострение кризисных явлений и нарастание напряжённости в мировой экономике.

Энергетическая и продовольственная безопасность через призму теорий международных отношений

Глобальная безопасность включает в себя несколько измерений, в том числе сферы энергетики и продовольствия. Основные теоретические течения позволяют интерпретировать политику субъектов мировой политики в отдельных отраслях. Согласно реалистскому подходу, два вышеупомянутых измерения участвуют в проецировании силы государства на международной арене [Luft, Korin 2009; Боровский 2022]. Таким образом, страны могут как работать исключительно на обеспечение энергетического суверенитета [Schelly et al. 2020] в качестве главной цели³, так и влиять на других игроков, воздействуя на статус-кво⁴ [Боровский 2020; Голунов 2021]. Аналогичным образом продовольственная безопасность и суверенитет позволяют государствам, с одной стороны, обеспечивать удовлетворение базовой потребности населения – питанием; с другой – оказывать влияние на других

игроков, например, запрещая поставки продовольственных товаров, значимых для других стран, или, наоборот, оказывая внешнюю продовольственную помощь [Essex 2012: 192].

Сторонники либерализма рассматривают ситуацию в энергетической сфере в большей степени как продукт экономических отношений, которые должны развиваться по принципам свободного рынка. Значимую роль играет взаимовыгодное сотрудничество, в том числе опирающееся на международные институты [Luft, Korin 2009; Боровский 2022]. Подобным же образом они рассматривают и отношения в продовольственной сфере. Поскольку государство для либералов не является подлинным субъектом политики, и его предпочтения формируются в зависимости от целей индивидов и групп, которые оно представляет, то залогом безопасности становится обеспечение населения доступом к еде, в частности посредством либерализации торговли [Johnson 1978]. Большое значение либеральная теория придаёт институтам и режимам. В продовольственной сфере в качестве таковых выступают Международный фонд сельскохозяйственного развития ООН (МФСР), Всемирная продовольственная программа ООН и Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО).

При этом в теории международных отношений с 1990-х годов наблюдалась тенденция к переходу от узких толкований безопасности к широким. В рамках этого процесса отдельные её аспекты – продовольственная и энергетическая безопасность – представлялись в значительной степени социально сконструированными. Сторонники Копенгагенской школы утверждали, что функциональные вопросы перетекают в плоскость безопасности в случае их репрезентации в качестве источника экзистенциальной угрозы (теория секьюритизации) [Buzan, Wæver 2003; Боровский, Шишкина 2021]. По нашему мнению, именно эта теория обладает наи-

³ Например, путём резервирования дефицитных (углеродных) энергоносителей для чрезвычайных ситуаций, диверсификацией источников и маршрутов их поставок и проч.

⁴ Вводить эмбарго, потолок цен на энергоресурсы и так далее.

большей объяснительной силой в контексте обострения продовольственного и энергетического кризисов 2020-х годов.

Её разработчики исходят из изменчивого понимания безопасности. Теория не даёт содержательного определения этой категории и не ограничивает набор вопросов, к которым можно её применить. Эта теоретическая конструкция утверждает, что любой вопрос может быть отнесён к проблематике безопасности, если заинтересованному игроку удаётся позиционировать его как угрозу выживанию в глазах некоторой аудитории. Например, игроком может выступать правительство, а аудиторией – население страны. В этом случае происходит секьюритизация вопроса на национальном уровне. Аналогичным образом, один или несколько центров силы могут стремиться секьюритизировать некоторую проблематику в глазах других государств, тем самым вводя её в сферу международной безопасности. Следуя этой логике, энергетические и продовольственные вопросы, так же как и любые другие, могут подвергаться секьюритизации [Buzan, Wæver, de Wilde 1998: 71–75].

Согласно этой теории, чтобы вопрос стал угрозой безопасности, должен произойти «речевой акт» со стороны секьюритизирующих субъектов – чаще всего политической элиты. Тем самым она обращает внимание на социально-политическое производство угроз с помощью специфических дискурсивных средств [Jiaui 2022: 26]. Последнее заметно проявилось в ходе фазы обострения энергетического и продовольственного кризисов 2022 года, где немалую роль сыграли спекуляции информационного характера. В чём состоит цель секьюритизации? Отнесение вопроса к сфере безопасности обосновывает возможность применения экстраординарных средств, которые в обычных условиях считаются неприемлемыми.

В то же время возникает противоречие, когда кризисные ситуации представляются угрозой безопасности в первую очередь для населения мира, но при этом политические элиты используют тематику для достижения собственных внешнеполитических и экономических целей. Например, антироссийский санкционный режим нарушает и даже разрушает существовавшие цепочки поставок (закрытие воздушного пространства, остановка экспорта зерна и удобрений и проч.), что вызывает скачки цен. Тем не менее политические элиты западных стран игнорируют влияние принимаемых ими мер на потребителей, обвиняя Москву в наблюдаемой волатильности.

Таким образом, представители Копенгагенской школы указывают на релятивизацию содержания категории безопасности и его подверженность влиянию политических манипуляций. Вместе с тем теория секьюритизации не отрицает возможность реального урона, который несут государства и общества, в том числе в продовольственной и энергетической сферах. Она лишь указывает на отсутствие прямой взаимосвязи между ним и доминирующими представлениями об угрозах безопасности. Объективно имеющие место процессы могут быть реинтерпретированы с помощью речевых актов в нужном отдельным игрокам ключе. Более того, секьюритизация вопроса может быть использована для отвлечения внимания целевых аудиторий от последствий их собственных действий посредством раздувания внешней угрозы.

Состояние мирового продовольственного и энергетического кризисов до начала специальной военной операции на Украине

Западные официальные лица, академическое сообщество и СМИ регулярно возлагают вину за продовольственный и энергетический кризисы на Россию⁵. Вместе

⁵ См., например: *Vazquez M., Fossum S.* Biden blames Russia's war in Ukraine for food supply shortages and price hikes // CNN. 11.05.2022. URL: <https://edition.cnn.com/2022/05/11/politics/biden-food-supply-russia-ukraine/index.html> (accessed: 06.07.2023); *Wingrove J.* Biden Says to Expect 'Real' Food Shortages Due to Ukraine War // Bloomberg. 24.03.2022. URL: <https://www.csis.org/analysis/>

с тем на практике причины их возникновения носят глубинный характер. Более того, существует ряд трудностей с определением хронологических рамок данных проблем. Тема продовольственного и энергетического кризисов особенно широко обсуждается в академических и общественных кругах после начала пандемии *COVID-19*. Следует подробнее остановиться на факторах, способствовавших их обострению.

Энергетический кризис

Мировой энергетический кризис, начавшийся в 2021 году, был вызван комплексом причин, среди которых (1) пандемия *COVID-19* (сильное падение спроса на энергоносители, серьёзное сокращение добычи нефти, нарушение глобальных цепочек поставок и последовавший резкий экономический рост после снятия ограничений⁶); (2) глобальная кампания по сокращению выбросов углекислого газа, начавшаяся в 2000-х годах, (3) нехватка ископаемого топлива для удовлетворения растущего спроса и, как следствие, волатильность цен на энергоносители в период перехода от ископаемого топлива⁷, (4) взаимосвязанность рынков энергоресурсов⁸.

Основная причина текущего энергетического кризиса – пандемия и процесс восстановления после неё. Во время коро-

навирусных ограничений наблюдалось историческое падение спроса на энергоносители и цен на них. Тем не менее после снятия ограничительных механизмов и по мере восстановления цепочек поставок и промышленного производства на рынках ископаемого топлива – нефть, газ, уголь – наблюдалась напряжённость. Скачок цен на энергоносители в этот период был обусловлен дефицитом предложения, не успевшего восстановиться после спада во время пика пандемии. Между тем взаимосвязанность топливных рынков становится причиной кризисов на рынках нефти, природного газа, угля и электроэнергетики.

Продовольственный кризис

Как и в случае энергетического кризиса, пандемия коронавируса оказала негативное влияние и на мировую продовольственную систему. Серьёзным вызовом является изменение климатических условий – периоды засухи, стихийные бедствия и так далее. До 2020 г. в пятилетнем периоде индекс стоимости продовольствия ФАО ООН колебался незначительно в узком диапазоне вокруг значения в 95 пунктов. Это колебание было обусловлено рядом причин: (1) большая денежная эмиссия США в 2020–2021 годах, которая вызвала дополнительный рост спроса⁹, (2) энергетический кризис в ЕС, который привёл

creating-new-energy-strategy-post-ukraine-war-world (accessed: 06.07.2023); FACT SHEET: President Biden and G7 Leaders Announce Further Efforts to Counter Putin's Attack on Food Security // The White House. 28.06.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/28/fact-sheet-president-biden-and-g7-leaders-announce-further-efforts-to-counter-putins-attack-on-food-security/> (accessed: 06.07.2023); EU's von der Leyen says Russia is using food supplies as a weapon // Reuters. 25.05.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/eus-von-der-leyen-says-russia-is-using-food-supplies-weapon-2022-05-24/> (accessed: 06.07.2023); Gross S. Energy and climate challenges will continue in 2023 // Brookings. 01.03.2023. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2023/03/FP_20230301_climate_energy_2023_gross.pdf (accessed: 06.07.2023).

⁶ Восстанавливаясь после коронавирусных ограничений, национальные экономики наращивали промышленное производство, что неизбежно вело к росту энергопотребления.

⁷ По сути, произошла «демонизация» ископаемого топлива и ядерной энергетики в пользу более социально приемлемых низкоуглеродных альтернатив.

⁸ Gilbert A., Bazilian M. D., Gross S. The emerging global natural gas market and the energy crisis of 2021–2022 // Brookings. December 2021. URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-emerging-global-natural-gas-market-and-the-energy-crisis-of-2021-2022/> (accessed: 06.07.2023).

⁹ Меньше чем за два года прирост денежной массы составил 6,2 трлн долларов (39%). См.: Расстригин М. Нерассказанные причины продовольственного кризиса // Ведомости. 23.06.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2022/06/22/927998-prichini-prodovolstvennogo> (дата обращения: 06.07.2023).

к сокращению производства удобрений вкпе с санкциями против белорусских и российских поставщиков; (3) ограничения деятельности компаний, работающих в сфере обеспечения продовольствием.

Пандемия *COVID-19* обострила проблему отсутствия продовольственной безопасности, так как стала источником снижения доходов населения, а также нарушила глобальные цепочки поставок. Сильнее всего пострадали беднейшие и наиболее уязвимые слои населения, а в региональном разрезе — африканские государства. При этом в количественном измерении в мире достаточно продовольствия, чтобы обеспечить едой всё население планеты, но (1) жители подавляющего числа стран превышают физиологическую норму потребления продуктов, установленную ООН¹⁰; (2) 30–40% всех продуктов питания выбрасывается впустую; (3) существуют спекуляции на рынке продовольствия. Вторая причина объясняется отсутствием в менее развитых странах инфраструктуры, технологий и знаний, необходимых для сохранения свежести продуктов; в развитых государствах более низкая относительная стоимость продуктов питания повышает стимул к расточительству¹¹.

На практике продовольственный и энергетический кризисы в отдельных государствах, регионах мира и в глобальном масштабе существуют уже давно, трансформируясь, обостряясь и смягчаясь в зависимости от совокупности причин. Авторы не отрицают некоторое влияние геополитических событий 2022 г. на ста-

бильность энергетической и продовольственной систем, но полагают, что его реальный эффект гораздо ниже, чем утверждает так называемый коллективный Запад.

Смягчение кризисных явлений на энергетическом и продовольственном рынках и в мировой экономике к весне 2023 года

Хотя в сфере энергетики и продовольствия сохраняются кризисные явления, начавшиеся в 2020–2021 годах, к весне 2023 г. они ощущались не так остро, как в изложении стран Запада¹², что подтверждается статистическими данными.

Рынок энергоносителей

По данным Международного энергетического агентства (МЭА)¹³, на начало весны 2023 г. проблемы на европейском и мировом рынках энергоносителей ушли в прошлое. Напряжённость может возникнуть в случае возобновления стремительного роста экономики Китая, более уверенного экономического подъёма в США и Европейском союзе и падения добычи ископаемых видов топлива в России под давлением введённых против неё санкций. Тем не менее потенциальная угроза может быть нейтрализована как за счёт увеличения экспортных возможностей Соединённых Штатов, Канады, Бразилии, Норвегии и Гайаны¹⁴, так и устойчивостью поставок из Саудовской Аравии и ОАЭ.

К весне 2023 г. цены на нефть и природный газ, кратно увеличившиеся годом

¹⁰ 2021 Global Nutrition Report The state of global nutrition // UN. 2021. URL: https://www.un.org/nutrition/sites/www.un.org.nutrition/files/global_nutrition_report_2021.pdf (accessed: 06.07.2023).

¹¹ Erdman J. We produce enough food to feed 10 billion people. So why does hunger still exist? // Medium. 02.02.2018. URL: <https://medium.com/@jeremyerdman/we-produce-enough-food-to-feed-10-billion-people-so-why-does-hunger-still-exist-8086d2657539> (accessed: 06.07.2023).

¹² См., например: Borrell J. A year of war and energy and climate crises // European Union External Action Service. 02.01.2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/year-war-and-energy-and-climate-crises_en (accessed: 05.03.2024); Biden: 'Putin tried to starve the world' // Politico. 21.02.2023. URL: <https://www.politico.com/news/2023/02/21/biden-putin-russia-ukraine-00083786> (accessed: 05.03.2024).

¹³ Oil Market Report — February 2023 // IEA. 15.02.2023. URL: <https://www.iea.org/reports/oil-market-report-february-2023> (accessed: 17.02.2023).

¹⁴ По оценкам МЭА, именно эти государства способствуют увеличению предложения на рынке из-за ожидаемых рекордных темпов добычи нефти в 2023 году.

ранее, вернулись к значениям, сопоставимым с показателями середины – конца 2021 года, то есть до начала полномасштабной санкционной войны Запада (США, ЕС и их союзников) против России из-за проведения СВО и радикального сокращения поставок российского природного газа, нефти и нефтепродуктов в страны европейского интеграционного объединения. К середине марта 2023 г. стоимость природного газа в страны ЕС опустилась до минимальных значений за последние 18 месяцев по причине небывало тёплой зимы и высокой ветрогенерации, в результате чего не возникло потребности использовать запасы энергоносителей из европейских хранилищ¹⁵. К этим факторам можно добавить добровольно-принудительное снижение потребления, замещение выпавших объёмов российских поставок альтернативными – на их долю приходится около половины импорта в регион (например, США занимают второе место после Норвегии по поставкам СПГ)¹⁶, а также рекордное наращивание собственного производства энергии. Как итог, закачка природного газа в европейские подземные хранилища (ПХГ) в первые месяцы 2023 г. превысила отбор¹⁷, и ожидается, что ЕС «не будет испытывать проблем с их заполнением до нормативных 90% к началу нового газового года, который начинается в октябре»¹⁸.

Рынок продовольствия и удобрений

Вслед за снижением цен на энергоносители наблюдалась схожая тенденция в отношении продуктов питания, в том числе на пшеницу и другие зерновые. Последняя во многом обусловлена зависимостью ценообразования на продовольственных рынках от стоимости потребляемой энергии, удобрений и транспортных услуг. При этом уменьшение резко взлетевших в 2022 г. цен оказалось недостаточным для достижения допандемийных показателей¹⁹. Некоторое выравнивание цен на удобрения позволило²⁰ Европейскому парламенту призвать государства-члены ЕС серьёзно пересмотреть политику поддержки агропромышленного комплекса (АПК), чтобы в дальнейшем отказаться от поставок из России и добиться самодостаточности и в этой области²¹.

В дополнение к этому важным фактором являлись биржевые спекуляции, которые могут приводить к крайне высоким или, наоборот, низким ценам на энергоносители и продовольствие при относительно стабильных спросе и предложении.

Таким образом, энергетический и продовольственный кризисы не только были вызваны предпосылками, сложившимися ещё до начала СВО, но они в значительной степени оказались преодолены ещё до её завершения. При этом в западной общественно-политической риторике ещё до

¹⁵ EU gas prices drop to 18-month low // RT. 03.03.2023. URL: <https://www.rt.com/business/572387-gas-prices-eu-drop/> (accessed: 07.03.2023).

¹⁶ Shiryayevskaya A., Liao R., Stapczynski S. Gas-Addicted Europe Trades One Energy Risk for Another // Bloomberg. 27.01.2024. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2024-01-27/europe-s-energy-security-at-risk-due-to-reliance-on-us-natural-gas-exports> (accessed: 05.03.2024).

¹⁷ Закачка газа в ПХГ ЕС снова превысила отбор. [Электронный ресурс] // ТАСС. 24 марта 2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17359629> (дата обращения: 27.03.2023).

¹⁸ Дятел Т. «Газпром» похолодел к Европе. Экспорт российского газа в ЕС снижается // Коммерсантъ. 02.04.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5912881> (дата обращения: 03.04.2023).

¹⁹ Food Inflation on the Rise. Most countries have been affected by the problem // Geopolitical Futures. 20.02.2023. URL: <https://geopoliticalfutures.com/food-inflation-on-the-rise/> (дата обращения: 28.02.2023).

²⁰ Baffeswee J., Koh C. Fertilizer prices ease but affordability and availability issues linger // 05.01.2023. URL: <https://blogs.worldbank.org/opendata/fertilizer-prices-ease-affordability-and-availability-issues-linger> (accessed: 05.07.2023).

²¹ Andrés P. Commission's actions on fertilisers not long-term enough, MEPs warn // Euractiv. 17.02.2023. URL: <https://www.euractiv.com/section/agriculture-food/news/commissions-actions-on-fertilisers-not-long-term-enough-meps-warn/> (accessed: 17.02.2023).

начала специальной военной операции тиражируется тезис об исключительной вине России за усугубление ситуации в сфере продовольственной и энергетической безопасности. Например, утверждалось, что (1) «во многих отношениях энергетический кризис, вызванный вторжением России на Украину, который в настоящее время переживает ЕС, на самом деле ничем не отличается от нефтяного кризиса 1973 года»²²; (2) в контексте разъяснения востребованности мирных инициатив КНР «многие развивающиеся страны хотят окончания войны отчасти из-за дефицита и инфляции, которые с ней связаны»²³; (3) «вторжение России на Украину подорвало экономики и рынки по всему миру, начиная с цен на энергоносители и продовольствие и заканчивая европейскими банками, акциями компаний поднимающихся экономик и российской валютой»²⁴. В этой связи стоит подробнее остановиться на влиянии действий самих западных игроков на обострение кризисных тенденций в мировой энергетике и продовольственной сфере в 2022 году.

Энергетический рынок. «ЕС следующего поколения» и переход к климатической нейтральности

На заседании Европейского совета уже в марте 2022 г. лидеры стран ЕС договорились «как можно скорее поэтапно снизить

свою зависимость от российского импорта энергоносителей». В мае того же года ЕС утвердил программу *REPowerEU*, в которой были изложены меры по максимально быстрому снижению зависимости от российского ископаемого топлива путём ускоренного перехода к экологически чистым видам энергии²⁵. 21 февраля 2023 года, после того как за внесение изменений в регламент ранее проголосовал Европейский парламент, а затем Совет ЕС, Брюссель превратил эти меры в одно из обязательных слагаемых построения «Европейского союза следующего поколения» как полностью свободного от российских энергоносителей²⁶.

Часть средств из 800 млрд евро, привлекаемых Европейской комиссией на перестройку экономики региона в соответствии с критериями этого плана, могут расходоваться на проекты по замещению российского импорта. Одновременно государствам-членам предлагалось до 1 апреля 2023 г. представить на согласование национальные планы расходования средств из указанного дополнительного бюджета ЕС с включёнными в них разделами по осуществлению программы *REPowerEU*²⁷. Согласно её положениям, «зелёная трансформация энергетической системы Европы усилит экономический рост, укрепит её мировое промышленное лидерство и выведе-

²² *Messad P.* For EU's sake, invest in nuclear // Euractiv. 16.02.2023. URL: <https://api-esp.piano.io/story/estored/480/29342/-/1/138302/524697/vib-cle79dkyh008k01ced994ginn?sig=ccc820f356995951befd299865445fb8e32e230478d9198abd498b41e77f9a8c> (accessed: 17.02.2023).

²³ *Next China: Playing Peacemaker* // Bloomberg. 24.03.2023. URL: <https://www.bloomberg.com/news/newsletters/2023-03-24/xi-jinping-s-diplomatic-push-picks-up-following-moscow-visit-next-china> (accessed: 27.03.2023).

²⁴ *One year of war in Europe: How the dollar, energy and food prices swirled* // Reuters. 24.02.2023. URL: <https://www.reuters.com/markets/one-year-war-europe-how-dollar-energy-food-prices-swirled-2023-02-24/> (accessed: 28.02.2023).

²⁵ *Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, The Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions "REPowerEU Plan" COM(2022) 230 final {SWD(2022) 230 final}* // European Commission. Brussels. 18.05.2023. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2022%3A230%3AFIN> (accessed: 28.02.2024).

²⁶ *EU recovery plan: Council adopts REPowerEU* // Council of the EU. Press releases. 21.02.2023. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/02/21/eu-recovery-plan-council-adopts-repowereu> (accessed: 28.02.2023).

²⁷ *Simon F.* EU opens up €800bn recovery fund to financing of Russian fossil fuel exit // Euractiv. 24.02.2023. URL: <https://www.euractiv.com/section/energy/news/eu-opens-up-e800bn-recovery-fund-to-financing-of-russian-fossil-fuel-exit/> (accessed: 28.02.2023).

дет Европу на путь климатической нейтральности к 2050 году»²⁸.

В основе этой убеждённости, разделяемой США, лежат несколько базовых допущений. *Во-первых*, в Вашингтоне и Брюсселе полагают, что экономика планеты вступила в этап глобальной перестройки, беспрецедентной по своей глубине и всесторонности²⁹. По их мнению, этот процесс нуждается в управлении, осуществлять которое должны страны Запада. *Во-вторых*, такая трансформация вполне реальна и с технологической, и с финансовой точки зрения благодаря сильному удешевлению возобновляемых источников энергии (ВИЭ)³⁰. *В-третьих*, для поддержания конкурентоспособности ВИЭ оказывается недостаточно налоговых послаблений, льготного финансирования и субсидирования. Бремя расходов на осуществление энергетического перехода ложится на конечных потребителей энергии. Для этого западным государствам и нужны видимость энергетического кризиса, вызываемые им колоссальные доходы энергетических компаний и корпораций, обслуживающих и содействующих энергопереходу, постоянный рост инвестиций в зелёную экономику. Более того, введение антироссийских санкций и других мер ограничительного характера преследовало политические цели по изменению внешнеполитического курса России.

Несмотря на колоссальные издержки и во многом благодаря им, ЕС и государства-члены всё больше продвигаются в осуществлении энергетического перехода к ВИЭ. Это наблюдение подтверждается примерами отдельных энергетических компаний вне зависимости от показателей их деятельности. Французская группа *Engie*, 95% прибыли которой в 2022 г. было направлено на выплаты и обременения, приступила к реализации второго этапа стратегического плана. Речь идёт о приоритизации ВИЭ при сохранении за природным газом резервной роли, необходимой для обеспечения плавного транзита в энергетику будущего. В соответствии с ним планируется ежегодный рост установленной возобновляемой мощности по всему миру на 4 гигаватта (ГВт) вплоть до 2025 г. и на 6 ГВт в период с 2026 по 2030 год. Установленная мощность должна достичь 50 ГВт к 2025 г. и 80 ГВт к 2030 году³¹.

В плановом порядке Европейская комиссия вносит предложения, а Европейский парламент и Совет ЕС облекают в нормативную форму новые предписания о поэтапной реализации стратегии декарбонизации всех отраслей экономики региона и видов деятельности. Например, 23 марта 2023 г. политические институты ЕС согласовали флагманский закон о сокращении выбросов углекислого газа, метана и закиси азота крупнотоннажными морскими судами³².

²⁸ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions "REPowerEU Plan" COM(2022) 230 final {SWD(2022) 230 final} // European Commission. Brussels. 18.05.2023. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2022%3A230%3AFIN> (accessed: 28.02.2024).

²⁹ См., например: *Williams A., Brower D.* US makes 'no apologies' for prioritising American jobs, clean energy tsar tells EU. John Podesta pushes back at European criticism of \$369bn climate spending // *Financial Times*. 24.02.2023. URL: <https://www.ft.com/content/cb0a8ddf-6b32-49d8-8870-d1384580e9c9> (accessed: 28.02.2023).

³⁰ *Ashkenaz A.* EU humiliated as Biden's energy aide refuses to apologise after sparking trade war. The US Inflation Reduction Act could see green industries and electric car manufacturing leave Europe // *Express UK*. 24.02.2023. URL: <https://www.express.co.uk/news/science/1739014/eu-humiliated-biden-inflation-reduction-act-podesta-energy-trade-war-exodus> (accessed: 28.02.2023); Data point: clean energy costs are falling // *Economist Impact*. 30.05.2022. URL: <https://impact.economist.com/sustainability/net-zero-and-energy/data-point-clean-energy-costs-are-falling> (accessed: 07.07.2023).

³¹ *Engie* : le chiffre d'affaires 2022 a bondi de 62% à 93,9 milliards d'euros // *Le Figaro*. 21.02.2023. URL: <https://www.lefigaro.fr/societes/engie-le-chiffre-d-affaires-2022-a-bondi-de-62-a-93-9-milliards-d-euros-20230221> (дата обращения: 28.02.2023).

³² *Carroll S.G.* EU strikes 'ground-breaking' deal to cut maritime emissions // *Euractiv*. 23.05.2023. URL: <https://www.euractiv.com/section/maritime/news/eu-strikes-ground-breaking-deal-to-cut-maritime-emissions/> (accessed: 27.03.2024).

Это решение касается порядка 3–4% совокупных выбросов государствами–членами ЕС. Закону придан более жёсткий характер, нежели ранее принятому постановлению о снижении выбросов авиаперевозчиками: снизить на 2% к 2025 году, 6% к 2030 году, 14,5% к 2035 году, 31% к 2040 году, 62% к 2045 г. и 80% к 2050 году. С судовладельцев, которые не достигнут целевых показателей, будут взиматься чувствительные штрафы, а средства, собранные таким образом, будут вкладываться в проекты декарбонизации морских перевозок.

Общее представление о конкретных шагах, предпринимаемых ЕС и государствами–членами для достижения стратегических целей снижения углеродной зависимости и построения зелёной экономики в соответствии с Европейской климатической программой “*Fit for 55 in 2030*” и Европейским климатическим законом о достижении климатической нейтральности к 2050 году, можно составить на основе договорённости между Европейским парламентом и Советом по ужесточению требований пересмотренной Директивы о ВИЭ 2023 года³³. Отдельно важно упомянуть и практику вынесения судебных постановлений в государствах–членах по искам экологических НПО, предписывающих энергетическим компаниям разрабатывать соответствующие далекоидущие стратегии. С февраля 2023 г. такие иски стали подаваться также против банковских структур, продолжающих финансировать нефтегазовые проекты. Один из первых инициировала группа климатических организаций (*Oxfam, Friends of the Earth, Notre Affaire à Tous*) против крупнейшего банка еврозоны *BNP Paribas*, обви-

нив его в нарушении обязанности предотвращать вред окружающей среде³⁴. Этот прецедент не является прямым следствием специальной военной операции на Украине. Тем не менее процесс происходит параллельно с развитием геополитической ситуации и за последние полтора года усугубился.

В период 2021–2023 годов энергетический переход и отказ от закупок российских энергоносителей поддерживался гражданами ЕС, о чём свидетельствуют опросы общественного мнения. Если в 2021 г. французы выражали некоторые сомнения, то к весне 2023 г. стали высказываться в пользу повсеместного ускоренного увеличения мощностей ВИЭ и на порядок более активной и результативной работы правительства и институтов ЕС в этом направлении³⁵.

Вместе с тем Евросоюз пошёл на обсуждение заключения долгосрочных контрактов с поставщиками из Северной Америки, Африки и других регионов мира. Брюссель также внёс коррективы в нормативные предписания, дискриминировавшие капиталовложения в добычу и транспортировку ископаемых видов топлива. Атомные и термоядерные направления и ВИЭ были частично приравнены как стратегические направления в рамках законопроекта о промышленности с нулевым уровнем выбросов (*Net-Zero Industry Act, NZIA*)³⁶. В 2022 г. 13 стран Евросоюза имели действующие ядерные реакторы: Бельгия, Болгария, Венгрия, Германия, Испания, Нидерланды, Румыния, Словения, Словакия, Финляндия, Франция, Чехия и Швеция. На 2022 г. на долю АЭС приходилось около 21,8% от общего объёма

³³ Боровикова К. Киловаттам предписано зеленеть // Коммерсантъ. 31.03.2023. <https://www.kommersant.ru/doc/5902755> (дата обращения: 07.07.2023).

³⁴ Van Gaal W. French bank BNP Paribas sued over fossil-fuel lending // EU Observer. 23.02.2023. URL: <https://euobserver.com/green-economy/156752> (accessed: 28.02.2023).

³⁵ Messad P. Sondage: les Français plébiscitent un mix renouvelable et nucléaire // EURACTIV France. 06.04.2023. URL: <https://www.euractiv.fr/section/energie/news/sondage-les-francais-plebiscitent-un-mix-renouvelable-et-nucleaire/> (дата обращения: 07.04.2023).

³⁶ Европарламент утвердил свою позицию по законопроекту в поддержку низкоуглеродной энергетики и промышленности // Атомная энергия 2.0. 28.11.2023. URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2023/11/28/140916> (дата обращения: 24.01.2024).

электроэнергии, произведённой в ЕС³⁷. При этом атомная энергетика не является широко распространённым кейсом в Евросоюзе, где лидирующие позиции в атомной промышленности занимает Франция, являющаяся скорее исключением, вследствие дефицита демократии и недостаточной представительности правящей элиты, а не признания атомной энергетике широкой общественностью [Baykov, Crowley-Vigneau, Kalyuzhnova 2023: 115]. Другой некогда лидер атомной энергетике Европы – Германия – завершила «атомную эру», отключив последние три АЭС ФРГ в апреле 2023 года³⁸.

Скачок цен, вызванный санкционной войной, принёс беспрецедентные доходы мировым энергетическим гигантам, лишь часть которых досталась российским компаниям. Западные энергетические ТНК извлекли сверхприбыль из роста цен на энергоносители. Например, британско-нидерландская нефтегазовая компания *Shell* получила 39,9 млрд долларов за 2022 год, американская корпорация *ExxonMobil* – более 56 млрд долларов, американская нефтегазовая компания *Chevron* – 36,5 млрд

долларов. Суммарно доходы мирового нефтегазового комплекса подскочили с полутора до четырёх триллионов долларов³⁹. Причём значительная их часть пополнила бюджеты США, Великобритании, ЕС и его государств-членов.

Кроме того, некоторые из западных стран установили специальный налог на сверхдоходы энергетических компаний и банковских структур, изымая их в свою пользу. В частности, Великобритания ввела в 2022 г. 25%-ный налог на непредвиденные доходы от добычи нефти и газа на территории страны с увеличением единовременного сбора в 2023 г. до 35%⁴⁰. Среди государств-членов ЕС раньше других дополнительные сборы установила Испания, которая представила данные взносы бизнесу и общественности в качестве «налогов солидарности»⁴¹.

Мировой рынок продовольствия

Мировой рынок сельскохозяйственного сырья, продовольственных товаров, а также агропромышленный и логистический комплексы, обеспечивающие их производство и распределение, испытывают кри-

³⁷ Nuclear energy statistics // Eurostat Statistics Explained. December 2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Nuclear_energy_statistics#Nuclear_heat_and_gas_electricity_production (accessed: 05.03.2024).

³⁸ The nuclear phase-out in Germany // Federal Office for the Safety of Nuclear Waste Management. n.d. URL: https://www.base.bund.de/EN/ns/nuclear-phase-out/nuclear-phase-out_node.html (accessed: 05.03.2024).

³⁹ Цифры Международного энергетического агентства и консалтинговых фирм приводятся по: Massive global oil and gas industry proceeds revealed. The head of the International Energy Agency called for investment in transition after a bumper 2022 // RT. 11.02.2023. URL: <https://www.rt.com/business/571328-iea-oil-gas-trillion-income/> (accessed: 17.02.2023). См. также: The energy crisis gives the US a chance to woo big European companies // Financial Times. 01.11.2022. URL: <https://www.ft.com/content/0a78d7e8-c148-41a2-ba9e-6fedd89d2e04> (accessed: 06.07.2023); Crisis year 2022 brought \$134 billion in excess profit to the West's five largest oil and gas companies // Global Witness. 02.02.2023. URL: <https://www.globalwitness.org/en/campaigns/fossil-gas/crisis-year-2022-brought-134-billion-in-excess-profit-to-the-wests-five-largest-oil-and-gas-companies/> (accessed: 06.07.2023); Shareholders reap record payouts from price surge during energy crisis // The Guardian. 16.11.2022. URL: <https://amp.theguardian.com/business/2022/nov/16/shareholders-reap-record-payouts-from-price-surge-during-energy-crisis> (accessed: 06.07.2023); *Meredith S.* Big Oil rakes in record profit haul of nearly \$200 billion, fueling calls for higher taxes crisis // CNBC. 08.02.2022. URL: <https://www.cnbc.com/amp/2023/02/08/big-oil-rakes-in-record-annual-profit-fueling-calls-for-higher-taxes.html> (accessed: 06.07.2023).

⁴⁰ *Kirka D.* UK energy giant BP's profits double to \$27.7 billion. [Электронный ресурс] // AP. 7 February 2023. URL: <https://apnews.com/article/united-kingdom-government-business-earnings-850e02d38fdb43e1a48d966654b412> (accessed: 28.02.2023).

⁴¹ *Heller F.* Spain collects millions in 'solidarity taxes' imposed on banks, energy firms. [Электронный ресурс] // Euractiv. 22 February 2022. URL: <https://www.euractiv.com/section/politics/news/spain-collects-millions-in-solidarity-taxes-imposed-on-banks-energy-firms/> (accessed: 28.02.2023).

Таблица 1
Индекс продовольственных цен ФАО, 2019–2023 годы

	Индекс цен на продовольствие	Мясо	Молочные	Зерновые	Растительные масла	Сахар
2019	95,1	100,0	102,8	96,6	83,2	78,6
2020	98,1	95,5	101,8	103,1	99,4	79,5
2021	125,8	107,7	119,6	131,2	164,9	109,3
2022	144,7	118,8	149,5	154,7	187,8	114,5
2023*	128,86	114,81	133,89	139,63	131,36	135,11

* Средний показатель за январь–май 2023 г.

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным ФАО: Индекс продовольственных цен ФАО // ФАО. б.д. URL: <https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/ru/> (дата обращения: 05.07.2023).

зисные явления. Они не удовлетворяют ни текущим, ни будущим нуждам. Кроме того, они воспроизводят неравенство в доступе к продовольствию и в его потреблении — число людей, которым недоступно нормальное питание, увеличилось до 3,1 млрд⁴². На мировом продовольственном рынке господствует узкий круг компаний глобального охвата⁴³, региональных и мировых держав, осуществляющих монопольный контроль и извлекающих сверхприбыли из флуктуаций, вызванных природными и антропогенными процессами.

По состоянию на декабрь 2022 года⁴⁴ меры, предпринятые США, ЕС и его государствами-членами в связи с СВО, и постоянно усиливающееся санкционное проти-

востояние вызвали небольшой краткосрочный скачок мировых цен на продовольственные, сельскохозяйственные и связанные с ними товары, который сравнительно быстро сошёл на нет. К весне 2023 г. общий индекс цен на продовольствие, а также отдельные индексы цен на мясо, молочные и зерновые продукты, растительные масла и сахар значительно снизился (табл. 1).

Весной 2023 г. усилилась тенденция к понижению мировых цен. Причём настолько, что в марте Министерство сельского хозяйства России планировало рекомендовать российским производителям подсолнечного масла, подсолнечника и пшеницы не поставлять продукцию на экспорт⁴⁵. С учётом негативной ценовой дина-

⁴² The State of Food Security and Nutrition in the World 2022. Repurposing food and agricultural policies to make healthy diets more affordable. [Электронный ресурс] // FAO. 2022. 234 p. URL: <https://www.fao.org/documents/card/en/c/cc0639en> (accessed: 17.02.2023).

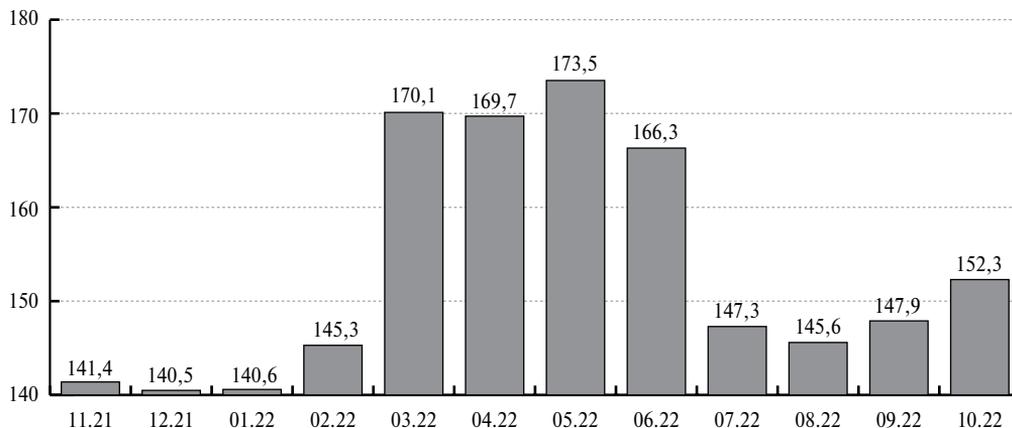
⁴³ Лидирующие позиции по мировой торговле сельхозпродукцией занимают Cargill (США), COFCO Corp (КНР), Archer Daniels Midland (США), Wilmar (Сингапур), Bunge (США), Itochu (Япония), Louis Dreyfus (Нидерланды), Viterra Group (Нидерланды), Olam International (Сингапур), Conagra (США). Подробнее см.: Food Barons 2022. [Электронный ресурс] // ETC Group. September 20 2022. 143 p. URL: <https://etcgroupp.org/content/food-barons-2022> (accessed: 17.02.2023).

В десятку крупнейших компаний по производству продуктов питания и напитков (по объёму продаж) входят швейцарская Nestlé, американские PepsiCo, Tyson Foods, Archer Daniels Midland Company, Cargill, The Coca-Cola Company и CHS Inc., бразильская мясная компания JBS, бельгийская пивоваренная компания Anheuser-Busch InBev, а также сингапурская Olam International. Подробнее см.: 2023 Top 100 Food & Beverage Companies. [Электронный ресурс] // ETC Group. September 7 2023. URL: <https://public.flourish.studio/visualisation/14949606/> (accessed: 05.03.2024).

⁴⁴ World Cereals Price Index. [Электронный ресурс] // Trading Economics. November 2022. URL: <https://tradingeconomics.com/world/cereals-price-index> (accessed: 17.02.2023).

⁴⁵ Производители подсолнечного масла и пшеницы могут временно приостановить экспорт. С такими рекомендациями к ним на фоне снижения цен на мировых рынках планирует обратиться регулятор // Ведомости. 24.03.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/03/24/967936-proizvoditeli-podsolnechnogo-masla-mogut-vremenno-priostanovit-eksport> (дата обращения: 27.03.2023).

Рисунок 1
Агрегированный индекс ФАО по зерну, ноябрь 2021 – октябрь 2022

Источник: ФАО ООН. URL: <https://www.fao.org/worldfoodsituation> (дата обращения: 17.02.2023).

мики и затоваривания внутреннего рынка зерном из-за избытка урожая и проблем с экспортом в правительстве решили увеличить закупки зерна в госфонд ориентировочно до 7 млн тонн, что составляет порядка 5% урожая⁴⁶, и форсировать перевод торговли сельхозпродукцией на схему, оправдавшую себя при экспорте природного газа⁴⁷.

Тем самым (рис. 1) реакция игроков рынка продемонстрировала, что риски прекращения поставок из России и с Украины и будущее «черноморской зерновой инициативы» критического значения для них не имеют. Пшеница на бирже в Чикаго подешевела меньше чем на 6% после объявления Россией о возвращении к участию в зерновой сделке⁴⁸. Показательно также, что на

пике цен никто не стал использовать стратегические запасы, чтобы сбить цены и ослабить дефицит.

К весне 2023 г. фермеры ряда государств-членов ЕС, включая Болгарию, Венгрию, Польшу, Румынию и Словакию, потребовали протекционистской защиты от украинского зерна. С опозданием реагируя на вызванную ею же затоваренность рынка, Европейская комиссия пообещала фермерам Болгарии, Польши и Румынии оперативно выделить на их поддержку 56 млн евро и задействовать в этих целях сельскохозяйственный фонд ЕС в размере 450 млн евро⁴⁹. Вместе с тем аграриев, прежде всего польских, подобные обещания не удовлетворили. В информационном пространстве открыто заговорили о пере-

⁴⁶ Боровикова К., Сапожков О. Государство расширит хлебное место. Закупки зерна в госфонд могут быть увеличены более чем втрое // Коммерсантъ. №50. 24.03.2023. С. 1. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5889610> (дата обращения: 27.03.2023).

⁴⁷ О специальном порядке открытия расчётных счетов в небанковских кредитных организациях – центральных контрагентах иностранными покупателями сельскохозяйственной продукции // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. 20.03.2023. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#nra=136807> (дата обращения: 27.03.2023).

⁴⁸ На бирже в Чикаго на фоне восстановления зернового коридора подешевела пшеница // Известия. 02.11.2022. URL: <https://iz.ru/1419847/2022-11-02/na-birzhe-v-chikago-na-fone-vosstanovleniia-zernovogo-koridora-podeshevela-pshenitca> (дата обращения: 17.02.2023).

⁴⁹ Fortuna G. EU triggers crisis fund to bail out farmers hit by Ukraine grain influx // Euractiv. 22.03.2023. URL: <https://www.euractiv.com/section/agriculture-food/news/eu-triggers-crisis-fund-to-bail-out-farmers-hit-by-ukraine-grain-influx/> (accessed: 27.03.2023).

избытке предложения и о возможности вновь отдавать сельскохозяйственные угодья под производство биотоплива⁵⁰.

Повышенную волатильность рынкам придали спекуляции информационного, политического и финансового порядка. Они наложились на действие объективных факторов, появление которых пришлось не на начало СВО и сопутствующих ограничений.

Главными факторами волатильности, согласно обзорам, составленным Информационной системой сельскохозяйственного рынка “*Agricultural Market Information System*” на основе опроса экспертов разных стран⁵¹, стали:

1) устойчивые засухи в основных зернопроизводящих регионах с 2020 года;

2) перевод растущей доли сельхозземель с выращивания продовольственных на производство технических культур для изготовления из них, в частности, биотоплива;

3) исчерпание плодородия почв вследствие их сверхинтенсивной эксплуатации;

4) экономическое принуждение развивающихся стран к сельскохозяйственной специализации, усиливающей их зависимость от внешних поставок продовольствия.

Эти факторы имеют долгосрочное действие. Они будут создавать и в будущем неустойчивую и опасную ситуацию дефицитности продовольственных товаров на мировом рынке при одновременном падении или стагнации цен из-за отсутствия у потребителя средств на покрытие неудовлетворённого спроса, то есть обрекать на голод и недоедание часть стремительно увеличивающегося населения планеты.

Будут сказываться и диспропорции аграрного сектора. Из 1,5 млрд га сельскохозяйственных угодий во всём мире только треть используется для производства продовольственных культур. Остальная часть в основном предназначена для производства животноводческой продукции. По-

скольку 38% мировых сельскохозяйственных культур служат кормом для животных, только 20% мировых сельскохозяйственных угодий используется в целях непосредственного производства сельскохозяйственных культур для потребления человеком⁵².

Ещё одним фактором, объясняющим низкую устойчивость мирового рынка сельскохозяйственной продукции и продовольствия, является **разнонаправленность интересов государства в развивающихся странах и сельхозпроизводителей**, вынуждающая власти постоянно корректировать проводимую политику. Государственные структуры исходят из соображений продовольственной безопасности, императивов стопроцентного насыщения внутреннего рынка и необходимости гарантировать населению доступность продовольствия по приемлемым ценам. Для сельхозпроизводителей важнее максимизировать выручку.

В этих целях, как только такое становится выгодным, они предпочитают выводить продукцию с внутреннего рынка на внешний или придерживать её, делая внутренний рынок тем самым дефицитным и подпитывая дороговизну. В ответ власти вынуждены реагировать, принимая экстренные меры по пресечению спекуляций, объявлять эмбарго на вывоз сельхозпродукции за границу, вводить квотирование. Как следствие, обещания нарастить поставки продовольствия на экспорт оказываются нереализованными, дефицит возникает на внешних рынках, цены на них идут вверх. Тем самым закручивается очередная спираль тех же самых противоречий. Таким образом, административное вмешательство властей в функционирование рыночной экономики в целях стабилизации внутреннего рынка становится фактором дестабилизации мирового рынка.

По такому сценарию с меньшим урожаем, нежели предполагалось первоначаль-

⁵⁰ Packroff J. Wheat surplus makes phasing out biofuels obsolete, say producers // Euractiv. 28.02.2023. URL: <https://www.euractiv.com/section/agriculture-food/news/wheat-surplus-makes-phasing-out-biofuels-obsolete-say-producers/> (accessed: 07.03.2023).

⁵¹ Agricultural Market Information System. www.amis-outlook.org

⁵² The Global Food System: An Analysis // Metabolic. March 2017 Report. URL: <https://www.metabolic.nl/publication/global-food-system-an-analysis/> (accessed: 17.02.2023).

но, и неожиданным появлением нового крупного импортёра в виде Египта мировой рынок в 2022 г. не досчитался обещанных миллионов тонн зерна, заблокированных Индией⁵³. Позже, в преддверии всеобщих выборов 2024 года в дополнение к ограничениям на экспорт риса, пшеницы и сахара правительство запретило экспорт лука, поставило под контроль использование сахара для производства этанола и сократило запасы пшеницы, которые дозволено иметь трейдерам и мелким торговцам⁵⁴. Опасаясь возможной нехватки продовольствия и возникновения чрезвычайных ситуаций, чреватых скачком цен, многие правительства (например, Египет и Марокко) предпочитают заранее вкладываться во фьючерсы, что не может не влечь за собой взлёт их котировок⁵⁵.

В Индии правительственными структурами используется ряд масштабных механизмов превентивных действий по сдерживанию продовольственной инфляции, включая схему компенсации дефицита цен (*Price Deficiency Payment Scheme – PDPS*), схему частных закупок и складирования (*Private Procurement & Stockist Scheme – PPSS*), Фонд стабилизации цен при Министерстве по делам потребителей (*Price Stabilisation Fund – PSF*), схему вмешательства в функционирование рынка и схему поддержки цен Министерства сельского

хозяйства и благосостояния фермеров (*Market Intervention Scheme – MIS and Price Support Scheme – PSS*). Стоит отметить, что их бюджетное финансирование на 2023 и 2024 годы было серьёзно сокращено⁵⁶. В этом кроется одна из причин скептического отношения отдельных мировых игроков к возможности заключения долгосрочных продовольственных контрактов и созданию пулов производителей.

Устойчивые засухи последних лет обусловили рост ценового зернового индекса с января 2020 по январь — февраль 2022 г. более чем на 50%⁵⁷. Согласно прогнозному докладу ОЭСР-ФАО на 2022–2031 годы, влияние оказали повышение спроса в связи с выходом мировой экономики из коронавирусной пандемии и вызванное ею нарушение транспортных связей⁵⁸. Высокая ценовая база предопределила болезненную реакцию рынка на незначительное изменение конъюнктуры весной—летом 2022 года, подогретую спекулятивным информационным фоном.

По подсчётам Евростата, годовая инфляция в еврозоне в декабре замедлилась до 9,2% по сравнению с 10,1% в ноябре 2022 года, а к 2024 г. снизилась до более-менее приемлемого уровня. Сильнее всего тогда повышение цен отразилось на энергоносителях, стоимость которых год к году увеличилась на 25,7% против 34,9% в ноябре⁵⁹.

⁵³ Куприянов А. Почему Индия готова экспортировать рис, а пшеницу — нет // Профиль. 07.06.2022. URL: <https://profile-ru.turbopages.org/profile.ru/s/abroad/pochemu-indiya-gotova-eksportirovat-ris-a-pshenicu-net-1093632/> (дата обращения: 17.02.2023).

⁵⁴ Parija P. India seen keeping rice export bans into 2024, holding up global prices // The Economic Times. 19.11.2023. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/foreign-trade/india-seen-keeping-rice-export-bans-into-2024-holding-up-global-prices/articleshow/105324980.cms> (accessed: 20.11.2023).

⁵⁵ Там же.

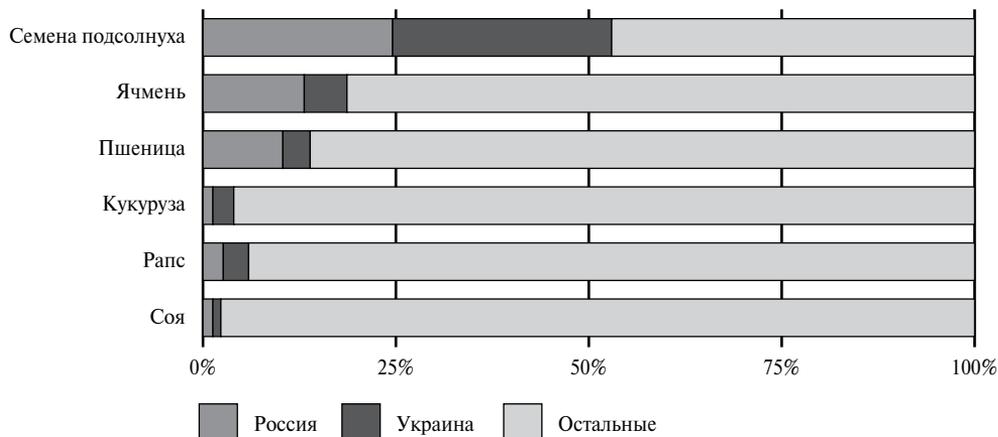
⁵⁶ Hussain S. How Budget 2023 choked three schemes critical to managing food inflation. The reduced allocation may imply that government agencies will not procure and sell any pulse, oilseeds or cotton if their prices fall below MSP during FY24 // The Print. 06.02.2023. URL: <https://theprint.in/opinion/how-budget-2023-choked-three-schemes-critical-to-managing-food-inflation/1355537/> (accessed: 17.02.2023).

⁵⁷ Market Monitor // AMIS. November 2022. URL: https://docs.google.com/viewerng/viewer?url=http%3A%2F%2Fwww.amis-outlook.org%2Ffileadmin%2Fuser_upload%2Famis%2Fdocs%2FMarket_monitor%2FAMIS_Market_monitor_current.pdf&surp=gmail_link (accessed: 17.02.2023).

⁵⁸ OECD-FAO Agricultural Outlook 2022-2031 // OECD Publishing. Paris. 2022. URL: <https://www.fao.org/3/cc0308en/cc0308en.pdf> (accessed: 17.02.2023).

⁵⁹ Едовина Т. Европейская инфляция снизилась к зиме // Коммерсантъ. 11.01.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5760059> (дата обращения: 17.02.2023).

Рисунок 2
Доля России и Украины в мировом производстве зерновых

Источник: ФАО ООН. URL: <https://www.fao.org/worldfoodsituation> (дата обращения: 17.02.2023).

Ситуацию на рынке зерновых определяют объёмы сбора урожая не отдельной культуры, а в совокупности. В тройку основных мировых производителей пшеницы входят Китай, ЕС и Индия. На них приходится соответственно 18, 17 и 14% мирового производства. За ними следуют Россия с 12% и Соединённые Штаты с 6% соответственно. По объёму производства кукурузы на мировом рынке лидируют США (30%) и КНР (24%). Далее с большим отставанием следуют Бразилия, Аргентина и Европейский союз. Доля Бразилии составляет 10%, Аргентины и ЕС – по 5%. Лидерами по объёмам выращиваемого риса являются Китай (28%) и Индия (24%). Другими ведущими поставщиками в этом сегменте выступают ещё несколько стран Азиатско-Тихоокеанского региона – Индонезия (7%), Вьетнам (5%) и Таиланд (4%).

Наконец, на рынке сои монопольное положение занимают Бразилия (39%), США (30%) и Аргентина (12%). Игроками второго эшелона в этом сегменте выступают Китай с 5% и Индия с 3% мирового производства.

На рис. 2 приведены данные о доле России и Украины в мировом производстве зерновых⁶⁰:

Проведение специальной военной операции не могло оказать самостоятельного и тем более определяющего влияния на мировой рынок продовольствия. По данным *ITC Trade Map*⁶¹, доля России в мировом экспорте продукции АПК находится на уровне 1,8%. С 0,7% в 2010 г. она выросла вдвое за 10 лет, но осталась незначительной. В 2020 г. Российской Федерации удалось выйти на бездефицитную внешнюю торговлю сельскохозяйственным сырьём и продовольственными товарами⁶². Украина

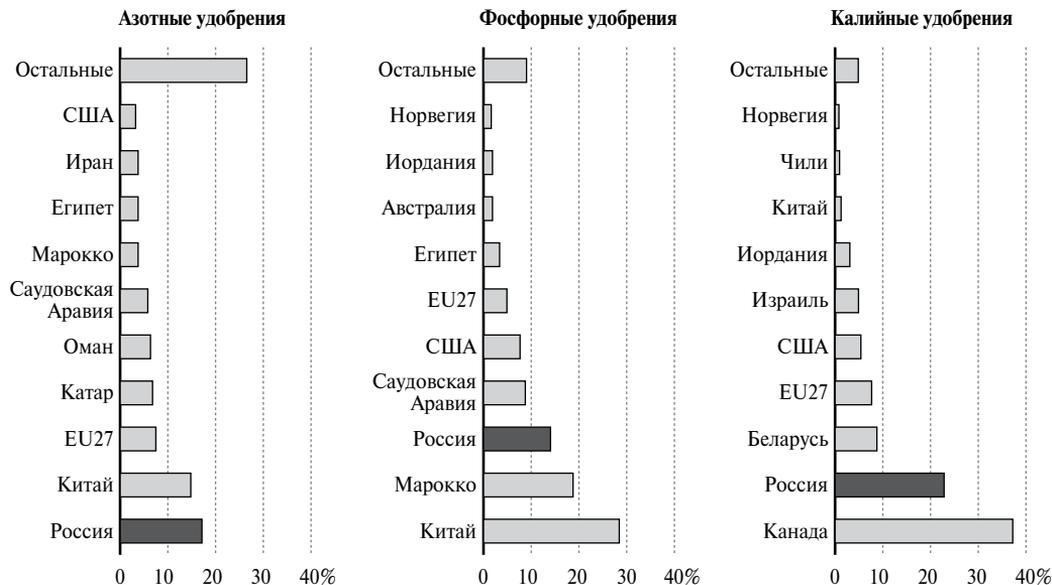
⁶⁰ The Importance of Ukraine and the Russian Federation for Global Agricultural Markets and the Risks Associated with the War in Ukraine // Food and Agriculture Organization of the United Nations. 10.06.2022. P. 6. URL: <https://www.fao.org/3/cb9013en/cb9013en.pdf> (accessed: 17.02.2023).

⁶¹ International trade in goods statistics by product. Exports 2001-2021 // Trade Map. 2023. URL: <https://www.trademap.org/TradeStatistics/TradeMap/Yearly/ByProduct/Export/En> (accessed: 17.02.2023).

⁶² Товарная структура экспорта и импорта Российской Федерации, годы (с 1995 г.) // Федеральная служба государственной статистики России. 08.11.2022. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya (дата обращения: 05.03.2024).

Рисунок 3

Топ-10 экспортёров азотных удобрений, фосфорных удобрений, калийных удобрений, % от мирового экспорта

Источник: ФАО ООН. URL: <https://www.fao.org/worldfoodsituation> (дата обращения: 17.02.2023).

порядка 70% своих потребностей удовлетворяла за счёт импорта. Структурно внешняя торговля обеих стран с/х продуктами не была высокоприбыльной — они продавали за рубеж сырьё с низкой добавленной стоимостью, а ввозили более дорогие продукты их переработки.

Мировой рынок удобрений

На фоне безосновательных заявлений относительно роли России в обострении энергетического и продовольственного кризисов, специфическая ситуация сложилась на рынке удобрений, который оказывает значительное влияние на сельское хозяйство. Ещё до начала СВО Российская Федерация занимала ведущее положение на нём (рис. 3). Существенное сокращение

поставок на мировой рынок карбоната кальция из Белоруссии и безводного аммиака из России, которые традиционно вывозились из портов государств—членов ЕС и Украины, и закрытие предприятий по производству удобрений в европейском интеграционном объединении из-за дороговизны природного газа и электроэнергии, как и в случае с зерном, вызывали временный скачок цен⁶³.

На пике подорожания цены на азотные удобрения в Западной Европе поднялись до 1310 долларов США за тонну, в Соединённых Штатах — 755 долларов США за тонну⁶⁴. Стоимость калийных удобрений в Соединённых Штатах достигла 635 долларов США за тонну, фосфорных — 562,5 долларов США за тонну. В целом

⁶³ Glauber J., Laborde D. How sanctions on Russia and Belarus are impacting exports of agricultural products and fertilizer // International Food Policy Research Institute. 09.11.2022. URL: <https://www.ifpri.org/blog/how-sanctions-russia-and-belarus-are-impacting-exports-agricultural-products-and-fertilizer> (accessed: 17.02.2023).

⁶⁴ Милькин В. Минфин раскрыл условия введения экспортных пошлин // Ведомости. 03.10.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/10/04/943714-minfin-raskril-usloviya-vedeniya-poshlin> (дата обращения: 17.02.2023).

по Германии, по данным Федерального статистического управления ФРГ, к ноябрю 2022 г. цены на основные химикаты, удобрения и соединения азота поднялись на 32,8% в годовом исчислении. Особенно высокий рост цен в годовом исчислении наблюдался на удобрения и соединения азота – 113,1%. Цены на аммиак, который используется для производства удобрений, увеличились на 182,3%⁶⁵. Вместе с тем после того, как прошла спекулятивная волна и цены на углеводороды пошли вниз, а производство удобрений в ЕС было частично разморожено, стоимость удобрений также начала снижаться. Таким образом, и на этих рынках обострение носило краткосрочный характер.

* * *

Западные обвинения в адрес России в контексте нарастания дисбалансов на продовольственных и энергетических рынках вполне вписываются в логику секьюритизации. Они представляли собой попытку представить реально имевшие место кризисные явления в выгодном политическом ключе путём манипуляций объяснением причин наблюдаемой волатильности и её хронологических рамок. Более того, они помогли отвлечь внимание от влияния той политической линии, которую проводят США и ЕС, на обострение объективных трудностей.

Мировой энергетический и продовольственный кризисы не начались с проведением Россией специальной военной операции на Украине, а стали результатом комплекса факторов, главными из которых были пандемия *COVID-19* и засухи (засушливый сезон) соответственно. Санкционное давление и другие антироссийские меры, принятые США, ЕС, государствами-членами Евросоюза и их союзниками, **вызвали небольшой краткосрочный скачок цен на энергоресурсы, продовольственные, сельскохозяйственные и связанные с ними товары,**

который сравнительно быстро сошёл на нет. Реакция игроков рынка продемонстрировала, что риски прекращения поставок российских энергоресурсов, сельскохозяйственных и продовольственных товаров из России и с Украины, равно как и будущее «черноморской зерновой инициативы», не имеют критического значения. Более того, на пике цен никто из игроков не стал выбрасывать на рынок часть имеющихся запасов, чтобы сбить цены и ослабить дефицит.

Повышенную волатильность рынкам придали спекуляции информационного, политического и финансового порядка. Объективными факторами волатильности стали, в частности, устойчивые засухи в основных зернопроизводящих регионах, продолжающиеся уже три года подряд; перевод растущей доли сельхозземель с выращивания продовольственных на производство технических культур для изготовления из них, например, биотоплива; исчерпание плодородия почв вследствие их сверхинтенсивной эксплуатации; экономическое принуждение развивающихся стран к сельскохозяйственной специализации, усиливающей их зависимость от внешних поставок продовольствия. Отдельно стоит отметить, что только 20% мирового объёма полей используются для выращивания зерновых культур для потребления человеком.

Ещё одним фактором, объясняющим низкую устойчивость мирового рынка сельскохозяйственной продукции и продовольствия, является разнонаправленность интересов развивающихся государств и сельхозпроизводителей, вынуждающая власти корректировать проводимую политику. Показательный пример – блокировка экспорта со стороны Индии.

Анализ доли России на глобальном рынке зерна (пшеница, рис, кукуруза, соя) демонстрирует, что специальная военная операция не могла оказать самостоятельного и тем более определяющего влияния на мировой рынок продовольствия.

⁶⁵ Producer prices in October 2022: +34.5% on October 2021. Press release No. 488 of 21 November 2022 // Destatis. 21.11.2022. URL: https://www.destatis.de/EN/Press/2022/11/PE22_488_61241.html (accessed: 17.02.2023).

Прибыльность спекуляций на глобальном и локальных рынках продовольствия и энергоносителей, эффективность скоординированных мер «группы семи» по контролю за ценами на них и ценообразованием, твёрдое намерение и дальше наращивать санкционное давление на российский топливно-энергетический комплекс, запуск пилотных механизмов по взиманию своего рода ренты с мирового ТЭК в свою пользу, закрепление целей декарбонизации мировой экономики в обязывающих нормативных актах на национальном, региональном и глобальном уровнях – всё это указывает на последовательный характер антироссийских мер Запада. В перспективе они могут быть использованы против других субъектов мировой политики для достижения западными странами собственных политических и экономических целей.

Подобная стратегия противоречит не только интересам Москвы, но и большинства стран, особенно подверженных продовольственному и энергетическому кризисам. Реагирование на угрозы данного характера может включать следующие контрмеры:

1) разработать совместно с дружественными для России странами концепцию и программу борьбы с изменениями климата и приспособления к ним, альтернативную лоббируемыми Западом целям декарбонизации, и утвердить их на региональных и международных площадках (ЕАЭС, ШОС, БРИКС), а затем в рамках ООН;

2) активизировать системное разъяснение политическим и бизнес-элитам, а также общественности зарубежных государств – как дружественных, так и недружествен-

ных – истинных причин спекуляций и политических заявлений, осуществляемых Западом на рынках продовольствия и энергоресурсов под видом продовольственного и энергетического кризисов;

3) предложить государствам Африки, Азии и Латинской Америки на предстоящих саммитах и других платформах приступить к совместному созданию инфраструктуры достижения целей обеспечения продовольственной и энергетической безопасности⁶⁶, включая переход на новые системы обслуживания транзакций, страхования, перестрахования, кредитования, лизинга и фрахта, создание специализированных хабов и бирж, решение транспортных, логистических и других сопутствующих вопросов;

4) существенно расширить номенклатуру стимулов, благодаря которым можно обеспечить практическое воплощение в жизнь провозглашённых приоритетов национальной экономической политики по снижению энергоёмкости производств и повышению энергоэффективности всех объектов на территории России, добиться прорыва в освоении высоких технологий в этой сфере как неотъемлемого слагаемого политики импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета;

5) ориентировать крупнейшие отечественные энергетические компании при поддержке государства сменить бизнес-модель экспортно-ориентированной добычи и переработки углеводородов и другого сырья на модель формирования самодостаточного нефтехимического комплекса⁶⁷;

6) пересмотреть логистические маршруты с целью оказания положительного влияния на состояние продовольственной безопасности дружественных стран, в пер-

⁶⁶ *Lissouba J.* Europe's relations with Africa and Asia are on the brink of collapse, and Russia is benefiting // *Modern Diplomacy*. 22.03.2023. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2023/03/22/europes-relations-with-africa-and-asia-are-on-the-brink-of-collapse-and-russia-is-benefiting/> (accessed: 27.03.2023).

⁶⁷ Самодостаточный нефтехимический комплекс должен производить все две тысячи наименований продуктов нефтехимии (сейчас лишь 700 из них производятся на отечественных производителях, а остальные закупаются). Возможно использование опыта КНР. Будучи нетто-импортёром углеводородов, Китай на протяжении десятилетий поддерживал рост национального нефтехимического комплекса на уровне 13% в год и перевёл на свою территорию почти 50% мирового производства продукции нефтехимии.

вую очередь африканских. Пересмотр вопроса поставок энергоносителей, продовольствия и удобрений⁶⁸ позволит снизить устойчивость западных экономик и будет больше отвечать политическим и экономическим интересам России. В частности, «Черноморская зерновая сделка» не отвечает как российским интересам, так и

интересам главных «проигравших» в мировом продовольственном кризисе, начавшемся в 2021 году – африканских государств – по ряду причин: (1) незначительное количество судов следуют в страны Африки; (2) часть экономической прибыли России переходит посредникам, в том числе недружественным государствам⁶⁹.

Список литературы

- Бакулина А.А., Бакулин И.А. Сценарии развития и современные угрозы глобального продовольственного кризиса // ЭСПР. 2023. №1 (53). С. 44–61.
- Боровский Ю.В. Столкновение энергетических интересов России и Запада: объяснительный потенциал реалистского и либерального теоретических подходов // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. №2. С. 12–39. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-12-39
- Боровский Ю.В., Шишкина О.В. Секьюритизация энергоснабжения в рамках Евросоюза // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 3. С. 57–81. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-3-78-57-81
- Голунов С.В. Энергетические рычаги внешней политики: опыт России и США // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 1. С. 56–73. DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.3.
- Сергеев Е.А., Воронников В.В. Стратегия Европейского Союза в условиях глобальной перестройки: автономия или эвтаназия? М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2023. 52 с.
- Arapova E. Ya., Maslova E.A. Food (In)security 2022: Winners and Losers of the Sanctions War. Moscow: MGIMO University, 2022. 20 p.
- Baykov A., Crowley-Vigneau A., Kalyuzhnova Ye. The French Nuclear Challenge to EU Green Energy Governance // *Sovremennaja Evropa*. 2023, No 4. P. 104–118. DOI: 10.31857/S0201708323040058
- Ben Hassen T., El Bilali H. Impacts of the Russia-Ukraine War on Global Food Security: Towards More Sustainable and Resilient Food Systems? // *Foods*. 2022. Vol. 11. No. 15. <https://doi.org/10.3390/foods11152301>
- Buzan B.G., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.
- Buzan B.G., Wæver O., de Wilde J.H. *Security: A New Framework for Analysis*. London; Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998. 247 p.
- Esses J. Idle Hands Are The Devil's Tools: The Geopolitics and Geoeconomics of Hunger // *Annals of the Association of American Geographers*. 2012. Vol. 102. No. 1. P. 191–207. DOI: 10.1080/00045608.2011.595966
- Ferris E. The Securitisation of Energy Russia's Use of Hydrocarbons in its Foreign Policy since the Ukraine Invasion // *RUSI Occasional Paper*. 2023. 28 p.
- Gross S. Energy and Climate Challenges Will Continue in 2023 // *Policy Brief*. March 2023. The Brookings Institution. 12 p.
- Jiayi Z. *Producing Food, Security, and the Geopolitical Subject* (PhD). Linköping: Linköpings universitet, 2022. 125 p. DOI: 10.3384/9789179292836
- Johnson D.G. *World Food Institutions: A 'Liberal' View* // *International Organization*. 1978. Vol. 32. No. 3. P. 837–854. DOI: 10.1017/S0020818300031957
- Luft G., Korin A. Realism and idealism in the energy security debate // *Energy security challenges for the 21st century: A reference handbook* / ed. by G. Luft, A. Korin. Santa Barbara: Praeger, 2009. P. 335–349.
- Qi J. An Analysis of the Energy Crisis under the Ukraine Conflict // *Advances in Economics, Management and Political Sciences*. 2023. Vol. 46. P. 288–294. DOI: 10.54254/2754-1169/46/20230328
- Schelly C., Bessette D., Brosemer K., Gagnon V., Arola K.L., Fiss A., Pearce J.M., Halvorsen K.E. Energy policy for energy sovereignty: Can policy tools enhance energy sovereignty? // *Solar Energy*. 2020. Vol. 205. P. 109–112. DOI: 10.1016/j.solener.2020.05.056
- Zheng W. *European Energy Crisis Analysis: The Background of Russian-Ukrainian Conflict* // *BCP Business & Management*. 2023. No. 45. P. 128–133. DOI: 10.54691/bcpbm.v45i.4873

⁶⁸ Некоторые также используются для производства боеприпасов, например аммиак.

⁶⁹ К этому добавляется также тот факт, что Россия поставляет чистое сырьё, т.е. товары с низкой добавленной стоимостью по сравнению, например, с такими товарами, как мука, масло и проч.

THE FOOD AND ENERGY CRISES OF THE 2020s AS A VEHICLE OF WESTERN ANTI-RUSSIAN POLICY

MARK ENTIN

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

EKATERINA ENTINA

HSE University, Moscow, 109028, Russia

SOFIA BABKINA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

Western officials and media accuse Russia, conducting its special military operation in Ukraine, of worsening the situation on the global food and energy markets. In addition to existing financial, diplomatic, political and other restrictions, the West is waging an anti-Russian information campaign, blaming Moscow for the global food and energy crises. In practice, the food and energy crises have long existed in certain states and regions, as well as at the global level, going through transformation, aggravation and mitigation phases, depending on a combination of causes. The authors do not deny a certain impact of the geopolitical events on the stability of the energy and food systems. Yet its real effect is much lower. The profitability of speculations on global and local food and energy markets, the effectiveness of the G7 measures to control prices and pricing, the firm intention to further the sanctioning pressure on the Russian fuel and energy complex, the pilot launch of mechanisms to collect rents from the global fuel and energy complex in favor of the West, the consolidation of the goals of decarbonizing the world economy in binding regulations at the national, regional and global levels indicate that the West's anti-Russian reactionary measures are of a consistent nature and in the future may be deployed against other actors to achieve their political and economic goals. In a practical sense, this necessitates a consolidation of efforts and a change in the strategy of Russia and its friendly states toward Western countries to reduce dependence on their information agenda and political actions aimed at instigating crises in various spheres.

Keywords:

food crisis; energy crisis; securitization; fertilizer market; US; EU; anti-Russian sanctions

References

- Arapova E.Ya., Maslova E.A. (2022). *Food (In)security 2022: Winners and Losers of the Sanctions War*. Moscow: MGIMO University. 20 p.
- Bakulina A.A., Bakulin I.A. (2023). Stsenarii razvitiya i sovremennye ugrozy global'nogo prodovol'stvennogo krizisa [Development scenarios and current threats of the global food crisis]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii*. No. 1(53). P. 44–61.
- Baykov A., Crowley-Vigneau A., Kalyuzhnova Ye. (2023). The French Nuclear Challenge to EU Green Energy Governance. *Sovremennaja Evropa*. No. 4. P. 104–118. DOI: 10.31857/S0201708323040058
- Ben Hassen T., El Bilali H. (2022). Impacts of the Russia-Ukraine War on Global Food Security: Towards More Sustainable and Resilient Food Systems? *Foods*. Vol. 11. No. 15. <https://doi.org/10.3390/foods11152301>
- Borovsky Yu.V. (2022). Stolknovenie energeticheskikh interesov Rossii i Zapada: ob'yasnitel'nyy potentsial realistskogo i liberal'nogo teoreticheskikh podkhodov [Russia and the West: Clash of energy interests through the lens of realist and liberal approaches]. *Lomonosov World Politics Journal*. Vol. 14. No. 2. P. 12–39. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-12-39

- Borovsky Yu.V., Shishkina O.V. (2021). Sek'yuritizatsiya energosnabzheniya v ramkakh Evrosoyuza [Securitization of Energy Supply within the European Integration]. *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 14. No. 3. P. 57–81. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-3-78-57-81
- Buzan B.G., Wæver O. (2003). *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press. 564 p.
- Buzan B.G., Wæver O., de Wilde J.H. (1998). *Security: A New Framework for Analysis*. London; Boulder, CO: Lynne Rienner. 247 p.
- Essex J. (2012). Idle Hands Are The Devil's Tools: The Geopolitics and Geoeconomics of Hunger. *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 102. No. 1. P. 191–207. DOI: 10.1080/00045608.2011.595966
- Ferris E. (2023). The Securitisation of Energy Russia's Use of Hydrocarbons in its Foreign Policy since the Ukraine Invasion. *RUSI Occasional Paper*. 28 p.
- Golunov S. Energeticheskie ryuchagi vneshney politiki opyt Rossii i SShA [The energy toolkit of statecraft the cases of Russia and the USA]. *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 19. No. 1. P. 56–73. <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.1.64.3>
- Gross S. (2023). Energy and Climate Challenges Will Continue in 2023. *Policy Brief*. March 2023. The Brookings Institution. 12 p.
- Jiayi Z. (2022). *Producing Food, Security, and the Geopolitical Subject (PhD)*. Linköping: Linköpings universitet. 125 p. DOI: 10.3384/9789179292836
- Johnson D.G. (1978). World Food Institutions: A 'Liberal' View. *International Organization*. Vol. 32. No. 3. P. 837–854. DOI: 10.1017/S0020818300031957
- Luft G., Korin A. (2009). Realism and idealism in the energy security debate. In G. Luft, A. Korin (eds). *Energy security challenges for the 21st century: A reference handbook*. Santa Barbara: Praeger. P. 335–349.
- Qi J. (2023). An Analysis of the Energy Crisis under the Ukraine Conflict. *Advances in Economics, Management and Political Sciences*. Vol. 46. P. 288–294. DOI: 10.54254/2754-1169/46/20230328
- Schelly C., Bessette D., Brosemer K., Gagnon V., Arola K.L., Fiss A., Pearce J.M., Halvorsen K.E. (2020). Energy policy for energy sovereignty: Can policy tools enhance energy sovereignty? *Solar Energy*. Vol. 205. P. 109–112. DOI: 10.1016/j.solener.2020.05.056
- Sergeev E.A., Vorotnikov V.V. (2023). *Strategiya Evropeyskogo Soyuzu v usloviyakh global'noy perestroyki: avtonomiya ili evtanaziya?* [The EU strategy in the context of global restructuring: autonomy or euthanasia?]. Moscow: MGIMO-University. 52 p.
- Zheng W. (2023). European Energy Crisis Analysis: The Background of Russian-Ukrainian Conflict. *BCP Business & Management*. No. 45. P. 128–133. DOI: 10.54691/bcpbm.v45i.4873

Наши авторы

- Бабкина Софья Константиновна** – младший научный сотрудник Центра перспективных американских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России
- Ермак Кристина Андреевна** – магистрант Евразийского учебного института МГИМО МИД России
- Иванов Глеб Никитич** – магистрант Факультета международных отношений МГИМО МИД России
- Касьянов Рустам Альбертович** – доктор юридических наук, PhD, профессор Кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России
- Коктыш Кирилл Евгеньевич** – доктор политических наук, профессор Кафедры политической теории МГИМО МИД России
- Колдунова Екатерина Валерьевна** – кандидат политических наук, доцент, директор Центра АСЕАН МГИМО МИД России
- Кучеров Михаил Юрьевич** – аспирант Института международных исследований МГИМО МИД России
- Маслова Елена Александровна** – кандидат политических наук, доцент Кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России
- Романова Татьяна Алексеевна** – кандидат политических наук, доцент Кафедры европейских исследований Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доцент Департамента международных отношений НИУ «Высшая школа экономики»
- Сергеев Виктор Михайлович** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра исследований политических элит Института международных исследований МГИМО МИД России
- Токарев Алексей Александрович** – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России
- Торкунова Екатерина Анатольевна** – кандидат юридических наук, доцент, доцент Кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России
- Трунов Филипп Олегович** – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам РАН
- Энтин Марк Львович** – доктор юридических наук, профессор, заведующий Кафедрой интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России
- Энтина Екатерина Геннадьевна** – доктор политических наук, директор Центра средиземноморских исследований НИУ «Высшая школа экономики»

Our authors

- Ms Sofia Babkina** – Junor Research Fellow, Center for Advanced American Studies, Institute for International Studies, MGIMO University
- Prof. Dr Mark Entin** – Chair, Department of Integration Law and Human Rights, MGIMO University
- Prof. Dr Ekaterina Entina** – Director, Center for Mediterranean Studies, HSE University
- Mrs Kristina Ermak** – Graduate Student, Eurasian Studies Institute, MGIMO University
- Mr Gleb Ivanov** – Graduate Student, School of International Relations, MGIMO University
- Prof. Dr Rustam Kasyanov** – Professor, Department of Integration Law and Human Rights, MGIMO University
- Prof. Dr Kirill Koktysh** – Professor, Department of Political Theory, MGIMO University
- Dr Ekaterina Koldunova** – Director, ASEAN Center, MGIMO University
- Mr Mikhail Kucherov** – PhD Candidate, Institute for International Studies, MGIMO University
- Dr Elena Maslova** – Associate Professor, Department of Integration Studies, MGIMO University
- Dr Tatiana Romanova** – Associate Professor, Department of European Studies, School of International Relations, St. Petersburg State University; Associate Professor, Department of International Studies, HSE University
- Prof. Dr Viktor Sergeev** – Chief Research Fellow, Center for Studies of Political Elites, Institute for International Studies, MGIMO University
- Prof. Dr Alexey Tokarev** – Lead Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University
- Dr Ekaterina Torkunova** – Associate Professor, Department of Integration Law and Human Rights, MGIMO University
- Dr Philipp Trunov** – Lead Research Fellow, Section for Europe and America, Institute for Scientific Information in Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Международные процессы

Журнал теории международных отношений и мировой политики

Главный редактор **Андрей Байков**

«Международные процессы» – первый российский научный журнал, посвящённый теории международных отношений и мировой политике. В журнале публикуются статьи, анализирующие новые тенденции в развитии международных отношений и мировой экономики, а также освещающие современные теоретические дискуссии по конфликтологии, международным организациям, этическому измерению внешней политики и международного права, международной безопасности, геополитике.

Журнал является независимым изданием, созданным в целях содействия научному общению между русскоязычными исследователями и преподавателями международных отношений и смежных дисциплин. Мы также стремимся помочь становлению и развитию в России школ теоретического осмысления международных отношений и мировой политики.

Среди наших авторов – сотрудники образовательных и исследовательских учреждений России, стран СНГ, Западной Европы и Северной Америки. Помимо академической аудитории, журнал распространяется среди представителей российских федеральных и региональных органов власти, включая Министерство иностранных дел и Федеральное Собрание Российской Федерации.

«Международные процессы» приглашают к сотрудничеству авторов. Объём рукописей, представляемых на рассмотрение Редакционного совета, не должен превышать 60 тысяч знаков с пробелами. К рассмотрению принимаются только ранее не публиковавшиеся материалы, не представленные одновременно к публикации в других периодических изданиях или в составе коллективных работ.

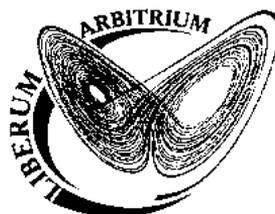
Журнал выпускается четыре раза в год Научно-образовательным форумом по международным отношениям.

ISSN 1728-2756

E-ISSN 1811-2773

Индекс журнала по каталогу «Роспечать» – 46768.

<http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

На эмблеме Форума изображён «аттрактор Лоренца» – фигура, поглощающая вариантность движения потоков частиц в неравновесных системах. Эмблема зарегистрирована как товарный знак.

International Trends (Mezhdunarodnye protsessy)
Journal of International Relations Theory and World Politics

Edited by **Andrey Baykov**
MGIMO University

International Trends is the first Russian academic journal dedicated to international relations theory and methodology of world-political studies.

The journal features first-class articles on new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics and international political economy. Having no direct affiliation with any state or private university or think-tank, the journal seeks to facilitate communication among all Russian-reading scholars and educators and to foster their concerted effort focused on developing theoretical approaches to international relations and world politics.

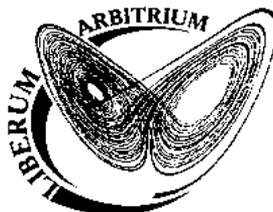
Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts and university faculty, the journal circulates among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Russian Federal Assembly.

International Trends welcomes manuscripts in Russian. Their length should not exceed 60,000 characters. Submitted manuscripts should be original and should not be considered simultaneously for publication in full or in part in any other journal or collective monograph.

International Trends is published four times a year by the Academic Educational Forum on International Relations.

ISSN 1728-2756
E-ISSN 1811-2773

<http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ»

(Редакционная политика)

Редколлегия рассматривает материалы только при условии выполнения всех нижеперечисленных требований!

Общие правила

1. Редакция принимает к публикации статьи объёмом от 0,5 до 1,5 авторского листа. Они должны представлять собой изложение результатов самостоятельного, оригинального научного исследования, соответствующего тематическому профилю журнала и отражающего умение автора свободно ориентироваться в существующем библиографическом контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2. Наряду со статьями редакция публикует аналитические обзоры современных работ (объёмом около 1 авторского листа) и рецензии на новейшую научную литературу (0,25 авторского листа). До 1 июля каждого текущего года рассматриваются тексты рецензий на книги, изданные в предшествующем году. После 1 июля – только на работы текущего года.

3. Принятие материала к рассмотрению не является гарантией его публикации. Все материалы направляются на анонимное экспертное рецензирование.

4. Имена рецензентов (как правило, не менее двух) не разглашаются. В случае отказа в публикации принятого к рассмотрению материала редакция направляет автору мотивированное заключение с изложением оснований для отказа.

Все тексты должны быть написаны литературным языком и отредактированы в соответствии с нормами научного стиля речи.

5. В журнале могут быть размещены только ранее не опубликованные материалы, которые в момент представления их в редакцию не рассматриваются на предмет публикации в других журналах.

6. Плата за публикацию материалов не взимается. Единственными основаниями для решения о публикации являются качество материалов и их соответствие тематике журнала.

7. Направлять статьи необходимо только по электронному адресу submissions@intertrends.ru в файлах типа Word с форматированием текста по левому краю, 12 кеглем через полуторный интервал, шрифт “Times New Roman”.

Убедительная просьба не применять в тексте автоматические нумерацию и списки.

Просим потенциальных авторов с пониманием отнестись к тому, что редакция журнала не вступает в переписку и тем более содержательную полемику с потенциальными авторами по электронной или обычной почте и не принимает на себя какие-либо предварительные обязательства, касающиеся публикации подготавливаемых авторами материалов.

8. Титульный лист с указанием: фамилии, имени, отчества автора, учёной степени и учёного звания, должности и места работы, а также почтового индекса места работы – должен быть сохранён в отдельном файле. Информация в нём должна дублироваться на русском и английском языках. Основной файл статьи должен содержать её название, соб-

ственно текст произведения, постраничные примечания и затекстовый список литературы в кириллической и романской транскрипции. Данное требование связано с соблюдением условий анонимного рецензирования всех направляемых в редакцию рукописей.

9. Авторы должны снабдить представляемые на рассмотрение статьи списком ключевых слов, кратким содержанием работы (резюме) на русском и английском языках объемом не менее 250 слов и пристатейной библиографией в формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования (см. ниже).

Оформление ссылок

1. Ссылки на научную литературу, аналитические доклады и статьи в научных изданиях должны быть оформлены в виде внутритекстовых библиографических ссылок с указанием фамилии авторов, года издания, страниц. В случае отсутствия указания авторства в библиографическом описании издания необходимо указать его название.

Например: [Huntington 1993: 68]; [Хелд и др. 2004: 33]; [Мир вокруг России 2007: 21].

2. Остальные ссылки должны быть оформлены в виде постраничных сносок-примечаний.

Например: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Совет безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 12.10.2013).

Резюме

1. Статьи и аналитические обзоры, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться резюме на русском и английском языках. Оно должно быть выполнено в форме краткого текста, объемом от 250 до 350 слов, который раскрывает цель и задачи работы, её структуру и основные полученные выводы. **Резюме представляет собой самостоятельный аналитический текст и должен давать адекватное представление о проведённом исследовании без необходимости обращения к статье.**

2. Резюме на английском (Abstract) должно быть написано грамотным академическим языком. **Оно не может быть дословным переводом с русского, не может содержать неперево-дных русскоязычных конструкций и идиом.**

Список литературы (References)

1. Статьи, аналитические обзоры и резюме, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться списком литературы на русском и английском языках. Оба списка должны быть составлены по алфавитному принципу (в согласии с русским и латинским алфавитами соответственно). **В список литературы должны быть включены научная литература, аналитические доклады и статьи в научных периодических изданиях (он должен отражать совокупность работ, на которые в статье содержатся внутритекстовые библиографические ссылки).**

2. В списке литературы на русском языке при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы авторов, название работы, место издания, название издательства, год издания, количество страниц. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, сборника или серии, место издания, издательство и год издания для сборников / год издания, том и номер для журнала, номера страниц, для интернет-публикаций также электронный адрес

и дату обращения (при наличии). Название статьи и журнала, а также название сборника и сведения о редакторах должны разделяться двумя косыми чертами. *Фамилия и инициалы автора должны быть выделены курсивом.*

Например: Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 208 p.

Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего // *Метаморфозы мировой политики* / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 148–178.

Стрелец И. Информационная экономика как общемировой социальный феномен // *Международные процессы*. 2011. Т. 9. № 1 (25). С. 25–37.

Салтыков Б. Высшее образование в России: между наследием прошлого и современными вызовами / IFRI. *Russie. Nei.Vision*. 2008. 23 с. URL: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (дата обращения: 24.05.2013).

3. В списке литературы на английском языке (References) при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы автора, год издания, название работы, место издания, название издательства, количество страниц. *Название книги должно быть выделено курсивом.*

4. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, год издания, название статьи, название журнала или серии, том и номер для журнала / место издания и издательство для сборника, количество или номера страниц, электронный адрес и дату обращения (при наличии). *Название журнала, сборника или серии должно быть выделено курсивом.*

Вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации. Место издания должно быть указано полностью. **Название книги, доклада или статьи должно быть транслитерировано и переведено (перевод приводится в квадратных скобках).**

Например: Nye J. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 208 p.

Dolinskiy A. 2011. Diskurs o publichnoy diplomatii [Discourse on Public Diplomacy] // *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 9. № 1 (25): 45–55.

Risse Th. 2002. Transnational Actors and World Politics. In: Carsnaes W., Risse Th., Simmons B.A. (eds) *Handbook of International Relations*. Sage: 255–274.

Saltykov B. 2008. Vysshee obrazovanie v Rossii: mezhdru naslediem proshlogo I sovremennymi vyzovami [Russian Higher Education: Between the Past and the Future]. *IFRI. Russie. Nei.Vision*: 18. 23 p. Available at: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (accessed: 24.05.2013).